

АВТОРЪ ЛАНЦЕЖОВ

ЧЕРЕДА
ОКЛЯННЫХ
ДНЕЙ

Герои книги:

ЛЕНИН

СТАЛИН

ТРОЦКИЙ

МИЛЮКОВ

ГИТЛЕР

ЧЕМБЕРЛЕН

ЧЕРЧИЛЬ

ГОРБАЧЕВ

РУЗВЕЛЬТ

ЕЛЬЦИН

НЕМЦОВ

ЛЕБЕДЬ

и другие...

Анатолий Ланчиков был офицером, учителем средней школы и только в возрасте 33 лет избрал нелегкую стезю литературного критика, а в последнее десятилетие по преимуществу выступает в жанре политической публицистики.

Образование получил в Ленинградском суворовском училище, Московском военном училище и на филологическом факультете МГУ. Автор 15 книг и многочисленных статей в периодической печати. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Анатолий
ЛАНЩИКОВ

ЧЕРЕДА
ОКАЯННЫХ
ДНЕЙ

Москва
Форум
1998

*Посвящаю эту книгу
Василию Ивановичу Белову*

**ЛАНЩИКОВ А.П. Чередa окаянных дней. – М.:
ФОРУМ, 1998. – 296 с.**

В книгу известного критика и публициста Анатолия Ланщикова «Чередa окаянных дней» вошли статьи, опубликованные в последнее десятилетие. Его острое, заинтересованное, прочно укорененное в почву отечественной и мировой культуры, глубоко гражданственное слово всегда находило горячий отклик у читателя. В настоящем издании читатель найдет ответы на многие судьбоносные вопросы, которые не просто интересуют, а в буквальном смысле терзают каждого россиянина на самом излете нашего трагического двадцатого столетия.

ISBN 5-89747-010-3

© А.П.Ланщиков, 1998 г.

Метили в коммунизм, а попали в Россию.

А. Зиновьев

Делали вид, будто метят в коммунизм, а попали туда, куда и метили на самом деле, – в Россию.

А. Ланщиков

БУДЕТ ЛИ СУЩЕСТВОВАТЬ РОССИЯ?

(Вместо предисловия)

Вот такой мучительный вопрос задал себе и своим современникам русский историк и публицист Георгий Федотов, вынеся его в заглавие статьи, опубликованной в «Вестнике РСХД» в далеком 1929 году. «Вопрос этот, – писал он, – несомненно, покажется нелепым для большинства людей. Мы привыкли вот уже 11 лет спрашивать себя об одном: скоро ли падут большевики? Что за падением большевиков начинается национальное возрождение России, в этом не было и искры сомнения. В революции мы привыкли видеть кризис национального сознания».

Сегодня, то есть спустя более полувека, мы в состоянии определить, была ли та тревога мнимой или для нее были реальные основания, а главное – был ли то кризис власти или все же кризис национального сознания? Ис-

тория отвела большевикам семь с лишним десятилетий, однако за их падением вовсе не началось никакого национального возрождения, если не считать за таковое словесную дымовую завесу о возрождении, под прикрытием которой продолжается еще более интенсивное разрушение России.

В 1929 году Г.Федотов подвел некоторые итоги: «Никто не станет отрицать угрожающего значения сепаратизмов, раздирающих тело России... Иные из них приобрели уже грозную силу. Каждый маленький народец, вчера полудикий, выделяет кадры полуинтеллигенции, которая уже гонит от себя своих русских учителей».

Что ж, возможно, это вполне естественно, когда «ученики» начинают испытывать некоторые неудобства от опеки или даже просто от заботы «учителей», а последние, что столь же естественно, начинают испытывать определенное чувство обиды. Вероятно, проблема «отцов и детей» способна вторгаться не только во взаимоотношения между поколениями, но и между народами. И ничего в этом страшного нет, если, конечно, эта проблема не вызывает каких-то разрушительных явлений.

А вот нечто уже более серьезное: «Под покровом интернационального коммунизма, в рядах самой коммунистической партии складываются кадры националистов, стремящихся разнести в куски историческое тело России».

Поразительно здесь то, что Г.Федотов всего лишь через семь лет после образования СССР сумел обнаружить главную кузницу будущих сепаратистов – большевистскую партию, в которой под коминтерновскими лозунгами ковались кадры коммунистов-русофобов.

Ведь после развала СССР в бывших союзных республиках пришли к власти не какие-то там буржуазные или феодальные националисты, а функционеры КПСС, еще вчера стоявшие на платформе интернационализма

и тут вдруг синхронно соскочившие на твердую почву шовинизма. КПСС была предана анафеме, все семь десятилетий истории нашего государства (но не семь десятилетий правления КПСС) начали мазаться лишь черной краской. А соберутся нынче главы новых независимых государств на какой-нибудь форум СНГ... Ба! Да это же все знакомые лица – ну прямо-таки расширенное заседание Политбюро ЦК КПСС да и только.

Вспомните, какие баталии шли вокруг шестой статьи Конституции СССР, в которой были записаны слова о руководящей роли партии. Слова эти удалось убрать, потом удалось развалить и СССР, а вот руководящая роль КПСС, точнее – ее прежних лидеров, остается незабываемой почти во всех отпавших от России государственных образованиях.

«Момент падения коммунистической диктатуры, освобождая национальные силы России, в то же время является и моментом величайшей опасности. Оно, несомненно, развяжет подавленные ныне сепаратистские тенденции некоторых народов России», – провидчески предсказывал Г.Федотов в седьмую годовщину образования Советского Союза.

Сегодня мы много говорим о слабости патриотического движения в России, о раздробленности его сил, о неспособности патриотических партий выработать единую программу действий и порой опускаемся до неприличных перебранок, боясь понять или признать главную истину: Россия б о л ь н а и причем давно больна. Однако прежде чем приниматься лечить болезнь, необходимо поставить точный диагноз и определить давность самого заболевания.

«Для интеллигенции русской, то есть для **господствовавшего западнического крыла**, национальная идея была отвратительна своей исторической связью с самодержавной властью. Все национальное отзывалось реакцией, вызывало ассоциацию насилия или официальной лжи. Для целых поколений «патриот» было бран-

ным словом. Вопросы общественной справедливости заглушали смысл национальной жизни».

Об этом Г.Федотов писал шестьдесят с лишним лет назад, но подразумевал-то он не «свое» время, а куда более отдаленную эпоху, так что у нас есть все основания начало этого заболевания (агрессивный антипатриотизм) отнести к середине прошлого века, когда решалось будущее России. Поэтому мы не должны сегодня удивляться ни высказываниям, ни действиям нынешних «демократов» от Гайдара до Козырева, зараженных живучим вирусом антипатриотизма, поскольку сегодня мы наблюдаем лишь очередную вспышку х р о н и ч е с к о й болезни. Удивляться мы не должны, а вот опасаться распространения этой болезни, то есть трансформации ее в эпидемию – просто обязаны.

Первая эпидемия возникла в эпоху Великих реформ и закончилась убийством царя-освободителя.

Вторая эпидемия возникла в ходе русско-японской войны и закончилась военным поражением России.

Третья эпидемия возникла в ходе Первой мировой войны и закончилась гибелью Российской империи и приходом к власти интернационалистов-большевиков.

В ходе Великой Отечественной войны в значительной степени России удалось восстановить свою иммунную защиту. Вся деятельность Хрущева и Брежнева, направленная на подавление этой иммунной защиты (разрушение православных храмов, очередная попытка реформировать русский язык, кровавые события в Новочеркасске, попытка заменить национальность советским гражданством, коллективизация колхозов, именуемая «укрупнением», гонения на национально мыслящую интеллигенцию и так далее), все же ожидаемого результата не дала. Тогда и была запущена горбачевская «перестройка», а началась она совсем не случайно лишь после того, как ушли на пенсию последние фронтовики.

Четвертая эпидемия (скрытая) привела к распаду Советского Союза и грозит в настоящее время развалом России.

И каждый раз носителем вируса агрессивного антипатриотизма было «господствующее западническое крыло» российской интеллигенции, всегда находящее поддержку как в самой России, так и на Западе. И действие этого вируса всегда было одинаково по своим последствиям.

«Поразительно: среди стольких шумных, крикливых голосов один великоросс не подает признаков жизни. Он жалуется на все: на голод, бесправие, тьму, только одного не ведает, к одному глух: к опасности, угрожающей его национальному бытию».

Это написано более полувека назад, а создается впечатление, будто цитируется какая-нибудь статья современного публициста. А чему тут удивляться? Если болезнь одна, так и ее проявления одинаковы.

Далее Г.Федотов размышляет: «Вдумываясь в причину этого странного омертвления, мы начинаем отдавать себе отчет в том, насколько глубок корень болезни». И сейчас он очень глубок. Если мы серьезно задумаемся в сегодняшнюю ситуацию, то должны признаться, что на старте «перестройки» русские люди, за исключением незначительного меньшинства, думали об улучшении материальной стороны жизни («как на Западе»), а вовсе не о «национальном бытии». И только «голод, бесправие, тьма» позволили патриотическому движению стать массовым. Но массовое — это еще не народное. Гитлеровскую Германию победили не массы, а народ, в котором национальное сознание, как ни печально в этом признаться, пробудили орды, идущие с Запада, а вовсе не партия и правительство, как говорили прежде. Тогда сработал инстинкт национального самосохранения ввиду очевидной и конкретной опасности, теперь все сложнее или запутаннее.

Отчего же у русского народа, вынесшего на своих плечах главную тяжесть Великой Отечественной войны, почти омертвело национальное сознание? Причин тому, конечно, много, но мне хотелось бы указать на одну из них, ставшую традиционной и отмеченную Г.Федотовым:

«К этим разлагающим силам присоединилось медленное действие одного исторического явления, протекавшего помимо сознания людей и почти ускользнувшего от нашего внимания. Я имею в виду отлив сил, материальных и духовных, от великорусского центра на окраины Империи. За XIX век росли и богатели, наполнялись пришлым населением Новороссия, Кавказ, Сибирь (где они теперь: Новороссия и Кавказ? – *А.Л.*). И вместе с тем крестьянство центральных губерний разорялось, вырождалось духовно и заставляло экономистов говорить об «оскудении центра». Великороссия хирела, отдавая свою кровь окраинам, которые воображают теперь, что она их эксплуатировала. Самое тревожное заключалось в том, что параллельно с хозяйственным процессом шел отлив и духовных сил от старых центров русской жизни».

Но ведь после этого еще прокатился каток гражданской войны, унесший из жизни, а в лучшем случае за рубеж десятки миллионов наших соотечественников. Сейчас много пишут и о белых офицерах, и об интеллигенции, и о священниках, погибших или эмигрировавших во время гражданской войны. Изредка вспоминают известных и щедрых купцов. Но по-прежнему остаются в забвении русские промышленники, предприниматели, финансисты, кооператоры, короче говоря, все те, кто развивал (и очень успешно развивал) российскую экономику, не приглашая, как это делается нынче, зарубежных экспертов.

Что ж, помянем их всех добрым словом и обратимся к нашей «ближней» истории. Пресловутая целина высала из великорусского центра материальные и людские ресурсы, и Хрущев вынужден был начать инвестирова-

ние американских фермеров, что мы и делаем до сих пор. Высококвалифицированные рабочие, талантливые инженеры и организаторы производства рассеивались по окраинам, где строили различные промышленные объекты разной сложности, кочуя с одной стройки на другую, а потом на этих объектах трудилось немало специалистов и рабочих из российских регионов. Сколько молодых специалистов – выпускников вузов из «старых центров русской жизни» – вынуждено было по разнарядкам, бросив родные дома, отправиться в регионы, которые теперь именуются «ближним зарубежьем», и на свою беду так там и остаться.

А в это время представители южных окраин осваивали необъятное российское базарное пространство, наживали целые состояния, а когда у нас объявили капитализм, стали скупать движимость и недвижимость, рабочую силу и землю. Наше западническое крыло российской интеллигенции настойчиво внедряет в жизнь ленинские принципы национальной политики. Вот что, к примеру, писал Ильич в своем политическом завещании: «Поэтому интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически».

Я бы посоветовал нашему западническому крылу предложить этот ленинский принцип внедрить в практическую жизнь, скажем, американцам по отношению к черному меньшинству или немцам по отношению к туркам: ведь всем хорошо известно, что негров белые американцы покупали у работорговцев как рабочий скот, а немцы приглашали турок как дешевую рабочую силу. Нет, не сунется это самое «крыло» с таким предложением ни к американцам, ни к

немцам, потому как прекрасно знает, какова последует реакция. А вот в России принцип национального реваншизма сначала внедрялся под прикрытием авторитета «великого Ленина», теперь, когда произошла девальвация этого авторитета, он внедряется из чувства безнаказанности.

Что ж, я думаю, что мы вправе сегодня сказать: нынешняя Россия переживает не только кризис власти, но и кризис национального сознания. «Падение царской идеи, — писал Г.Федотов, — повлекло за собой падение идеи русской. Русский народ распался, расплылся на зернышки деревенских мирков, из которых чужая сила, властная и жестокая, могла строить любое государство, в своем стиле и вкусе».

Итак, теперь мы, кажется, убедились, что у «чужой силы» и вкусы, и стили весьма разнообразны, но нам, как говорится, от этого не легче. Что же касается монархической идеи, которая сейчас в некотором ходу, то она вынашивается и выстрадывается очень долго, а воплощается в жизнь только после серьезной созидательной работы, но не на обломках государства. Короче говоря, монархию нужно еще заслужить, а пофлиртовать с монархической идеей, конечно можно, особенно когда это ничем не грозит.

«Я не буду останавливаться здесь на политических условиях, совершенно бесспорных, русского возрождения. Таким неопременным условием является создание национальной власти в России» (выделено мной. — А.Л.).

И тут Г.Федотов абсолютно прав, без реализации этого условия никакое возрождение в России свершиться не может, оно является именно н е п р е м е н н ы м. И еще одна очень важная рекомендация русского мыслителя: «Мы должны лишь выйти из своей беспечности и взять пример с кипучей и страстной работы малых народов, работы их интеллигенции, из ничего, или почти из ничего, рожающей национальные традиции. На-

ша традиция богата и славна, но она запылилась, потускнела в сознании последних поколений».

Да, кредит оптимизма у русских патриотов, кажется, в последнее время стал иссякать. Но отчаяние – великий грех да и соблазн немалый. Поэтому мы должны верить, но не слепо.

Мы хорошо знаем, к чему нас привела горбачевская «перестройка», перечислять принесенный ущерб можно до бесконечности, от развала Союза до... А давайте взглянем с другого конца: что дала нам эта «перестройка»?

Во-первых, благодаря некоторой гласности была похоронена сама идея переброски северных рек; претворись она в жизнь – Россия была бы обречена.

Во-вторых, при необузданном разогреве шовинистических настроений и высказываний на окраинах стала возможной легализация народного движения в России в различных организационных формах.

В-третьих, департизация армии привела к ее политизации, а оплевывание в демпрессе офицерского корпуса и всех армейских традиций способствовало пробуждению у офицеров национального самосознания.

В-четвертых, попытка в «демократических» СМИ дискредитировать семь десятилетий нашей истории, в том числе и победу в Великой Отечественной войне, качнула старшие поколения, да и часть молодежи, в лагерь оппозиции.

В-пятых, разгул вседозволенности в прессе позволил легализовать и патриотическую печать, которая при всех ее недостатках способствовала и способствует пробуждению национального сознания.

В-шестых, образование РКП освободило многих коммунистов от коминтерновской идеологии и диктата генсека Горбачева, явно проводившего антинациональную и антигосударственную политику.

Вероятно, этот перечень достаточен, чтобы убедиться, что «перестройка», вопреки намерениям ее «прорабов», открыла кое-какие перспективы для возрождения

национального самосознания русского народа. Теперь давайте, и тоже с «другого конца», взглянем на события августа 1991 года и «беловежского» путча.

Однако сначала следует кое-что прояснить и вспомнить. Развал Союза начал не Ельцин, а Горбачев, когда в начале сентября он по распоряжению Буша без всяких договоренностей и условий «отстегнул» в один момент Прибалтийские республики. В быту развод супругов и то производится куда в более длительные сроки, но Горбачев торопился выполнить распоряжение Вашингтона из боязни потерять поддержку своих американских покровителей. В это время начался процесс провозглашения независимости в союзных республиках; Горбачев понимал, что некоторые из них могут последовать примеру прибалтов, и начинал подогревать сепаратистские настроения в автономиях, соблазняя их как субъектов будущего государственного образования – ССГ (Союз Суверенных Государств) – равными правами с тогдашними союзными республиками.

Жаль, конечно, что Конституционный суд своевременно никак не квалифицировал эти действия Горбачева.

Ельцин вроде бы поддержал Горбачева, но высказался в том духе, что если Украина не войдет в состав этого ССГ, то ничего путного из этой идеи не получится. Казалось, в этой ситуации Горбачев должен был немедленно отправиться на Украину и приложить все усилия... Но Горбачев попросту трусил и занял выжидательную позицию. И дождался Беловежской пуши, полного развала СССР и собственной отставки. Декабрь 1991-го без каких-либо натяжек оказался историческим месяцем в мировом масштабе.

Историческое тело России развалилось, от нее отпало гораздо больше территории (соответственно и населения), чем было оккупировано немцами в годы Великой Отечественной войны. Исполнительная власть и все президентские структуры оказались в руках «запад-

нического крыла российской интеллигенции»... Но мы, кажется, договорились не касаться нынешних негативных сторон нашей жизни. Итак, что мы имеем сегодня в активе?

Во-первых, после прошлогодних октябрьских кровавых событий власть вынуждена была признать их национальной трагедией и публично отказаться считать себя победительницей. Власть также вынуждена была перехватить некоторые лозунги и терминологию национальной оппозиции и в какой-то мере даже реабилитировать слово «патриот», что весьма немаловажно.

Во-вторых, убедительная победа на выборах 12 декабря прошлого года ЛДПР, а также КПРФ и «аграриев» и поражение «Выбора России» и близких ему партий и движений показали истинное отношение народа к правящему режиму и заставили Ельцина отказаться от собственного обещания провести президентские выборы в июне 1994 года, отложив их до 1996 года.

В-третьих, за эти годы многие российские предприниматели, задавленные налогами, убедились в том, что нынешний режим готов в любую минуту «сдать» их иностранному капиталу и тем самым предать интересы национальной экономики. В настоящее время сословие русских предпринимателей все активнее принимает участие в политической жизни страны, что непременно должно сместить акценты во внутренней и внешней политике в сторону национальных интересов России.

В-четвертых, при всех внутренних разногласиях казачество в целом сориентировано на возрождение Российской государственности и на развитие национальной экономики, и сегодня оно уже представляет организованную силу, с которой нельзя не считаться.

Все эти факторы довольно резко изменили ситуацию даже по сравнению с концом прошлого года, не говоря уже о более ранней стадии, когда выступления на-

циональной оппозиции носили всего лишь эмоциональный характер.

Сегодня всем сословиям России становится ясно, что общие национальные интересы России не только совпадают с их сословными интересами, но только они и дают им перспективу и гарантию на естественное развитие в будущем. **В России никто не выживет в одиночку, но Россия может выжить и в одиночку, если все сословия и национальные движения и партии почувствуют себя единым организмом с возрастающей духовной силой, с ответственным интеллектом и достаточной национальной иммунной защитой.**

Свою статью Г.Федотов закончил так: «На вопрос, поставленный в заглавие настоящей статьи: «Будет ли существовать Россия?» я не могу ответить успокоительным: «будет!» Я отвечаю: «Это зависит от нас. Буди! Буди!»

От себя коротко добавлю. Как показала история, в 1929 году этот призыв оказался **преждевременным**. В 1994 году он оказался **своевременным**. Сегодня у нас есть шанс. Завтра он может исчезнуть.

1994 г.

ТЕХНОЛОГИЯ
ВЫЖИВАНИЯ
ИЛИ
ТЕХНОЛОГИЯ
ЖИЗНИ?

И нынче, когда наступила долгая череда окаянных дней, писателю надлежит представлять координаты общей беды и не столько задумываться об общем смысле жизни, сколько о том, о чем безмолвствует народ...

Немецкий историк Генрих фон Зибель высказывал кажущуюся парадоксальной, но по сути своей очень верную мысль: «Плодотворное обсуждение социального вопроса удастся только тому, кто приступит к нему с признания неразрешимости этого вопроса...»

Нет, мы не должны ориентироваться ни на Запад, ни на Восток. Мы должны ориентироваться на собственную историю и извлекать из нее уроки, ибо кто контролирует прошлое, тот реально держит власть в настоящем и имеет все предпосылки сохранить ее в будущем...

Не исключено, что со следующего столетия нового тысячелетия природа, наконец-то, начнет освобождаться от обитателя, который то ли по Божьему попущению, то ли посредством сатанинского соблазна, то ли по простой иронии судьбы возмнил, что он не просто «homo», но еще и «sapiens».

ТЕХНОЛОГИЯ ЖИЗНИ

В одну телегу впрячь не можно
коня и трепетную лань.

А. Пушкин

Думается, те, кто в состоянии подняться над своими партийными заботами с интересом и не без пользы для себя прочтут (или прочли) статью Ю. Воробьевского «Технология выживания», ибо автор мыслит масштабно и концептуально, не теряя по дороге актуальных проблем сегодняшнего дня, от разрешения которых зависит как судьба нашего государства, так и всего остального мира. Статья «Технология выживания» наверняка вызовет возражения, но тут, к сожалению, не возникает уверенности, что все несогласные отважатся на честный спор во имя истины. Есть все основания полагать, что будущие оппоненты, особенно из числа бывших коммунистов, научившихся клеймить и отлучать, но не способных ни к какому диалогу, навесят на Ю. Воробьевского очередной ярлык, а может быть, сразу несколько и на этом поставят точку, весьма похожую по своей конфигурации на пулевую пробойну.

Автор «Технологии выживания» уместно позаботился и о композиции, что придало его разговору не только внешнюю аккуратность, но и внутреннюю стройность, которая всегда дисциплинирует мысль. Статья начинается с концептуального посыла, затем следуют три развернутых тезиса («За что голосует Культура?»),

«За что голосует Природа?» и «За что голосует Расчет?»), а завершается она четкими выводами, вот на них-то мы и обратим свое внимание в первую очередь.

Ю. Воробьевский видит два пути выживания:

«Первый, идущий от Торы, пришел к либерализму в политике и к рынку в экономике. Как это ни странно, он всегда чреват фашизмом, исповедующим ту же идею избранности.

Второй путь пролегает через христианство, ислам и... коммунизм».

Отточие тут, по-моему, излишне, так как чуть пораньше Ю. Воробьевский высказал более смелые мысли:

«Антитеза этому («гибельному ожирению потребительского общества», или фашизму. – А.Л.) одна – коммунизм как новый тип религии. И в этом смысле ему нужен свой основатель, образно говоря, свой Лютер...

...Не означает ли, что, отказываясь от коммунизма, человечество допускает ошибку, по своему масштабу вполне соизмеримую с распятием Христа...».

Здесь, пожалуй, следует сделать два небольших уточнения. Во-первых, от Лютера дорога к религиозному коммунизму все же несколько подлиннее, нежели от Римского папы, и Лютер как раз сократил тот путь, что ведет к «гибельному ожирению потребительского общества». Во-вторых, при всей нашей сердобольности нельзя считать ошибкой распятие Христа, потому как без Голгофы, то есть без искупительной жертвы Христа, христианство теряет свой жертвенно-нравственный смысл.

Это уточнения. А вот уже повод и для размежевания. Хорошо, скажем мягче, для принципиального несогласия. «Коммунизм как новый тип религии». Что ж, с этим положением при целом ряде оговорок можно было бы и согласиться, если бы в разделе «За что голосует Культура»? не прозвучал вот такой тезис: по сравнению с мировыми религиями «марксизм – новый шаг по этой дороге». Если это так, то Маркс и есть тот искомый Ю. Воробьевским новый Лютер.

«Да, у каждой великой идеи есть не только свои мученики, но свои иуды. Марксистская идея народовластия выродилась...

И все же непримиримое противостояние христианства, ислама и коммунизма – это противостояние их наслоений».

Нет, мы так далеко не уйдем, давайте все-таки договоримся о терминах и не будем подменять по своему усмотрению коммунизм марксизмом, а марксизм коммунизмом, они не равнозначны хотя бы по своему возрасту.

Что же такое коммунизм? Идеалы коммунистического общежития были воплощены в жизнь еще в доисторический период – первобытный коммунизм, – когда технология выживания диктовала коллективную форму собственности, однако все наши суждения о той эпохе несут на себе печать предположительности или даже гадательности.

Итак, если говорить о коммунистическом идеале, то он ровесник человеческой культуре, и только политический дальтонизм позволяет считать его альтернативой современному капитализму. Что же касается современного коммунистического идеала, то его отцом следует считать не Карла Маркса, а Томаса Мора, который был не праздным мечтателем, а крупным государственным деятелем (английским канцлером). И когда он писал свою знаменитую «Утопию», то его соблазняли отнюдь не философско-поэтические мечтания, а реальность современных ему государственных проблем, точнее, радикальные пути их разрешения. И утопичны в его государственном романе (так позже станут определять жанр подобных произведений) не столько картины рисуемой им возможной жизни, сколько мысль-фантазия о том, что в эпоху развития капитализма финансовые проблемы могут быть решены упразднением самих финансов (то есть денег) путем перехода к строгой системе государственного распределения всех материальных благ, производимых обществом.

И не случайно то, что «Утопию» написал английский канцлер, а, скажем, не турецкий, пусть у тогдашних турок он назывался и по-другому. Конец XV – начало XVI века («Утопия» написана в 1516 году). Англия переживает эпоху «первоначального накопления». Процесс «огораживания» согнал крестьян с земли и уничтожил крестьянство как класс. Бродяжничество, нищенство, разбой, казни приняли массовый характер, став печальной повседневностью английского образа национальной жизни. Было над чем задуматься английскому канцлеру, и не от веселой жизни взялся он тогда за перо. Между прочим, чуть более чем через сто лет другой английский канцлер, Фрэнсис Бэкон, тоже попробует свои силы в этом жанре и напишет «Новую Атлантиду» (1621). И эти утопии английских канцлеров не чета выморочному реализму брежневских мемуаров.

В период перестройки у нас так затрепали слово «рынок», так его актуализировали и осовременили, что порой создается впечатление, будто рынок – это открытие нашего времени. А между тем рынок существовал всегда и повсюду (тут я, конечно, не имею в виду доисторические времена), в том числе и в нашей стране, даже тогда, когда она стала называться Советским Союзом. И современный капитализм характеризуется и отличается от прежних эпох вовсе не тотальным развитием рынка товаров, а тотальным развитием рынка денег, который фактически осуществляет контроль над всеми сферами индивидуальной и общественной деятельности граждан, в том числе и над промышленным производством. И не только контроль. Чего прежде история никогда не знала.

Первыми воплотить коммунистические идеалы в жизнь попытаются якобинцы – главные действующие лица второго акта Великой Французской революции, благо в их распоряжении были коммунистические произведения от далеккого и чужеземного Томаса Мора до

их современников Морелли и Мабли, пусть и усвоенные ими не по первоисточникам, а в «пересказе» грозных и решительных вождей: Марата, Робеспьера, Сен-Жюста, Дантона... И пришел тогда во Францию не призыв коммунизма, а материализовавшийся коммунистический утопический идеал, так что победа над короной и дворянством в первом акте оказалась всего лишь прологом к долгой и кровавой трагедии.

Великая Французская революция имела много следствий, и одно из них – великий испуг, а одним из следствий самого испуга явился социализм, но не как учение (такого учения нет и никогда не было), а как поиск нравственного решения до конца не разрешаемого социального вопроса. Социалистов домарковского периода стали потом называть утопистами, а послемарковского периода – оппортунистами.

Причину непримиримого антагонизма между трудом и капиталом открыл не Маркс, а еще Адам Смит, который в отличие от меркантилистов (Ваттевиль, Мень, Кольбер) и физиократов (Тюрго, Кене) посчитал главным источником богатства – труд, поскольку именно труд создает общественно значимый полный продукт. Вокруг этого полного продукта и возник антагонизм между трудом и капиталом. Капиталист смотрел на непосредственного производителя как на рабочий скот, от которого следует взять все, дав ему лишь необходимое для поддержания физической жизни. Особенно отчетливо это проявлялось в передовых Соединенных Штатах, где еще в XIX веке всюду процветали рабство и работорговля. Естественно, что рабочий смотрел на капиталиста и всех примазавшихся к нему помощников как на паразитов. Социалисты же выстроили совсем иную социальную иерархию, в основании которой лежал скромный принцип с о ц и а л ь н о й с п р а в е д л и в о с т и. Они признали за рабочим право считаться производителем, а за капиталистом и его помощниками признали право считаться полезными людьми. Камнем

преткновения при разрешении социального вопроса для них были рента и право имущественного наследия, так как в обоих этих случаях капитал не обеспечивался никаким личным трудовым вкладом получателями наследства или ренты. Тут паразитизм чистой воды. Социалисты не только призывали к гражданскому миру, но и боролись по мере своих сил за осуществление идеалов социальной справедливости.

«Кстати, на Западе, – пишет Ю. Воробьевский, – давно поняли: справедливость – экономична. Вложение средств в человека окупается сторицей, поняли и раскошелились на создание «общества двух третей».

Для того, чтобы капитал понял хоть это («справедливость – экономична»), потребовались многочисленные революции, бесчисленное количество человеческих жертв, потребовалась реальная угроза мировой революции. Только тогда капитал начал прислушиваться к социалистам и умерять свой аппетит.

Но, вероятно, в истории ничего не делается зря. И коммунизм, и коммунистическое движение вполне закономерны и заслуживают отнюдь не только бранных слов. Как в свое время Пугачев, насмерть перепугав крепостников, направил всю общественную мысль России в сторону освобождения крестьян от крепостной зависимости; так и компартии разных стран с их Коминтерном навели ужас на капитал и заставили его понять, что «справедливость – экономична», и всерьез задуматься о сохранении в обществе гражданского мира.

Коммунизм в современном сознании неразрывно связывается с марксизмом, на этой позиции стоит и Ю. Воробьевский, предлагающий очистить коммунизм от наслоений, и тогда марксизм может ассимилировать также очищенные от наслоений мировые религии и в планетарном масштабе построить общество социального благоденствия. И тут нам придется ответить еще на один вопрос.

Что же такое марксизм? Марксизм – родное, а не побочное дитя позитивизма. С конца прошлого века марксизм стал почти религией, однако на излете двадцатого столетия он начал стремительно терять как своих истовых апостолов, так и свою ранее неисчислимую паству, однако марксизм не исчерпывает собою «универсальный» метод позитивизма, марксизм – это еще не весь позитивизм, по-прежнему нисколько не сдал своих позиций дарвинизм – учение, которое следует считать краеугольным камнем позитивизма.

И если говорить о Дарвине и Марксе, то первый оказал и по сей день оказывает куда большее влияние на человечество, нежели второй, хотя влияние второго, если оно есть, всегда неизмеримо очевиднее. К тому же, марксизм требует от индивидуума определенных знаний и определенного умонстроения. В дарвинизме же главное как раз **н е з н а н и е** – незнание Бога. Можно держать в голове массу различных научных сведений и умело ими манипулировать в сугубо утилитарных целях, а можно их в голове не держать и всю жизнь манипулировать дворницкой метлой, но если в обоих случаях не знать Бога, то разница между академиком и профессиональным дворником просто ничтожна в сравнении с разницей между верующим человеком и неверующим, независимо от их образовательного уровня и социального положения в обществе.

Марксизм усвоил от дарвинизма теорию эволюции и естественного отбора и, перенеся ее в сферу социально-исторической эволюции, в борьбе видов по аналогии узрел борьбу классов и провозгласил ее главным двигателем исторического прогресса.

Еще до Маркса немецкий философ Макс Штирнер развил позитивистскую теорию индивидуализма до такой степени эгоцентризма, когда единственной реальностью во вселенной стало представляться лишь собственное «я». Ницше пошел еще дальше, простой фиксации «я» как единственной во вселенной реальности он

предпочел активное самостроительство этого «я» до пределов сверхчеловека.

Таким образом, в XIX веке в обширнейшей зоне притяжения христианского вероучения произошло разъятие самого человека на его составные. Дарвин своей теорией естественной эволюции оторвал человека от Бога, приписав ему зоологическое ближайшее родство с обезьяной. Штирнер оторвал человека не только от себе подобных, но и от всего остального мира. Маркс оторвал человека и от Бога, и от народа, обстругав человека со всех сторон до слоя экономической функциональности, загнал его в клетку классовой борьбы. Взбунтовавшийся Ницше вытащил человека из тьмы штирнеровского одиночества, выпустил его из марксовой клетки классовой психологии и наделил инстинктами не дарвиновской обезьяны, а гордого и хищного орла – хозяина бескрайнего и не знающего границ неба.

Пробегите мысленно историю ныне истекающего столетия со всеми ее бесчисленными войнами, преступлениями и кошмарами, и вы ничему не удивитесь, если представите в роли действующих лиц не Христову паству, а паству Дарвина – Штирнера – Маркса – Ницше. Что ж, XIX век оставил нам весьма, говоря аккуратно, разнообразное наследие, а мы в силу необъяснимых причин выбрали из этого наследия отнюдь не самое ценное и, воплотив губительные идеи в жизнь, фактически разрушили самого человека.

И сейчас, видимо, дело не в марксизме и тем более не в его реанимации, а в том, придет ли на смену позитивистскому миронастроению новое мирочувствование, как когда-то на смену развитому античному языческому миру с его духовными и наглядными материальными ценностями пришел христианский мир с его целостным и нераздельным взглядом на общественное и индивидуальное бытие, в котором нравственное самодержавие человека обеспечивалось его прочными личными связями с высшей нравственной инстанцией – с Богом.

И хотя, когда я читал статью «Технология выживания», меня не покидало ощущение, что ее автора не столько заботит крушение религиозного сознания, сколько крушение марксистской идеологии в нашей пострелигиозной страны, я все-таки не могу не учитывать авторского стремления к выработке нового универсального религиозного сознания. Такой жест не должен быть проигнорирован, даже если предлагаемые пути представляются тупиковыми. Немецкий историк Генрих фон Зибель высказал кажущуюся парадоксальной, но по сути своей очень верную мысль: «Плодотворное обсуждение социального вопроса удастся только тому, кто приступит к нему с признания неразрешимости этого вопроса».

Мне представляется, что исходные данные у нас именно таковы, когда есть все основания признать неразрешимость обсуждаемого вопроса. Для начала Ю. Воробьевский ставит весьма сложную задачу: очистить от всяких наслоений первоисточники христианства, ислама и коммунизма. Сразу же возникают вопросы: кто будет очищать первоисточники от наслоений и кто возьмется определять, что в христианстве, исламе и коммунизме является наслоением?

Мне лично, например, представляется, что одним из серьезнейших наслоений на коммунизм стал марксизм. Ведь нет ни одной религии в мире, которая смогла бы принять в себя коммунизм вместе с марксизмом, поскольку марксизм отрицает всякую религию. Для любой религии марксизм – это троянский конь. Но Ю. Воробьевский отстаивает не только коммунизм, но и марксизм. Да, сказано: «Богатый есть вор». Но ведь же и сказано: «Не укради», «Не убий». А как же революции, экспроприации?.. Это ведь все тот же марксизм. Что же касается «богатого – вора», то он сам за все потом ответит, как говорится, «Мне отмщение...»

А во имя чего мы возводим весь этот огород? Ю. Воробьевский отвечает на это так: «Задача – обес-

печить достойную, без изысков жизнь каждому. Как? Вспомним наши скиты, духовборческие общины, ка-
зачьи поселения, коммуны 20-х годов».

Он же в другом месте вспоминает монастыри, а я бы еще вспомнил коммунистические общины и рабочие ассоциации, которые создавали европейские социалисты от Сен-Симона до Консидерана в начале прошлого века.

Что касается, скажем, духовборческих общин или монастырей, то они скреплялись глубоким религиозным сознанием и жили века, а вот всякого рода коммуны, которые строились на зыбком основании какой-либо умозрительной идеи, умирали раньше, чем их организаторы. Впрочем, и умозрительная идея может скреплять ту или иную общность людей, если она органически вытекает из религиозной сверхзадачи. Устраните эту сверхзадачу, и общность сразу же распадется. Нет, коммуны двадцатых годов «у нас» или коммунистические общины «у них» никак не держатся в одном ряду с монастырями или духовборческими общинами, даже если их и выстраивать через запятую.

Признаюсь, я не особенно уверенно чувствую себя в вопросах богословия, а потому уклонюсь от него в сторону хотя бы народных обычаев, уходящих своими корнями все-таки в толщу религиозного сознания, и попытаюсь прикинуть, чем бы я мог как христианин поступиться в пользу ислама.

Возьму всегда современный вопрос: отношение к женщине. У нас в двадцатых и тридцатых годах в широком ходу было выражение: «Угнетенные женщины Востока». Действительно, какой ужас: женщин там не выдают замуж, а продают будущим мужьям, как продают скот, то есть мужчина фактически покупает женщину и делает ее своей женой. То ли дело у нас, у христиан: понравилась тебе девушка – сватайся; если и тыглянулся родителям бери ее бесплатно, более того, тебе еще приплатят, только бери.

Вот я и думаю: так у кого же более ценятся женщины? У мусульман скот всегда был в почете, количество его определяло богатство или достаток, отсутствие его свидетельствовало о бедности. Если уж ты не сумел обзавестись скотом, так незачем тебе обзаводиться и семьей – только нищих плодить. Пусть в некотором роде сравнение со скотом и не комплимент, но и на оскорбление оно не намекает.

А какой принцип действовал у нас, я так и не пойму. Ведь со скотом у нас женщину никак не сравнишь. На базаре даже за кролика и то какую-то цену брали. Котят разве что отдавали бесплатно. А тут еще приплата. Или как: похуже девушка – побольше приплата, лучше – поменьше?.. У нас целое сословие даже было – бесприданницы. На них как бы печать какая-то стояла. Уж лучше родиться некрасивой, чем оказаться бесприданницей. И, по-моему, справедливее, если бедный мужчина так и умрет холостяком, не познав трудного семейного счастья, чем бедная женщина всю жизнь прокукует одна.

А проще всего этот вопрос решался, конечно, у коммунистов-атеистов. Революционный закон экспроприации отменял всякие рыночные отношения в столь деликатном вопросе: понравилась девушка – хватай, разонравилась – бросай. Свобода прежде всего – и никаких предрассудков. Четко, как пулеметная очередь. Или такой вопрос – паранджа. Укутают молодую красивую женщину с ног до головы, и некому похвастаться ей, бедняжке, своими достоинствами – разве что мужу? Хотя в какой-то мере это и гуманно – можно долго старость свою скрывать, а она ведь никого не минует. И мужчинам опять-таки удобно: не нужно женщине место в трамвае или автобусе уступать, обидится, – молодая потому, что молодость ее не разгадал, а старая потому, что старость ее обнаружил.

А что у нас, христиан? Одна эпоха как тезис выдвигает декольте. «Алиса Осиповна явилась однажды на

урок в нарядном розовом платье, с маленьким декольте» (А. Чехов). Это «на урок», а во внеклассное время являлись уже с глубоким декольте как спереди, так и сзади. Настали другие времена, и как антитезис была выдвинута мини-юбка. И «на урок» в них являлись уже не Алисы Осиповны, а юные школьницы. Эпоха перестройки смело пошла на синтез – общественный пляж принял женский купальный костюм в стиле Евы.

Разумеется, вся эта триада родилась не в стенах христианского храма – но почему духовные наставники христианских храмов и более высокие церковные иерархи стыдятся прослыть непрогрессивными и не стыдятся повсеместного прилюдного срама? Хотя что говорить, если, добравшись до парламента, наш православный священник отдает свой голос «за войну». И тут я скорее протяну руку коммунисту-пацифисту, нежели христианскому священнику-милитаристу.

Итак, две позиции (калым и паранджа) я готов уступить исламу. Но вот крест не уступлю, это более чем родное. Впрочем, тут возможен и компромисс, можно воссоединить крест с полумесяцем, как это сделала международная организация милосердия.

А вот дальше я не пойду, знаний для сравнительного анализа не хватает, статью-то я пишу с налета, без подготовки, отклик требует оперативности и, конечно, немного добросовестности. Ю. Воробьевский оснащен тут более солидно, поэтому я и передам ему слово.

«В последнее время коммунистическому мировоззрению активно противопоставляется христианское, исламское. Оправданно ли это? Заглянем в историю».

По-моему, оправданно, особенно если заглянуть в историю. Почти полтора века коммунизм, если ему только позволяли внешние условия, вел беспощаднейшую борьбу не только с религиозным мировоззрением, но и со священнослужителями, и просто с верующими гражданами. Там, где это было возможно, в том числе и в нашей стране, борьба эта принимала прямо-таки ин-

квизиторские методы. Даже татаро–монголы в этом отношении были более терпимы и гуманны.

Правда, Ю. Воробьевский имеет в виду другую историю, более отдаленную, когда еще о марксизме даже не подозревали. Что ж, дадим нашему оппоненту привести весомый аргумент:

«Возьмем моральные заповеди Христа, возьмем сугубо практические рекомендации законов Шариата – что это? Поистине концентрация оптимальных правил человеческого общежития. Это – свод необходимых ограничений. В исламе, религии более молодой, такой набор развернут. Он детализирован вплоть до повседневного быта. Здесь все не случайно – вплоть до запрета на частную собственность на землю».

Между прочим, «практические рекомендации» присущи были и древним религиям. В частности, иудаизму, который устами Моисея поучал: «И чтите пятидесятый год, и призывайте в страну вашу свободу для каждого ее обитателя, ликованием должно это быть для вас, и возвращайтесь каждый к своему роду». А вот здесь запрет на владение землей не подразумевается, напротив, в каждый пятидесятый год владелец мог вернуться на свою землю. Иудей мог промотать имущество, деньги, но вот землю он промотать не мог, он мог сдать ее в аренду, но на срок, ограниченный юбилейным, то есть пятидесятым годом. Продать землю – это значило продать свободу. А юбилей по-древнееврейски – тромбон. И каждый пятидесятый год на иудейской земле звучали звуки юбиля, которые удостоверяли свободу каждого гражданина на уровне религиозного обычая. Таким же религиозным обычаем был и «шабашный год», когда никто ничего не сажал и не сеял – ибо в этот год отдыхала земля.

А в наших нынешних парламентах, в которых подавляющее большинство составляют коммунисты (не важно, сдавшие или не сдавшие свои партбилеты), с ликованием принимают закон, предусматривающий куп-

лю-продажу земли, то есть приравнивают ее к любому товару. Сейчас то и дело слышишь: «Без собственности нет личности, без собственности нет свободы...». Согласен. Только без собственности, неотчуждаемой ни при каких условиях. Ведь если собственность отчуждаема, то отчуждаемыми становятся и подлинные права личности, и свобода. И такой неотчуждаемой собственностью может и должна быть только земля. А у нас и по смерти-то человеку не гарантируется несколько метров земли – какая же это свобода и какие уж тут права?

Хотелось бы верить, что христианство и ислам найдут общий язык, хотя ни о какой взаимоассимиляции не может быть и речи. Но вот коммунизм как синтез разных религий – это абсурд. И тут Ю. Воробьевскому не помогут никакие авторитеты, к которым он безнадежно обращается, пытаюсь из Бердяева сделать второго Ленина, а из Фромма второго Маркса.

Э. Фромм Ю. Воробьевский называет «одним из крупнейших философов нашего столетия», а далее излагает: «Он писал о том, что «многие из тех, кто открыто проповедует веру в Бога, в своих человеческих отношениях являются идолопоклонниками или людьми без веры, в то время как некоторые из наиболее воинственных «атеистов», посвящающих свою жизнь улучшению человечества, утверждению братства и любви, демонстрируют веру и глубокое религиозное отношение».

Во-первых, вера не поддается демонстрации, демонстрировать можно веру в партию или любовь к какому-нибудь лидеру, например, к Собчаку. Во-вторых, даже у идолопоклонников в какой-то мере развито религиозное чувство, а стало быть, и вера в нечто, лежащее за пределами собственного или чужого «я». В-третьих, я не исключаю, что некоторые атеисты пытались посвятить свою жизнь «утвержде-

нию братства и любви», но невозможно даже вообразить, будто не просто атеисты или даже воинственные, а именно наиболее воинственные атеисты клали свою жизнь на алтарь «братства и любви» да еще вдобавок «демонстрировали веру и глубокое религиозное отношение». А вот интересно, поверил бы сам Ю. Воробьевский в то, что некоторые наиболее воинственные антикоммунисты утверждают братство и любовь, демонстрируя веру и глубокое коммунистическое отношение? Сомневаюсь.

И еще один из приемов защиты: «Впору напомнить слова человека, которого никак нельзя заподозрить в симпатии к большевикам. В 1937 году Н. Бердяев написал: «Ко времени революции старый режим совершенно развалился, исчерпался и выдохся. Война dokonчила процесс разложения... Народные массы были дисциплинированы и организованы в стихии русской революции через коммунистическую идею, через коммунистическую символику. В этом бесспорная заслуга коммунизма перед русским государством».

Во-первых, то был 1937 год, когда западная интеллигенция и русская эмиграция, перепуганные Гитлером, стали с надеждой смотреть на сильный Советский Союз. Во-вторых, «ко времени революции старый режим» был довольно крепок, иначе Россия не смогла бы два с половиной года вести столь тяжелую войну. В-третьих, «народные массы были дисциплинированы и организованы» не «через коммунистическую идею, через коммунистическую символику», а при помощи ВЧК, заградотрядов, концлагерей, продотрядов и комиссаров. В-четвертых, Бердяева, разумеется, трудно заподозрить в особых симпатиях к большевикам, как нельзя его заподозрить и в особой любви к русскому народу. А что касается «заслуги коммунизма перед русским государством», то 7 миллионов беспризорных (факт в истории неслыхан-

ный), которых мы имели после гражданской войны, — это, возможно, и заслуга, но только не перед русским государством. Впрочем, Бердяева можно понять: ой как трудно признать, что твой флирт в молодые годы с марксизмом был не таким уж безобидным для формирования общественного мнения в стране. Трудно быть праведником, зато как приятно быть проповедником, и с каким внутренним подъемом льются слова: «Воля русского народа нуждается в очищении и укреплении, и народ наш должен пройти через великое покаяние» (Н. Бердяев).

Грех для мирского человека призывать других к покаянию, покаяние — дело интимное, к нему каждый подходит или не подходит сам, а от организованного массового покаяния отдает «ленинским призывом в партию», то есть какой-то массовой полупритворной истерикой.

Свой последний раздел Ю. Воробьевский заканчивает так: «И все же стоит задача не только использования лучшей части партии, как цементирующей государство структуры, но и ее соединения с коммунистической идеей».

Все возвращается на круги своя. Однако хочется заметить, это лишь на каких-то первобытных стадиях развития «технология выживания» совпадает с «технологией жизни», и тому пример — первобытный коммунизм. На цивилизованной же стадии развития «технология выживания» имманентно вытекает из «технологии жизни», то есть из надгосударственной религиозной идеи, которая в свою очередь аккумулирует национальную энергию через определенную государственную систему, то есть через определенный политический строй.

«Российский орел смотрел не только на Запад, но и на Восток. Мудрый символ — и монархизм здесь ни при чем!» — восклицает Ю. Воробьевский и сводит мудрый символ к расхожей символике. А монархизм

здесь очень даже «при чем». Именно русский монарх Василий III воспринял как откровение религиозную идею «Третьего Рима», и эта идея стала «технологией жизни» России на многие века. А российский орел смотрел не только на Запад и Восток, но и в небеса, осуществляя на земле Божье предназначение мирного единения Востока и Запада.

Симбиоз же христианства, ислама и коммунизма, замешанного на марксизме, – это всего лишь мировоззренческое эсперанто, способное исполнять определенные функции, как, скажем, механический протез исполняет отдельные функции отсутствующего живого органа. На подобных протезах несколько десятилетий и держалась коммунистическая идея «дружбы народов», теперь это искусственное образование разваливается. И дело не в том, быть Союзу или не быть, а в том, быть Москве Третьим Римом или ей суждено стать Нью-Вавилоном.

А Вавилон – это всегда предвестник тектонических изменений на этнической карте мира. И совсем не кажется фантазией, если уже в следующем веке государственным языком евразийского континента станет, к примеру, китайский. И тектонический разлом оси «Восток – Запад», о котором говорит Ю. Воробьевский, определит не только будущее СССР, но и будущее остального мира. И победу здесь обеспечит не кабинетная идеология на уровне «технологии выживания», а самая живая религия, способная к дальнейшему саморазвитию и активному распространению.

1991 г.

ПЕРЕД КОНЧИНОЙ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Люди, неспособные в задачах дня помнить задачи будущего – не имеют права быть у кормила правления, ибо для государства и нации будущее не менее важно, чем настоящее, иногда даже более важно. То настоящее, которое поддерживает себя ценой подрыва будущего – совершает убийство нации.

Л. Тихомиров

Приватизация – это обычно крупное воровство: отбирают у народа и отдают богатым.

Р. Кларк

В последние годы в сознание людей активно внедряется мысль: **без частной собственности человек не может быть свободным**. Что ж, с этим согласиться не трудно. Куда труднее оказаться здесь последовательным, если, разумеется, стремиться сделать свободу универсальным достоянием каждого гражданина, а не домогаться этой свободы лишь для собственной персоны и своего потомства.

Одновременно начали славить интеграцию и осуждать всякий изоляционизм: Что ж, и с такой установкой тоже можно согласиться, правда, при одной оговорке: человек все-таки не кролик и не крокодил, поскольку он живет не только в пространстве, но и во времени.

Интеграцию в пространстве можно считать желательной или нежелательной – тут все решает общая совокупность сложившихся на сегодняшний день обстоятельств, а главное, как она может отозваться в ближнем и отдаленном будущем. А то ведь чего доброго и интервенцию (товарную, финансовую, культурную или военную – это не так уж и важно) сгоряча можно принять за интеграцию.

Интеграцию же во времени следует считать обязательной хотя бы ради того, чтобы не изобретать велосипед. Прошлое человечества принадлежит всем народам и никакому в отдельности, оно может быть востребовано по желанию любого из них, не нанося никакого ущерба остальным.

Общечеловеческие ценности хранятся в прошлом. Настоящее и будущее каждого суверенного народа запатентованы на небе, и каждый народ вправе, исходя из своих интересов, выстраивать собственную шкалу ценностей, которая, разумеется, не должна задевать интересы других суверенных народов.

Вся нынешняя болтовня об общечеловеческих ценностях уж больно смахивает на перелицованный марксистский сюртук. Нынешнее западное постхристианское сообщество, отделив школу и государство от церкви, впало в тот атеизм, о котором как раз и мечтал Маркс. Коминтерновская попытка революционным путем сделать из России страну **атеистического фундаментализма** не удалась, чего Запад, пришедший к атеизму эволюционным путем, никогда ей не простит. И теперь главная мишень — основной хранитель православной веры с петровских времен — русский крестьянин, земледелец и одновременно землевладелец.

Дабы никого не раздражать, не стану обращаться к отечественной истории, а «интегрируюсь» в историю других народов, ныне процветающих. Для начала углублюсь в минувший век, в немецкую землю, точнее, в немецкую науку, как наиболее дотошную и, пожалуй, наиболее глубокую.

«В числе великих социальных вопросов, которые во все времена управляли домашними и общественными интересами человека, ни один не связан так тесно со всем историческим существованием и культурным развитием народов, ни один не оказал такого решительного влияния на столько важных перерож-

дений или кризисов народной жизни, как вопрос о социальном порядке землевладения» (Роберт Пёльман).

«Вопрос о земельной собственности есть основание всей истории Европы, и земля является в ней самым могущественным фактором цивилизации» (Лоренц Штейн).

Приведя два весьма авторитетных суждения о земле, приведем теперь суждение о власти из беседы знаменитого общественного деятеля прошлого века, американца Генри Джорджа с Давидом Фильдом.

«Я полагаю, – говорил собеседник Г. Джорджа, – что все разращение нашей администрации происходит от ее представления, **будто государственные должности являются наградой, добычей участников партийной борьбы**» (выделено мной. – А.Л.).

Не укажи источника, и любой подумал бы, будто это написано сегодня, про наше правительство и его многочисленный аппарат. Нет, приводя данное высказывание Д. Фильда более чем вековой давности (1882), я думал не о нашем нынешнем правительстве, а о природе современной власти вообще, хотя, конечно, «попадание» Д. Фильда в нашу ситуацию сто процентное.

Итак, интеграция в XIX век позволила нам еще раз убедиться, какую важную роль в истории народов играл «порядок землевладения» и как непонимание правительствами своих истинных задач давно и повсюду обрело зловещую универсальность, однако ответа на главный вопрос мы пока не нашли. Ну что ж, нырнем поглубже, в какую-нибудь древность, когда еще не все правители смотрели на свои «должности» как на добычу.

Вспомним ли мы земельные реформы Лициния и Секстия в Риме или еще более ранние земельные реформы Солона в Афинах, мы повсюду обнаружим, что прочная свобода граждан ставилась в прямую зависимость от справедливого распределения земельного фон-

да государства. Но особенно убедительны и универсальны в этом смысле законы пророка Моисея, возведенные им в ранг национальных религиозных догматов (Ветхий Завет. Третья книга Левит. Глава 25), которые потом лягут в фундамент практического права.

«И сказал Господь Моисею на горе Синае, говоря:

4 А в седьмой год да будет суббота покоя земли, суббота Господня; поля твоего не засевай, и виноградника твоего не обрезывай.

8 И насчитай себе семь субботних лет, семь раз по семи лет, чтобы было у тебя в семи субботних годах сорок девять лет.

10 И освятите пятидесятый год, и объявите свободу на земли всем жителям ее; да будет это у вас юбилей¹; и возвратитесь каждый во владение свое, и каждый возвратитесь в свое племя.

23 Землю не должно продавать навсегда; ибо Моя Земля, вы же пришельцы и поселенцы у Меня.

24 По всей земле владения вашего позволяйте выкуп земли.

28 Если же не найдет рука его, сколько нужно возвратить ему, то проданное им останется в руках покупателя до юбилейного года, а в юбилейный год отойдет оно, и он опять вступит во владение свое».

Итак, седьмой субботний год был направлен против людской алчности, способной истощить животворные соки земли. Под куплей-продажей земли или раба подразумевались аренда или наем, так как в каждый пятидесятый год земля возвращалась к ее владельцу, независимо от желания или намерения ее покупателя, а точнее сказать, арендатора удержать землю и далее в своих ру-

¹ «Юбилей» по-древнееврейски означает тромбон. В юбилейный, т.е. в каждый пятидесятый год, повсюду звучали праздничные звуки этого музыкального инструмента, возвещавшие о возвращении земли ее владельцу. Юбилей – это не просто круглая дата, а пятидесятилетие.

ках. В каждый пятидесятый год земля возвращалась к ее истинному владельцу, а раб (точнее, работник, холоп) становился вновь свободным, гражданином, все долговые обязательства погашались.

Закон Моисея о юбилейном годе не только прочно связывал **свободу каждого гражданина с владением земель, но и гарантировал эту свободу, так как гарантировал неотчуждаемость земельной собственности.**

А упоминаемый нами Генри Джордж говорил: «Всюду в законоположениях Моисея земля рассматривается как дар Творца всем без различия Его созданиям, который никто не вправе захватывать в свое исключительное обладание... Он позаботился не только о справедливом разделе земли между народами... Но, установив юбилейные годы, позаботился о переделе земли через каждые сорок девять лет, сделав таким образом **невозможность ее монополизации**» (выделено мной. — А.Л.).

Однако здесь следует оговориться: законоположения Моисея носили, конечно же, сугубо национальный характер, что и воспитало в евреях глубокое чувство национальной солидарности.

«39 Когда обеднеет у тебя брат твой и продан будет тебе, то не налагай на него работы рабской.

40 Он должен быть у тебя как наемник, как поселенец; до юбилейного года пусть работает у тебя.

44 А чтобы раб твой и рабыня твоя были у тебя, то покупайте себе раба и рабыню **у народов, которые вокруг нас.**

46 Можете их передавать в наследство и сынам вашим по себе, как имение; вечно владейте ими, как рабами. А над братьями вашими, сынами Израилевыми, друг над другом не господствуйте с жестокостью» (выделено мной. — А.Л.).

Конечно, мне могут сказать, что это не очень интернационально и не совсем нравственно. А что вы, господа интернационалисты, придумали лучше хотя бы за

последние три столетия? Бесконечные революции + две мировые войны + ядерное оружие + экологическая предкатастрофа = бесконечный тупик цивилизованного одичания. Что же касается нравственности, то нравственно лишь то, что можно возвести во всеобщий закон. Грядет кончина второго тысячелетия, а в мире все очевиднее и очевиднее господствует «кулачное право», возведенное в универсальный закон внешней и внутренней политики государств.

И если бы народы Европы, в том числе и Россия, сориентировали бы себя на главное социальное законоположение Моисея, **связывающее свободу граждан с неотчуждаемостью земельной собственности**, а не на принципы Римского права, то не было бы в христианском мире ни революций, ни гражданских, ни мировых войн, ни тотальной монополизации всех видов собственности, в том числе и земельной.

Россия сейчас стоит на распутье, момент наступил, судьбоносный, один роковой шаг – и... Не стану ничего пророчить – и без того тошно. Лучше обращу внимание на такое обстоятельство: полвека тому назад еврейский народ обрел, наконец-то, свою государственность и начал, так сказать, с нулевой отметки. Мы сейчас находимся недалеко от нее. И пусть меня обвинят в иудаизме или даже в жидомасонстве, но пример современного Израиля представляется более заманчивым, нежели пример тех же Соединенных Штатов с их недавним рабовладением и нынешним необузданным империализмом.

Журнал «Время и мы». Статья бывшего нашего соотечественника Ефима Маневича «Еврейская судьба». Читаем: «Достаточно сказать, что если в западных странах из бюджета финансируется не более трети производства валового продукта, то в Израиле государство финансирует **90 процентов производства**. Ему же принадлежит **90 процентов земель**».

А вот еще очень любопытная информация: «По подсчетам бывшего заместителя министра финансов

Израиля Йоси Бейлина, на интеграцию одной еврейской семьи государство тратит примерно 250 тысяч долларов». То есть в среднем 50 – 60 тысяч долларов на человека. Да, это вам не пресловутый чубайсовский ваучер – побочное дитя печально знаменитых «керенок». И неужели наш нынешний пенсионер, получивший в качестве собственности ваучер и вынужденный теперь отовариваться на помойках, свободнее израильского пенсионера?

Согласен, Израилю немалую помощь оказывает мировое еврейство. Однако как бы ни была велика эта помощь, зачем же, спрашивается, выбирать самую безнадежную, тупиковую экономическую модель?

Израиль не бросился в приватизационный омут, а потому он и не нищает, не разваливается, а процветает. В начале перестройки нас пугали нашим внешним долгом: 25 – 35 миллиардов долларов. И при этом во всем обвиняли нашу экономическую систему, называя ее тупиковой. Но почему-то умалчивали о том, что в это же самое время нам задолжали 150 миллиардов долларов. Правительство уверяет, что долги нам никто возвращать не собирается, но почему же тогда мы так аккуратно обслуживаем свои долги? И это в то время, когда правительство не выплачивает пенсии, различные пособия, зарплату и даже собственные госзаказы не считает нужным оплачивать. Так зачем же новую систему prodразверстки называть рыночной системой?

В результате бездумной либерализации цен и преступной приватизации госсобственности у нас лицом к лицу встретились беспросветная нищета и необузданная роскошь. Но это, возможно, не самое страшное.

Вспомним недавние события. Стоило всемогущему Чубайсу, самолично взрастившему олигархов, только заикнуться о намерении властей несколько укротить их разыгравшиеся политические аппетиты, как он тут же слетел с шахматной политической доски. Вчерашний ферзь оказался сброшенным с нее в груду других поли-

тических фигур (Черномырдин, Куликов) и безымянных пешек.

Что так долго и безрезультатно пыталась сделать парламентская оппозиция (Зюганов, Явлинский, Лебедь и др.), новоиспеченные олигархи сделали шутя и играючи. А ведь еще совсем недавно президент публично заявил, что до двухтысячного года он никому не отдаст ни Чубайса, ни Немцова. Бывшего нижегородского губернатора, вдруг ставшего первым вице-премьером, президент называл даже своим преемником, а теперь Борис Николаевич неожиданно заговорил о том, что у нас не монархия, а потому никаких преемников быть не может... Это, конечно, правильно и демократично, однако в данном случае важно другое: мотивы.

Казалось бы, отправляя правительство в отставку, должность врио председателя правительства должен был занять 1-й вице-премьер Немцов, так любимый и опекаемый президентом, однако этого не произошло. Отправив правительство в отставку, президент назначил врио главы правительства тридцатипятилетнего Кириенко, взятого в правительство из Нижнего Новгорода по рекомендации самого Немцова (сначала он работал замом министра, а затем министром топливной энергетики). Большой сенсации ожидать было трудно.

А между тем, накануне отставки правительства, в воскресной программе «Итоги», а затем в программе «Ночной разговор» ведущий Е. Киселев вел пространную беседу с олигархом Б. Березовским. Собеседников вроде бы интересовали очередные президентские выборы, но то была всего лишь дымовая завеса, под прикрытием которой производилась поспешная публичная селекция популярных сегодня политиков. Критериев было два: избираемость и способность обеспечить преемственность проводимого ныне курса.

В разряд последних не попали не только Зюганов и Лебедь, но и Лужков и Черномырдин. А через полсутток страна узнала, что Черномырдин, Куликов и Чубайс отправлены в отставку, остальные же члены правительства вынуждены были к названиям своих должностей прибавить неприятное словечко «врио».

Случайное совпадение? Не знаю. Во всяком случае, до сего дня любая попытка парламентской оппозиции вынести правительству вотум недоверия расценивалась президентом и его окружением как попытка совершить государственный переворот.

Что же касается Явлинского и Немцова, то их на ночных посиделках посчитали управляемыми, но в то же время не избираемыми. И тут же постановили: раскручивать новую политическую фигуру, которая была бы одновременно и управляема, и избираема. Немцову тут, кажется, ничего не светит: он ведь тоже намеревался несколько приструнить монополистов и олигархов. Впрочем, Немцов ориентируется не столько на принципы, сколько на обстоятельства, он человек смекалистый. А пока следует раскручивать несколько фигур сразу. Окончательное решение будет принято после выборов в Госдуму-99.

А сегодня... Сегодня во что бы то ни стало нужно принять закон о свободной купле-продаже земли, пусть даже с какими-то ограничениями и госконтролем. Контролеров всегда можно подкупить или запугать, а ограничения – со временем отменить. Земля – это главное богатство России и, кажется, последнее.

Сейчас важно мобилизовать лоббистов и натравить их на тех, кто стоит на пути. И одним из главных лоббистов сегодня является, наверное, доктор экономических наук, профессор, депутат Госдумы В. Башмачников.

На страницах газеты «За справедливость» от 12.2.98. мне довелось познакомиться с полярными точками зрения на данную проблему: руководителя Аграрной депутатской группы Н. Харитонова и упомянутого профес-

сора. Более всего меня поразило не то, что они говорили, а совмещение Башмачниковым двух таких должностей: **президента Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (АККОР) и председателя Координационного совета Союза землевладельцев.**

Абсурд какой-то! Один и тот же человек представляет интересы и работодателя, то есть собственника земли, и фермера, то есть производителя. Это все равно, если бы хозяин какого-нибудь завода одновременно являлся бы и лидером профсоюзной организации этого же завода. В чем главный интерес фермера? **В получении высокого урожая и выгодного его сбыта.** В чем главный интерес землевладельца-нефермера? **В приватизации земельной ренты** (пожизненной и наследственной), а потому и в скупке земли. Чем больше земли, тем больше и рента.

В АККОРе Башмачников вроде бы борется за то, чтобы фермеры стали полными собственниками земли, а на самом деле он заботится о том, чтобы фермеры обрели право продажи земли, и таким образом члены Союза землевладельцев получают право скупать землю в неограниченном количестве. Правда, сейчас Башмачников говорит, что размер латифундий нужно ограничить, ну, хотя бы 1 000 гектарами. Это даже не смешно. В таком случае семья из пяти-шести взрослых человек сможет приобрести пять-шесть тысяч гектаров. Кто будет их обрабатывать? Разумеется, не члены этого семейства, они воспользуются «правами человека» и станут проживать там, где им захочется. Обрабатывать землю станут те, кто воспользовался правом продать землю, теперь они обретут статус фермера-арендатора, т.е. вечного наемного работника. Ну, а их теперешние хозяева станут на английский манер называть себя лендлордами.

Конечно, мне могут сказать, что при заинтересованном хозяине будет больше порядка, хозяин же заинтере-

сован в высоких урожаях, стало быть крестьянин голодать не будет; государство получит с него налог такой же, какой оно получало с бывших мелких собственников, которые потом продали землю этому хозяину. Все вроде так, да не совсем так. Как мы уже убедились, ничего не бывает бесплатного, кроме сыра в мышеловке. Ведь, скажем, проживание хозяина и его семейства на Канарских островах чего-то стоит. Так вот это проживание хозяина на Канарах оплатим мы, горожане, когда отправимся на базар или в магазин, так как все «услуги» посредников, в конце концов, ложатся в стоимость конечного продукта.

Наверняка все эти латифундии и загородные дома хозяев будут охраняться, так вот и содержание этой охраны не уменьшит, а увеличит стоимость конечного продукта, так что в России год от году жизнь будет дорожать и дорожать. Да, декларативных прав у нас стало больше, чем было раньше, а вот реальные права сжимаются, как шагреневая кожа.

Я понимаю, господин Башмачников может сказать, что все это фантазии, не имеющие никакого отношения к реальной действительности. Что ж, поговорим о том, что уже имело место быть, т.е. обратимся к фактам истории. Вот что, к примеру, пишет американский историк, в прошлом помощник министра юстиции США Рэмсей Кларк: «Чтобы создать видимость справедливого распределения, Конгресс ограничил 160 акрами (Акр = 0,4 га. — А.Л.) размер участка... Но закон не обеспечил защиту прав мелких семейных ферм. На деле все земли, подпадавшие под Акт об улучшении, сконцентрировались в руках крупных холдинговых корпораций и богатых семей. Были нажиты колоссальные состояния. Например, семья, контролировавшая газетную корпорацию Лос Анжелес Таймс, завладела также участком Эль Техон в 60 000 акров...

Бедные были вытеснены с земель в городские трущобы или вынуждены были ютиться в хибарах на берегу рек».

У нас сейчас в стране достаточно «семей», которые уже скупили нефтедобывающую отрасль, металлургию, тяжелую индустрию и т.д. Теперь они жаждут купить земли целых районов и даже областей.

Общий вывод Р. Кларка: «Приватизация государственных земель почти всегда приносила выгоду богатым и лишала остальное общество прибыли. Бедняки страдают больше всех. Приватизация и обнищание идут рука об руку (в этом мы уже убедились при проведении чубайсовской приватизации. – *А.Л.*). Капитализм и колониализм всегда опирались на крупные частные земельные монополии».

Рекомендации Р. Кларка: «Вам (то есть нам, русским. – *А.Л.*) надо найти новые, наиболее отвечающие интересам народа способы защиты общественной собственности на землю и извлечь выгоды от нее в пользу общества. Начните с признания того, что государственная собственность на землю больше всего подходит обществу».

Рэмсею Кларку вторит Фред Харрисон: «Россиянам дана еще одна возможность обсудить фундаментальный вопрос о праве на доступ к земле. Исход этого диалога определит тот тип общества, в котором Россия будет жить в XXI в. **Нет ничего важнее этого вопроса**, так как без земли нет жизни. Это – центральный вопрос, связанный с природой цивилизованной системы прав собственности» (выделено мной. – *А.Л.*). Ну, как тут не вспомнить слова Роберта Пельмана и Лоренца Штейна, которые были приведены в начале этой статьи?

В нашем разговоре никак нельзя обойти практическую инициативу нынешнего саратовского губернатора Аяцкова, нашедшую горячую поддержку у наших скупленных олигархами электронных СМИ и популярных периодических изданий.

Суть почина господина Аяцкова заключается в том, что он, не дожидаясь принятия Думой «Земельного кодекса», приступил к распродаже пахотной земли.

Случайно ли то, что этот почин возник в Саратовской губернии? Нет, не случайно, как не случайно и то, что именно Аяцков стал саратовским губернатором. Тут очевидно проглядывают две причины:

Причина первая. В силу каких-то климатических и других условий в Саратовской губернии выращивалась самая высокосортная пшеница, до революции Английский королевский двор закупал для своих нужд именно саратовскую пшеницу.

Причина вторая. Во времена царствования Екатерины II на территориях Самарской и Саратовской губерний поселились немецкие колонисты. В октябре 1918 года на II съезде Советов немецких колоний в соответствии с декретом СНК была провозглашена ТКНП (Трудовая коммуна немцев Поволжья), которая в декабре 1923 года преобразовалась в АССР. В начале Великой Отечественной войны немецкое население было интернировано в восточные районы России и в Казахстан. Значительная часть немцев вернулась в Германию, но значительная их часть продолжает проживать в России.

Теперь оставшиеся в России немцы при финансовой поддержке правительства Германии и различных немецких фондов станут самыми конкурентоспособными покупателями на земельном рынке Саратовской губернии, затем будет восстановлен республиканский статут, тогда последуют мощные финансовые инвестиции, и вряд ли поволжские немцы ограничатся в своей экономической экспансии пределами бывшей АССР. И в Саратове к такой перспективе уже готовятся: из трех сельскохозяйственных вузов намереваются два из них закрыть. Потом можно будет прикрыть и третий – нужные специалисты приедут из Германии. Разве мало у нас было немецких специалистов до революции?

И это еще не все. У нас сейчас исподволь готовится очередной «бархатный» государственный переворот. И тут я опять обращаюсь за помощью к Р. Кларку.

«Те, кто обогатился за счет общественной земли, — пишет он, — стали определять местную и государственную политику, формировать Палату представителей и Сенат Конгресса США, упрочивая свое господство в управлении национальным достоянием. Они — часть плутократии, которая управляет Америкой и ограничивает власть нашей демократии».

И совсем не случайно, что все чаще и чаще раздаются голоса за отмену выборов депутатов в Госдуму по партийным спискам и за переход к мажоритарной системе выборов. Это очень упростит олигархам и новоиспеченным лендлордам возможность посылать в федеральный представительный орган нужных им людей. Что же касается Верхней Палаты, то там будут заседать не губернаторы (они станут просто главами администраций), а истинные собственники территорий. А чтобы не возбуждать в людях лишней политической активности, можно аннулировать пост президента и водрузить на трон декоративного монарха, с одной лишь привилегией: подписывать списки на присвоение княжеских, графских и прочих титулов. Не составлять эти списки, а только подписывать.

Рост преступности и сокращение армии, наркомания и развал здравоохранения, массовая безработица и невыплата зарплаты, «утечка мозгов» и дороговизна, «преступная приватизация» и задержка пенсий, война в Чечне и развал науки и образования, бандитизм и рост самоубийств, коррумпированность и массовая беспризорность, вывоз из страны валюты и обвал производства, разгул проституции, пьянства и туберкулеза... Боже, какой диапазон проблем предстоит нам решать!

У нас немало писалось и говорилось о так называемом «золотом миллиарде», поэтому я дам лишь несколько цитат из весьма интересной статьи Д. Митяева «Золотой миллион» России» («Труд», 31.3.98.). Вот короткое пояснение концепции «золотого миллиарда».

«Есть такая западная теория, которой руководствуются, часто не называя ее по соображениям политкорректности, многие политологи и экономисты, – доктрина «золотого миллиарда». Суть ее в том, что из почти шести миллиардов жителей земли лишь около одного миллиарда могут рассчитывать на приличное существование. Границы «золотого миллиарда» практически совпадают с границами Атлантического Союза: Северная Америка, Западная Европа плюс Япония». Сюда еще следует приплюсовать и Израиль.

Далее Д. Митяев говорит, что в остальных странах образуются политические и потребительские «элиты», в которые войдут от 2 до 5 процентов населения. «Уже не вызывает сомнений, – пишет он, – что в эту категорию может попасть и Россия». И далее:

«Конечно, западные политики и бизнесмены так открыто не высказываются (хотя Джон Мейджор позволил себе замечание, что для существования сырьевой кладовой Запада на территории России достаточно 40 – 50 миллионов человек, но это исключение)».

Если пристально взглянуть на доктрину «Нового порядка» с его принципом «золотого миллиарда» и вникнуть в суть проблем, которые мы перечислили чуть раньше, то станет очевидным: все эти проблемы суть звенья одной цепи, и сцепляются эти звенья по графику, разработанному авторами доктрины «Нового порядка». Поначалу эту доктрину внедряли в нашу жизнь «прорабы перестройки», после развала СССР этим занялись «реформаторы», а теперь принялись за дело представители уже образовавшейся в России политической и потребительской «элиты», обеспечивая себе место в российском «золотом миллионе» в надежде войти составной частью в мировой «золотой миллиард».

1998 г.

РУССКИЕ ГАМБИЙЦЫ

Уникальна и удивительна посмертная судьба первого российского императора Петра Великого. Прошло около трехсот лет, а имя его не только не предается забвению, но со временем обретает какой-то языческий, уродливо объединяющий смысл. Российские императоры и Ленин, Розанов и Бердяев, Сталин и Горбачев, Ельцин и Руцкой, Невзоров и Козырев, словом, монархисты и революционеры, патриоты и космополиты, коммунисты и «демократы» в упоении творят молитву «медному всаднику» – идолу.

Чем же можно объяснить сей феномен? Газетная статья не позволяет затронуть все аспекты интересующей нас проблемы, поэтому разговор придется вести в пунктирном ключе.

22 октября 1721 года Сенат и Синод приняли Указ «О поднесении царю Петру титула Императора Всероссийского и наименование Великого и Отца Отечества». В былые времена слово «отец» имело двоякое истолкование: бытовое и религиозное. Поскольку в данном случае имела место ссылка на Синод, то предполагалось именно религиозное истолкование.

Религиозный культ Петра опирается на незыблемые догматы, покушение на которые вот уже почти триста лет (независимо от существующего строя) квалифицируется как покушение на основы. Вот некоторые из них:

Догмат первый: Петр спас русский народ от невежества, лени и глупости, короче говоря, от беспросветного варварства.

Догмат второй: Петр прорубил «окно в Европу» (выражение принадлежит итальянцу Альгаротти) и тем самым приобщил русский народ к высокой европейской культуре, к научным знаниям, короче говоря, к цивилизации.

Догмат третий: Петр дал толчок к просвещению, развил торговлю и отечественную промышленность,

короче говоря, обеспечил России бурное экономическое процветание.

Догмат четвертый: Петр построил новую столицу по европейскому образцу и тем самым как бы вписал Россию в семью цивилизованных европейских держав.

Мы остановимся лишь на третьем, экономическом догмате.

Провал польской интервенции в Россию в период Великой русской смуты поверг Европу в недоумение. И соответствующая реакция: под «крышей» посольских людей и купцов хлынули в Россию те, кого мы сегодня, в зависимости от обстоятельств, называем то разведчиками, то шпионами. Тогдашние шпионы, как и нынешние, испытывали слабость к мемуарному жанру, что впоследствии в немалой степени обогатило нашу историческую науку.

Вот какое впечатление производила на иностранцев допетровская Россия:

«Гости суть царские коммерции советники и факторы, – отмечал член шведского посольства Иоган Кильбургер, – неограниченно управляют торговлей во всем государстве... Она (Россия – *А.Л.*) имеет то преимущество, что все ее жители от знатнейших до последних, любят торговать; отчего также в городе Москве более лавок, нежели в Амстердаме, или даже в целом ином государстве».

«В чем, собственно, состоят основы русской коммерции, – писал другой дипломат, И. де Родес, – достаточно всем известно, что все постановления этой страны направлены на коммерцию и на торги, в чем нас удостоверяет ежедневный опыт, потому что все здесь от высшего до низшего только и думают, как бы здесь либо там нажиться. Нет сомнения, что в этом отношении русская нация гораздо деятельнее всех остальных, взятых вместе».

А вот какое свидетельство оставил нам шведский дипломат Оттон Плейер уже о петровской России:

«Съестные припасы с каждым годом поднимаются в цене, хлеба не так много, торговля в стране приходит в дурное положение... Царь теперь видит, что и простолюдины, и большие господа утомлены войною, опустошающею и разоряющею такие плодородные страны» (выделено мной. — А.Л.).

Но дело даже не в том, что страна была разорена войнами, строительством Петербурга, рытьем каналов и прочими фантазиями Петра, дело в петровских реформах, которые на полтора столетия сбросили Россию с пути экономического развития на обочину длительного застоя. В допетровские времена крестьянство было прикреплено к земле, однако оно сохраняло важнейшие гражданские права: производить, продавать, покупать, то есть оно было не только п р о и з в о д и т е л е м, но и п о т р е б и т е л е м в общей экономической системе государства. Петр же отдал крестьян в полную собственность помещику, без разрешения которого он не имел права ничего купить или продать. Русский крестьянин стал тем, кем был негр в Америке.

Из 14 миллионов россиян миллионов 10 превратились в Робинзонов, а страна превратилась в какую-то дикую робинзонаду, в результате чего был убит внутренний рынок. К тому же, Петр ликвидировал сословие «гулящих людей» — исчез рынок рабочих рук. Да и дворянство тоже не было свободным: каждый дворянин призывался на военную или гражданскую службу, притом «навечно», 25-ю годами службу ограничили уже после смерти Петра. Таким образом дворянин, будучи собственником земли и крестьян, не являлся их фактическим хозяином. Хозяйничал управляющий, чаще всего какой-нибудь «немец» (так тогда в России называли всех иностранцев), о чьей выгоде он заботился в первую очередь — догадаться нетрудно.

Экспортировалось лишь сырье: хлеб, лес, пушнина и т.д. Импортировалось лишь роскошь и все то, в чем ну-

ждались армия и военный флот. Из всех петровских за-тей получила свое дальнейшее развитие только армия. Промышленность, торговый флот так и не вышли из «потешной» стадии до Великих реформ Александра II, когда была окончательно сломана петровская государственная структура. Александра II зверски убили, как потом убили другого серьезного реформатора – Петра Аркадьевича Столыпина.

Говорят, что сегодня Россия превращается в колонию. Увы, Россия, уже превратилась в нее, о чем свидетельствуют не отдельные признаки, а уже сложившаяся государственная сословная система. И дело вовсе не в том, что одеревенел наш рубль, неуклонно падает производство и экспортируется лишь сырье. В конце концов разумными реформами можно быстро укрепить нашу финансовую систему и поддержать предпринимателя, было бы желание. Главное в другом: у нас полностью раскулачен средний класс – основа независимости и развития любого современного государства.

Средний класс – культура многолетняя и тут требуются годы, долгие годы вдумчивой и созидательной работы, а не убаюкивающая болтовня и беспардонное вранье. И развитие перспективного предпринимательства напрямую связано с общим высоким уровнем покупательной способности среднего класса, а не с многомиллионными толпами нищих.

В минувшее десятилетие слово «коммунизм» с успехом было вытеснено словом «рынок», и последнее стало столь же священным и столь же бессодержательным, как некогда было первое. А гайдаровско-черномырдинское изобилие товаров – это вовсе не рыночное изобилие, а **изобилие витринное**, способное лишь возбудить аппетит, но не способное удовлетворить даже насущных потребностей человека. И это еще вопрос: что хуже – полупустые прилавки или пустые кошельки?

Последний «пункт», где встречаются крайний посредник и потребитель, – это не рынок, а базар. Рынок – это **вся цепочка** от добычи сырья или выращивания урожая и до «обмена» конечного продукта на деньги потребителя. И всю эту систему, называемую рынком, способно регулировать лишь государство в интересах производителя и потребителя, очищая ее от ненужных посредников-паразитов, которые понижают конкурентоспособность товара и одновременно грабят средний класс.

Что же такое колония не по названию, а по существу? Для наглядности приведу два примера из недавней истории. Во время Второй мировой войны сын президента США Франклина Рузвельта, Элиот, служил во французском Алжире. При встрече отец и сын поделились свежими впечатлениями об увиденном.

Элиот поведал об Алжире следующее: «Богатая страна, богатые ресурсы – отчаянная нищета туземцев; **очень хорошо живется только немногим белым колонистам и несколькими туземным князькам. Удел всех остальных – нищета, болезни, невежество**» (выделено мной. – *А.Л.*).

Вам ничего это не напоминает? Хорошо, как говорится, поедem дальше. Вот диалог Франклина Рузвельта и его сына Элиста:

– Сегодня около половины десятого мы проезжали через Батерст на аэродром. Туземцы как раз шли на работу... В лохмотьях, угрюмые... мне сообщили, что они зарабатывают в среднем один шиллинг и девять пенсов. Это меньше пятидесяти центов.

– В час? – спросил я (то есть Элиот. – *А.Л.*) необдуманно.

– В день! Кроме того, они получают полчашки риса...»

Еще отец сказал сыну, что средняя продолжительность жизни гамбийцев двадцать шесть лет.

Что касается алжирских показателей пятидесятилетней давности, то здесь все в порядке: богатые «колонии

сты» и «туземные князьки», «нищета» и «болезни» – этого добра у нас уже хоть отбавляй. Вот куда-то только исчез наш средний класс, исчез без следа, будто его и не было. Правда, с «невежеством» получилась некоторая заминка – слишком крепкий фундамент был заложен. Но ничего, до двухтысячного года время еще есть, так что и эта проблема будет решена.

Теперь займемся «гамбийской» арифметикой. В месяц у гамбийца получалось что-то около 15 долларов плюс ежедневные полчашки риса. Переведем все это по нынешнему курсу в рубли – набегает сумма примерно около 100 тысяч. Ба, да это же наши нынешние минимальные зарплаты, минимальные пенсии, студенческие стипендии, к тому же надо учесть, что покупательная способность доллара пятьдесят лет назад была гораздо выше.

Не забудем и среднюю продолжительность жизни тогдашних гамбийцев. В те времена в Британской Гамбии не заведено было прерывать беременность. Если же посчитать, сколько наша «индустрия смерти» прерывает жизней еще в материнском чреве и занести эти жертвы в общий список народонаселения, то в результате получим как раз гамбийский показатель.

Да, еще остается добить последний сильный государственный институт – армию, но не до конца, конечно, а так, чтобы создать из нее карательный корпус наймитов для «внутреннего пользования» на случай, если кто-то не пожелает перестраиваться в гамбийцев. И не просто так армию бросили на изнурительную стажировку в Чечню, где она уже более полутора лет проходит нужную предреформенную переквалификацию.

Рузвельт говорил сыну еще и такое: «Или возьмем Индокитай. Сейчас эта колония находится под властью японцев. Почему японцам удалось так легко завоевать страну? Вот почему: ее коренное население было так безобразно угнетено, что оно решило: хуже французского колониального владычества быть не может». И еще он сказал, «что большинство китайцев считает

японскую колониальную политику лучше английской, французской и голландской».

Вероятно, об этом не ведал наш бывший министр иностранных дел Козырев и поэтому не уставал соблазнять нас «западной ориентацией», а может быть, и знал, как знал и другое: люди всегда предпочитают из двух и более зол выбирать меньшее. Мне порой приходит в голову даже такая шальная мысль: Чечня борется с таким остервенением за свою независимость не потому, что не хочет быть вместе с Россией, а потому, что боится вместе с Россией и ее «западной ориентацией» отлететь на 50 лет назад, а заодно и в сторону – в сторону Британской Гамбии или французского Алжира пятидесятилетней давности.

И как итог. Нельзя не обнаружить такой закономерности: после провала польской интервенции ровно через сто лет при помощи Петра I и его иностранного окружения мирным путем Россию удалось загнать на полтора столетия в тотальный застой. В 1812 году континентальная Европа под водительством Наполеона попытала того же счастья, которого когда-то возжаждала Польша. Результат всем хорошо известен. И опять через сто лет Россию при активнейшем участии иностранцев взрывают изнутри революциями 1917 года.

В XX веке интервалы сокращаются вдвое. В 1941 году Гитлер, объединив силой практически всю континентальную Европу, предпринимает очередной поход на Восток. Через четыре года развязка наступает в Берлине. А ровно через пятьдесят лет под режиссуру Запада Горбачев начинает свою разрушительную «перестройку». Каков будет финал? Посмотрим, если доживем.

Нет, мы не должны ориентироваться ни на Запад, ни на Восток. Мы должны ориентироваться на собственную историю и извлекать из нее уроки, ибо кто контролирует прошлое, тот реально держит власть в настоящем и имеет все предпосылки сохранить ее в будущем.

«РЕЙХСВЕР» ДЛЯ РОССИИ

В политической деятельности люди часто губят себя тем, что слишком хорошо помнят прошлое.

А. Токвиль

С самого начала так называемой «перестройки» определенная группа лоббистов, поощряемая генсеком Горбачевым, яростно заговорила о необходимости отмены закона «О всеобщей воинской обязанности» и перевода комплектования армии на контрактную систему. При этом производилась ловкая подмена понятий: наемную армию стали называть не наемной, а профессиональной, хотя профессионализм армии **вовсе не зависит от принципа ее комплектования**. Наймит, а именно так называется боец наемной армии, далеко не всегда в профессиональном отношении бывает выше бойца, призванного в армию на основании закона о всеобщей воинской обязанности. И, как правило, второй всегда оказывается надежнее первого.

Профессионализм армии прежде всего зависит от воспитания и воинской подготовки офицерского корпуса, и как показала практика последних двух столетий, наилучшей системой является: кадетские корпуса (воспитание) – офицерские училища (воспитание и специальное военное образование) – академии (высшее военное образование).

Что касается современной армии, когда на ее вооружении находится громадное количество различной техники, в том числе довольно сложной, то для ее обслуживания требуется значительное число узких специалистов, призванные же на два года молодые люди только к концу своей службы овладевают той или другой специальностью – и тут демобилизация. Сегодня без корпуса прапорщиков-контрактников армия обойтись не может.

Офицерский корпус, к которому относятся и генералы, и корпус прапорщиков, как раз и является профессиональным фундаментом современной армии.

Есть и третья ее составляющая – это резервисты. Опыт ныне истекающего столетия (две мировые войны) показал, что никакая кадровая армия не в состоянии одержать победу над противником без призыва в свои ряды резервистов. Так, в мирное время у нас (и не только у нас) многие офицеры по разным причинам после нескольких лет службы покидали армейские ряды и становились гражданскими людьми; отслужив свой срок, возвращались на «гражданку» солдаты и сержанты. Однако все они до определенного возраста состояли на военном учете (в запасе), периодически (с отрывом от производства или без оногo) проходили переподготовку. Если военнообязанный менял место жительства, то он, прежде чем прописаться по новому адресу, обязан был встать на военный учет – того требовал мобилизационный план министерства обороны.

Наши неутомонные лоббисты ратуют не только за наемную армию, но и за резкое сокращение ее численности, лицемерно при этом говоря о том, что лучше иметь маленькую армию, но сильную и мобильную. В последнем они преуспели – армия у нас маленькой уже стала, но одновременно стала слабой и малоподвижной, главной своей цели лоббисты, кажется, добились. Интересно, российской армии пошел уже седьмой год, но военная доктрина государства почему-то остается самой большой тайной.

Что ж, попытаемся ее разгадать и для этого за помощью обратимся к прошлому, которое сокрыто от нас толстым слоем агитпроповского мусора. Обратимся к эпилогу Первой мировой войны, когда кайзеровская Германия капитулировала и вынуждена была подписать Версальский мирный договор, о котором сейчас вспоминать не принято.

До Первой мировой войны территория Германии (вместе с колониями) равнялась примерно 3,5 млн. кв.

км., а население – примерно 80 млн. человек. После Версальского мира территория Германии сократилась до 473 тысяч кв. км., население – до 60 млн. человек. У Германии были отобраны все колонии, а территория метрополии сократилась почти на 70 тысяч кв. км., население – почти на 8 млн. человек. Не станем касаться масштабов экономического ограбления Германии, не отступись победители вскоре же от некоторых своих первоначальных требований, зафиксированных в Версальском мирном договоре, в Германии и в других побежденных странах рванула бы такая революция, что от старых порядков в Европе не осталось бы даже воспоминаний, но это особая тема, поэтому мы остановимся более подробно лишь на «военной теме» Версальского договора.

Согласно этому договору, в Германии отменялась всеобщая воинская повинность и отныне ее армия комплектовалась по добровольному найму. Срок найма унтер-офицеров (сержантов) и солдат определялся 12-ю годами, а офицеров – 25-ю. Общая численность армии не должна была превышать 100 тысяч человек. Вот вам – небольшая, «профессиональная», то есть наемная армия.

Неужели главные страны-победительницы (Англия, Франция и США), фактически обрекшие Германию на разрушение, а ее народ на деградацию и вымирание, больше всего заботились о ее боеспособности и предложили ей самую совершенную модель для построения вооруженных сил? Как бы не так.

Эта модель была навязана под лицемерным предложением «сделать возможной подготовку общего ограничения вооружений всех наций». Однако в данном случае под «всеми нациями» подразумевалась лишь Германия, что же касается стран-победительниц, то они разоружаться не собирались. Правда, лицемерным здесь был только предлог, о военной доктрине столетнего рейхсвера говорилось открыто: «Назначением рейхсвера является поддержание внутреннего порядка и

пограничная полицейская служба». Ближайшие годы подтвердили, что новая модель германской армии полностью соответствует провозглашенной военной доктрине.

В январе 1923 года, когда Германия не произвела Франции очередную поставку леса, французские и бельгийские войска оккупировали Рурскую область. «Удар, парализовавший экономику Германии, – писал потом американский историк У. Ширер, – способствовал такому сплочению населения, какого она не знала с 1914 года. Рабочие Рура объявили всеобщую забастовку и получили финансовую помощь от берлинского правительства, которое призвало бастующих к пассивному сопротивлению... Французы ответили на это арестами, депортациями и даже смертными приговорами. Но в Руре ничего не изменилось».

Последнее не совсем верно, а точнее, совсем неверно. С января 1923 года и до середины 1924 года (время оккупации Рурской области) очень многое изменилось не только в Руре и даже во всей Германии, но и в остальном мире. Начнем с остального мира.

Франция убедилась, что она не в состоянии выдерживать финансового бремени, связанного с дополнительными расходами по содержанию в Руре оккупационной армии и гражданской администрации. Еще она убедилась в том, что в случае углубления франко-германского конфликта Англия может оказаться отнюдь не на ее стороне. Англия и США решили положить конец стремлениям Франции к политической и экономической гегемонии в Европе и уже в августе 1924 года на лондонской конференции вырвали у французских финансово-промышленных кругов контроль над германской индустрией: принятый на конференции «План Дауэса» предусматривал предоставление Германии займов и кредитов для восстановления ее промышленного потенциала, это если говорить очень коротко.

В Германии в этот период (8 ноября 1923 года) в Мюнхене произошел «Пивной путч», в котором самое

активное участие принял Гитлер. Путч был подавлен, Гитлер арестован, а 20 февраля состоялся суд, 1 апреля – вынесен приговор: Гитлера приговорили к пяти годам лишения свободы с содержанием в крепости Ландсберг. Через несколько месяцев он приступит к работе над своей книгой «Майн кампф».

Через много лет Гитлер скажет: «Если бы я не попал в тюрьму, я никогда бы не написал «Майн кампф». В тот период у меня появилась возможность более глубоко осмыслить понятия, в отношении которых у меня имелись лишь чисто интуитивные догадки... В ту пору я пришел к убеждению, что нам уже не удастся взять власть силой...»

Действительно, в дальнейшей борьбе за власть Гитлер не искал опоры в каком-то определенном социальном слое, он искал опору во всех социальных слоях, и в конце концов победил. Если Версальский договор унизил и ограбил все социальные группы немецкого народа, то он одновременно все эти группы развел по разным углам, противопоставив их друг другу. Оккупация Рура унизила и ограбила немцев еще раз, однако теперь она их объединила. Гитлер понял это еще в тюрьме и в дальнейшем уже никогда не призывал ни к революциям, ни к вооруженным восстаниям. Он потом искусно играл на одном чувстве, которое можно назвать инстинктом национального самосохранения, и американский историк У. Ширер был совершенно прав, сказав, что оккупация французами и бельгийцами Рура способствовала такому сплочению немцев, какого Германия не знала с 1914 года.

И самое большое унижение в тот период пережила немецкая армия, т.е. ее стотысячный рейхсвер. А что она была в состоянии сделать? Ничего. Вторую оплеуху армия получила, когда ее привлекли вместе с полицией подавить «Пивной путч». Впрочем, путч этот практически не подавляли, его просто разогнали, арестовав зачинщиков, Гитлер учтет это и в своей речи на суде

скажет: «Честь рейхсвера безупречна, как и прежде, однако пробьет час, когда и офицеры, и рядовые рейхсвера перейдут на нашу сторону». Публичное предсказание Гитлера сбылось – в конце концов армия поддержала его.

После окончания военных действий в Чечне у нас только ленивый не ругает армию: генералы бездарны, офицеры неумелы, солдаты небоеспособны, да, в этом есть доля правды, та доля, которая маскирует большую ложь. Когда функцию армии – защиту Родины – подменяют совершенно чуждой ей функцией – «поддержанием внутреннего порядка и полицейской службы» – армия неминуемо начинает деградировать и к чему это может привести, предугадать невозможно.

Но вот что интересно. В Чечне наряду с армейскими подразделениями, частями и соединениями воевали подразделения, части и соединения внутренних войск, однако в их адрес ни слова упрека. А как торжественно хоронили в Москве погибших в Чечне воинов-дзержинцев. Памятник самому Дзержинскому снесли, улицу и площадь его имени переименовали, прошло несколько лет, а погибших воинов московской дивизии особого назначения по-прежнему с придыханием называли «дзержинцами», и это говорит о многом. Во всяком случае, о том, что лицемерие стало почти законом нашей политической жизни.

Я понимаю, мне могут сказать, что сокращения вооруженных сил производились у нас и прежде, и нынешнее не имеет ничего общего с тем сокращением германской армии, которое было обусловлено жесткими требованиями Версальского договора, что ж, давайте обратимся к другим пунктам этого документа.

Согласно Версальскому договору, распускался большой Генеральный штаб. А что такое Генштаб? Это мозг армии, без которого она превращается в вооруженную орду, неспособную выполнять какие-либо согласованные военные действия. Генштаб в свою очередь не может рабо-

тать без специального разведывательного органа (ГРУ, Абвер и т.д.), постоянно поставляющего ему нужную информацию о потенциальном или действующем противнике. И как только Чубайс стал главой президентской администрации, сразу же, без каких-либо обоснований, заговорили об изъятии из Минобороны Генштаба и о введении его в общую структуру президентского управления, фактически это означало роспуск Генштаба и ликвидацию его разведуправления, ГРУ.

Согласно Версальскому договору, для каждого рода войск сохранялось лишь по одному военному училищу, после отставки министра обороны генерала Родионова наши лоббисты сразу же подсчитали, сколько у нас военных училищ и академий и заверещали: «Сократить! Сократить! Сократить!» И первой жертвой стало прославленное московское общевойсковое училище имени Верховного Совета, выпускниками которого были многие наши видные полководцы и военачальники.

Полк или даже дивизию в случае необходимости сформировать не так уж и трудно, а вот военно-учебное заведение ни за месяц, ни за год создать невозможно, как невозможно за год вырастить вырубленный сад. О вырубленных в период проведения кампании по борьбе с пьянством виноградниках притворно сокрушаются до сих пор, хотя большинство этих вырубок находится уже за пределами России. А вот об уничтожении кузниц по подготовке военных кадров никто почему-то не тужит.

Согласно Версальскому договору, Германии запрещалось иметь военную авиацию и подводный флот, а военно-морские силы ограничивались шестью броненосцами (типа 1904 г.), шестью легкими крейсерами, двенадцатью контр-миноносцами и двенадцатью миноносцами. Нам открыто никто и ничего тут, кажется, не запрещал. Мы сами запретили... летчикам летать, а морякам выходить в море – в России, нефтедобывающей и нефтеэкспортирующей стране, нет топлива для собст-

венных ВВС и ВМФ. Не в лучшем положении оказались и наши бронетанковые войска. А если еще учесть, что наши ВВС получают в год 2-3 новых самолета и в последние 10 лет не слышно о спуске на воду новейших мощных военных кораблей, то мы вправе сказать, что российские ВМС и ВВС по своей оснащенности не превышают каботажного уровня.

С п р а в к а: каботаж – судоходство между портами одной страны, различают большой каботаж (между портами разных морей, например, Балтийским и Черным) и малый каботаж (между портами одного или двух смежных морей, например, Черным и Азовским).

Справки о каботажных ВВС не существует, поскольку в природе таких ВВС не существовало, но теперь они будут существовать, в России, после слияния войск ПВО и ВВС. Автор этой идеи вполне заслуживает того, чтобы его имя было занесено в «Книгу рекордов Гиннеса». Современные ВВС имеют довольно сложную структуру, они оснащены самыми разными летательными аппаратами, предназначение которых – выполнение самых разных боевых задач. Соответственно ведется и подготовка всего летного состава.

В 1941 году для прикрытия объектов тыла в оперативное подчинение командующему ПВО страны из ВВС было передано 40 истребительных полков. Это понятно, как и то, что сейчас летчики-истребители довольно легко адаптируются в системе войск ПВО. А что в этой системе станут делать АДД (авиация дальнего действия), штурмовая авиация, военно-транспортная и т.д.? Естественно что. За их счет сократится общая система ПВО-ВВС. Действительно, зачем ПВО нужны АДД, военно-транспортная авиация и т.д.?

Есть и другая сторона дела, У нас широко бытует мнение, будто в первый период войны немецкие ВВС полностью господствовали в воздухе. Однако это не совсем так. «Таким образом, – свидетельствовал генерал Типпельскирх, оценивая первый период войны, – те-

перь вся группа армий «Юг» вела наступление, она еще могла бы выполнить свою задачу – отрезать крупные силы противника, отходящие к Днестру, если бы танковая группа быстро продвинулась вперед между Южным Бугом и Днестром».

Почему же танковая группа быстро не продвинулась? Вот как объясняет это обстоятельство командующий 1-й танковой группой генерал-фельдмаршал фон Клейст: «На различных стадиях наступления мои танковые силы сталкивались с осложнениями из-за отсутствия прикрытия с воздуха». А дело тут вот в чем: группе армий «Центр» был придан 2-й воздушный флот генерала Кессельринга, в который вошла половина всей фронтовой авиации, а вторая половина была распределена между группами армий «Север», «Юг» и армией генерала Роммеля в Северной Африке.

Из всего этого можно сделать единственно правильный вывод: современные бронетанковые войска масштабные операции могут проводить лишь в тесном взаимодействии с фронтовой авиацией, без прикрытия с воздуха они становятся легкоуязвимой мишенью для противника. Поэтому интеграция ВВС, в том числе и фронтовой авиации, в систему ПВО неминуемо приблизит боеспособность сухопутных войск к нулевой отметке. Вероятно, когда прикажут угробить подводный флот, то его сначала пристегнут к войскам ПВО, а потом за ненадобностью отправят на свалку, а личный состав – в отставку.

Конечно, Военную реформу должны проводить высокие гражданские чины, но совместно с чинами военными, т.к. подобная реформа затрагивает интересы всех слоев общества. Но это особая тема и она требует особого разговора. Что же касается армейской реформы, то это дело компетентных в военном деле специалистов. К тому же реформирование армии в современных условиях должно идти постоянно в связи с невиданным развитием науки и техники. В 30-е годы воен-

ные долго дискутировали о том, какую роль в будущей войне станет играть кавалерия, поскольку ее все более и более вытесняли бронетанковые войска. Когда вопрос решился в пользу танкистов, вскоре возникла новая дискуссия, теперь уже по поводу структурирования нового рода войск: то ли придавать танковые подразделения стрелковым (пехотным) дивизиям и тем самым усиливать последние; то ли формировать самостоятельные танковые части (полки) и даже танковые соединения (дивизии и корпуса). А во время Второй мировой войны в Вермахте и в Красной Армии были созданы даже танковые оперативные объединения, т.е. танковые армии.

И куда решать такие вопросы Батуриным, Кокошиным, Лобовым и Рыбкиным, если они не сносили и пары армейских сапог. О Верховном уж и говорить нечего, если он считает, что административные границы в стране по обеим сторонам охраняются единой российской погранслужбой, а чеченских полевых командиров до конца военных действий называл полковыми командирами, ну, а рассуждения Верховного о наших снайперах легло почти без искажений в очередной сюжет телепрограммы «Куклы».

Впрочем, судьбу Российской армии решают не Батурины и не Рыбкины, ее судьбу решают те, кто считается победителем в «холодной войне». Генералы НАТО не стали себя утруждать составлением оригинального плана разоружения СССР, они просто извлекли из архива Версальский мирный договор и, чуть подредактировав его, обязали в свое время Горбачева принять этот документ к исполнению. Тогда-то и заголосили наши лоббисты (партия войны против России) о необходимости резкого сокращения армии и об отмене закона о всеобщей воинской обязанности.

После развала СССР и падения Горбачева, поставив Ельцина под контроль горбачевского окружения, его заставили проводить ту же политику по разоружению России.

Если учитывать численность населения Веймарской Германии, то она окажется примерно в три раза меньше численности населения нынешней России – в этом случае будущий полумиллионный «рейхсвер» России может показаться более многочисленным по сравнению с германским. Однако, если мы сопоставим размеры территорий (территория России примерно в 35 раз больше территории Веймарской Германии), то результат, получится обратный. В Веймарской Германии на одного военнослужащего приходилось в среднем 4,7 кв. км. территории, а в нынешней России при полумиллионной армии на одного военнослужащего придется... в среднем 37,5 кв. км., то есть в 8 раз больше. При таком раскладе будущая наша армия, хотя и окажется более многочисленной, но она одновременно окажется и более жидкой, чем когда-то был германский рейхсвер.

Если этот расчет сделать универсальным для реформирования всех современных армий, то, скажем, Польша должна иметь одну полнокровную дивизию (10 000 человек), Эстония – два-три батальона (1 200 человек), Китай – 300 000 военнослужащих.

При отсутствии обученного резерва и при развале ВПК российский «рейхсвер» на глазах станет вырождаться в жандармский корпус, назначением которого станет «поддержание внутреннего порядка» на территории России, то есть (в переводе на морской язык) армия ограничит свои действия малым каботажным масштабом, как это было, скажем, в Чечне. Пока подобная трансформация проводится под лозунгами реформирования армии. Промышленность уже реформировали – результат всем известен. Теперь в спешном порядке в том же духе приступили к реформированию армии и сельского хозяйства. И все это нужно проделать до двухтысячного года – таковы нам поставлены временные рамки.

Кем они поставлены? Разумеется, нашими заклятыми друзьями, с которыми наши правители самозабвенно об-

мениваются страстными партийными поцелуйчиками, заимствованными из ритуальных сокровищниц застойной брежневской эпохи. А тайны далеких мальтийских договоренностей, претворяясь в нашу жизнь, все отчетливее обретают контуры грядущего реального кошмара. И не только для нас, ибо борьба за «российское наследство» перерастет в такую свалку appetitов, что трехсотлетней давности жестокая борьба за «испанское наследство» покажется детской игрой в «казаки-разбойники».

Не исключено, что со следующего столетия нового тысячелетия природа, наконец-то, начнет освобождаться от **о б и т а т е л я**, который то ли по Божьему попущению, то ли посредством сатанинского соблазна, то ли по простой иронии судьбы возомнил, что он не просто «homo», но еще и «sapiens».

1998 г.

ГЕНЕРАЛ И ЕГО БУРКА

Ты извини, дорогой читатель, но разговор я пове-
ду чуть издалека, ну, конечно, не от времен «очаков-
ских и покоренья Крыма», а всего лишь от времен
похождения незабвенного Павла Ивановича Чичико-
ва. Помнишь, как несколько неординарные его ком-
мерческие маневры переполошили весь город N, и
местная элита, собравшись, принялась вырабатывать
общественное мнение. Многоумный почтмейстер вы-
сказал весьма смелую догадку: Чичиков, дескать, во-
все и не Чичиков, а капитан Копейкин. Кто такой ка-
питан Копейкин, никто не знал, и почтмейстер охот-
но доложил, что этот субъект во время войны двена-
дцатого года потерял руку и ногу, а не добившись в
Петербурге пенсионна, подался в рязанские леса и за-
делался лютым разбойником.

«Только позволь, Иван Андреевич, – сказал вдруг, прервав его, полицмейстер: – ведь капитан Копейкин, ты сам сказал, без руки и ноги, а у Чичикова...

Здесь почтмейстер вскрикнул и хлопнул со всего размаха рукой по своему лбу, назвав себя публично при всех телятиной».

Кандидатура капитана Копейкина отпала, однако... «Из числа многих в своем роде сметливых предложений было, наконец, одно, странно даже и сказать: что не есть ли Чичиков переодетый Наполеон... Вот он теперь и пробирается в Россию будто бы Чичиков, а в самом деле вовсе не Чичиков». И постепенно этот вздор стал обретать статус общественного мнения.

Конечно, дорогой читатель, почти за два минувших века много утекло разной воды и не только воды. Мы до неузнаваемости изменили и изуродовали нашу привычную среду обитания, придумали ядерное и бактериологическое оружие, вырвались в космос, а вот принцип формирования общественного мнения остался прежним.

А теперь, дорогой читатель, поговорим о генерале. Несколько лет назад, когда в Приднестровье шла кровавая бойня, туда был послан мало кому известный генерал Лебедь. Приняв командование 14-й армией, он быстро и бескровно навел там порядок и установил мир. Если и не первым, то одним из первых тележурналистов в Приднестровье оказался вездесущий Невзоров, его просто не мог не покорить своей способностью изъясняться неординарно, по-русски образно и хлестко молодой генерал, и автор знаменитых «600 секунд» произвел Лебеда в патриоты.

Популярность Лебеда с каждым днем росла. Когда же он начал открыто конфликтовать с тогдашним Минобороны Павлом Грачевым, затем подал в отставку и, заявив о своем намерении уйти в политику, нагрязнул в Москву, начался тотальный отлов опального генерала, поскольку уже набирала обороты предвыборная кампания в Госдуму. Генерал Лебедь всем партиям и движе-

ниям предпочел малопопулярный КРО. Вот тогда-то отлов сменился обстрелом, а в телегазетном репертуаре замелькали имена: то Пиночета, то де Голля, а то и Наполеона... Намек все поняли.

Ошеломляющая победа на выборах в Госдуму Зюганова и провал КРО (сам Лебедь был избран в Думу по одномандатной системе в Туле) отвлекли внимание СМО (средств массового оболванивания) от фигуры амбициозного генерала, выдвинувшего свою кандидатуру на пост президента России. 16 июня за Лебеда проголосовало 14 процентов избирателей, он занял третье место, набрав в два раза больше голосов, чем матерый политик Явлинский, и почти в три раза превысил показатель не менее матерого политика Жириновского.

В междутурье Ельцин сманивает Лебеда на свою сторону, дает ему несколько постов и обещает дать еще больше полномочий, к тому же, то ли нечаянно, то ли преднамеренно, называет вслух его своим преемником, что не совсем согласуется с Конституцией. Все это, взятое в совокупности, произвело на Кремль эффект сравнимый разве что с эффектом, который может произвести стакан выпитой уксусной эссенции на человеческий желудок.

Но народ в Кремле оказался живучим, довольно быстро он пришел в себя и сразу же спрятал ото всех больного президента и в первую очередь, конечно, от нового секретаря СБ, ставшего одновременно помощником президента по безопасности и его полномочным представителем в Чечне. И встретиться генералу Лебедю со своим шефом доведется лишь через два месяца, в больничной палате шефа.

ТВ покажет маленькую «картинку» этой встречи, а затем неоднократно прокрутит другую «картинку» и тоже очень маленькую, в ней стоящий в одиночестве президент произнесет несколько фраз, которые, в общем-то, можно свести к коротенькой формуле: «Борис, то есть, Александр, ты не прав!» За два истекших меся-

ца наши «независимые» СМО так обработали изо всех калибров площадь, по которой перемещался секретарь СБ, что уже эта формула воспринималась как приговор. К примеру, сегодня открываешь газету, в глаза бросается заголовок: «Совет обороны от Лебедя»... Чушь какая-то! Нет, сегодня это уже не кажется чушью, как не кажется чушью и первые же строки статьи: «Создание Совета обороны и назначение Юрия Батурина сразу было расценено, как попытка создать противовес Совету безопасности, а точнее – его секретарю Александру Лебедю».

В былые времена Советы обороны (и не только у нас) занимались вопросами обороноспособности страны, нынешний же Совет обороны образован для создания противовесов внутри Кремля. Нет, дорогой читатель, не зря мы вспомнили бессмертное гоголевское произведение. Нынешние госпочтмейстеры и госполицмейстеры пребывают в неотступном страхе перед вечным призраком Наполеона. Как говорил пылкий Чацкий: «Дома новы, но предрассудки стары. Порадуйтесь, не истребят ни годы их, ни моды, ни пожары».

Но Бог с ними и с Наполеонами, и с чужими страхами. Поговорим лучше о бурке. Знаменитая фотография генерала Лебеда в бурке облетела весь мир, о чем нам и поведал бойкий журналист претендующего на респектабельность журнала «Коммерсантъ» Максим Соколов. В № 36 он украсил ею свою статью «Соратников громко он кличет и маршалов грозно зовет» (это, кажется, Ф. Чуев о Сталине), а интерпретировал ее в № 37 в статье «Разговорчики в строю».

Поначалу Соколов рассказывает о том, что не дозволено делать фотокору, и делает заключение: «Ничего такого (недозволенного. – А.Л.) сделано не было, а все было куда хуже». А что же «было куда хуже»? А вот что: «Беспристрастная камера запечатлела русского генерала, публично и радостно облачающегося в символический наряд неприятеля. Фотограф продемонстрировал всему миру,

что думать о смысле и значении своих слов и жестов генералу не свойственно» (выделено мной. – А.Л.).

Итак, журналист смело утверждает, что генералу думать не свойственно, стало быть он-то, журналист, все хорошо и всесторонне обдумывает, а потому и квалифицирует белую бурку генерала как «символический наряд неприятеля». А между тем, в отличие от до неприличия эрудированного Соколова, каждому россиянину хорошо известно, что бурка является «символическим нарядом» не только чеченцев, но и всех остальных народов Северного Кавказа, так что самый популярный автор журнала «Коммерсантъ» обдуманно, не в пример генералу, готов расширить военные действия на весь беспокойный кавказский регион. Ничего не скажешь, боевые намерения.

Между прочим: в дореволюционное время черные и белые бурки производились главным образом в Темир-Шуре и Нухе, т.е. в Дагестане. Стало быть – вот где наш главный неприятель.

Не между прочим: я, например, никогда не поверю, что М. Соколову не доводилось зреть автопортрет Лермонтова, на котором поэт изобразил себя в черной бурке, или иллюстраций к его произведениям, на которых герои лермонтовских произведений, в том числе даже Максим Максимович, облачены в «символический наряд неприятеля». Как говорят китайцы, к чему бы это?

А вот что, дорогой читатель, писал Михаил Юрьевич о «кавказцах» – так он называл русских офицеров, прослуживших на Кавказе лет десять-двенадцать: «Он («кавказец». – А.Л.) равно в жар и в холод носит под сюртуком ахалук на вате, а на голове баранью шапку; у него сильное предубеждение против шинели в пользу бурки; бурка его тога, он в нее драпируется; дождь льет за воротник, ветер ее раздувает – ничего! Бурка, прославленная Пушкиным, Марлинским и портретом Ермолова, не сходит с его плеча, он спит на ней и покрывает ею лошадь; он пускается на разные хитрости и пронырства, чтобы достать настоящую

Андийскую бурку, особенно белую с черной каймой внизу, и тогда уже смотрит на других с некоторым презрением» (выделено мной. – А.Л.).

Кстати, андийские бурки изготавливались в Андийском районе, который опять-таки входил в состав не Чечни, а Дагестана, и славились они на весь Кавказ, так что радость русского генерала Лебеда при облачении в белую бурку, воспетую еще Пушкиным и Марлинским, запечатленную на портретах Ермолова и Лермонтова, понять не трудно. Куда труднее разделить неумемную бдительность и сверхподозрительность автора статьи «Разговорчики в строю».

И вот что еще удивительно: когда русский генерал Лебедь надел бурку, его чуть ли не обвинили в измене России, но вот когда русский генерал Грачев передел всю русскую армию в какую-то американизированную форму, его за это не обвинили ни в чем.

Но дело, конечно, тут не в бурке, а в генерале Лебеде, который вовсе никакой не Лебедь, а переодевшийся в Лебеда Наполеон, и вот теперь, облачившись в «символический наряд неприятеля», то есть в «наряд» всех народов Кавказа, он выдал себя с головой. Что ж, мы можем повоевать и со всем Кавказом, и еще раз с Афганистаном, если нас об этом попросят суверенные среднеазиатские государства. Защитить, скажем, от талибов их суверенитет – нет проблем. Перебьют всех русских парней – тоже не беда, наберем, наконец-то, профессиональную российскую армию из китайцев – их тьма.

Нам бы свернуть шею Лебедю-Наполеону и отправить его, чтобы ему не было за державу обидно, куда-нибудь на остров св. Елены под неусыпный надзор англичан, а лучше – всего мирового сообщества. Вот та главная задача, которую возложила на нас история перед кончиной истекающего ныне тысячелетия.

Впрочем, дело, конечно, и в бурке, которая символизирует не только единение всех кавказских народов и народа русского, но и единение с нашим общим непро-

стым прошлым: с Ермоловым и Шамилем, с Лермонтовым и Толстым, а также со многими героями их произведений, исповедовавшими не агитпроповский принцип «дружбы народов», а принцип равенства народов, основанный на чести и справедливости.

1996 г.

КАМИКАДЗЕ ИЗ НИЖНЕГО...

Книгу «Провинциал» Борис Немцов издал в начале нынешнего года, занимая пост нижегородского губернатора. Она заметно отличается от всех других книг, изданных в последние годы известными политиками, отличается хотя бы технологией ее создания. Это как бы бесконечная беседа с самим собой: очень лаконичные вопросы и лаконичные ответы, порой – всего лишь одна фраза. Книга читается легко, без какого-либо внутреннего самопринуждения, а по прочтении ее создается иллюзия, будто ты теперь о Немцове знаешь все или почти все. Однако это только иллюзия.

Немцов понимал, что при всей своей известности, популярен он всего лишь в пределах своей губернии, поэтому когда обанкротившийся Гайдар предложил ему баллотироваться на пост президента, он просто рассмеялся и тем самым в очередной раз продемонстрировал свою преданность президенту. И не прогадал. Трезвомыслящий Немцов не охотник за журавлями. Он все точно рассчитал и получил в руки не синицу, а нечто побольше – пост одного из двух первых вице-премьеров.

И еще он ничего не откладывает на потом, все делает вовремя. Книга «Провинциал» вполне приличествовала молодому губернатору, но она выглядела бы слишком легковесной для человека, занимающего пост вице-премьера. Успел и тут.

Книгу Немцова я прочитал не без интереса и в один присест. Любопытно было, например, узнать, что будущий губернатор в двадцать шесть лет защитил кандидатскую и изобрел «акустический лазер», который вот так простенько и стал называться, имя же автора («Лазер Немцова») изобретению не присвоили. Тогда молодой кандидат наук решил к тридцати годам стать доктором и засел за докторскую диссертацию.

А на дворе уже бушевали «горбачевские» политические страсти, и молодой ученый точно рассчитал, что наука, докторские это сейчас все труха и ринулся в бурлящий политический котел. Однако, не очертя голову. Теперь Немцов не без притворной ностальгии размышляет: «Если вспомнить людей, которые начинали в конце 80-х – начале 90-х, то они все как политики уже погибли. Кто остался? Только Ельцин. (Ельцин начинал вовсе не в конце 80-х. – А.Л.). Где Юрий Афанасьев? Где Галина Старовойтова? Где Геннадий Бурбулис? Где Собчак? Гавриил Попов? Авен? Нечаев? Где Гайдар?.. В этом смысле некоторая экзотика, связанная со мной, конечно, есть».

Дело тут вовсе не в экзотике, а в знании физических законов. В бурлящем котле всегда что-то должно выпасть в осадок, что-то в виде пены подняться вверх, которую непременно сдует ветер времени, а «серединка» – это как раз то устойчивое и надежное, за что следует непременно зацепиться. И это что – Ельцин. Анализ точен и безупречен.

Борис Николаевич очень любит своих дочерей, а вот сына ему Бог не послал, и неутоленное отцовское чувство с годами все более и более заявляло о себе. Зять? Зять – любит взять. Ну что ж, бери, но только не душу, только не чувство. К своим ровесникам Борис Николаевич относился ревниво, а если кто-то из них возносился «над», тут уж злоба, замешанная на зависти, начинала рвать сердце. Тут уж, как говорил Владимир Ильич, – кто кого. А если победа, то всерьез и надолго. Золотые слова.

Товарищ Брежнев приказывает – пожалуйста, все исполним как надо. Ипатьевский дом снести – в один момент. Брежнев стар и в явном маразме – чему же тут завидовать: старости или маразму? Каждому овощу – свое время. Подождем. И время настало. Ельцин бесстрашно бросает перчатку Горбачеву, этому «комсомоленку», возомнившему себя великим государственным деятелем. Дуэль была долгая и нешуточная, в разнос пошла вся держава, но он, Борис Ельцин, вознесся выше...

И пусть теперь Михаил Сергеевич по ночам рыдает о потерянном царстве напару с Раисой Максимовой, кандидатом философских наук. Юрист. Второй Керенский. Правда, был еще один юрист – Ленин... Но и его скушали более молодые соратнички. Ох, и везет же России на юристов, надо набирать новую, молодую гвардию... Вот они, дорогие сердцу «сынки»: Бурбулис, Шахрай, Гайдар, Козырев, Станкевич, Чубайс, Боренька Немцов...

Из главы «ЕСТЕСТВЕННИК» И «ГУМАНИТАРИЙ» – картина мира»: «Естественник» – это человек, который мало чему удивляется. Потому, что прочно стоит на ногах. На земле. И представляет жизнь такой, какая она есть. «Гуманитарий» – это человек, который живет в созданном им книжном мире. Весь мир проходит через его личное восприятие. Самый яркий «гуманитарий», кого я знаю, это Никита Михалков. Самый яркий».

Ну, а самый яркий «естественник» – Борис Немцов. Тут никаких сомнений быть не может, ибо он знает законы природы и знает, что их нельзя преодолеть. Но их можно заставить служить себе. Другое дело законы, придуманные людьми. Их можно и преодолеть, и обойти.

Когда Ельцин, как когда-то Ленин, формируя молодое правительство, исходил не из принципа компетенции, а из принципа «от баррикад», то началась великая свалка appetitов, которая не закончилась и по сей день. Борис Немцов отошел в тень, однако зоркий Борис Николаевич не оставил своим вниманием высокого,

себе подстать, кудрявого молодого физика и в лучших традициях Екатерины Великой даровал ему всю Нижегородскую губернию со всем ее народонаселением: «Бери, Боря, экспериментировать...»

А Боря – человек расторопный: пригласил в Нижний слегка опального Явлинского с его командой, проколдовали они там целых сто дней и родили некие «немцовки» или «явлинки», вероятно, что-то вроде «чубайсиков» или стародавших керенок. Скорее всего, эти самые «немцовки», в отличие от «чубайсиков», особого вреда не принесли, так что и на том спасибо. А вообще-то речь в книге процентов на девяносто идет о вкусах и отвлеченных суждениях ее автора. Например: «**ВЕЧЕР.** Замечательно! Я – сова». Я тоже. «**НЕНАВИЖУ.** Ненавижу чванство, высокомерие и глупость. Не знаю, что поставить на первое место». А чего ж здесь не знать? На первое место надо поставить то, чего в тебе из ненавиденного в самом больше. «**РИСК.** Риск – это жизнь в России. Практически для всех. Страшно и интересно одновременно», Нет уж, страшно – это, действительно, почти для всех, а интересно-то для немногих. Неужели так интересно по полгода не получать зарплату или пенсию, смотреть в глаза голодным детям, а в старости отовариваться на помойках?

А тогда, во время стодневного семинара в Нижнем, Немцов сходу усвоил азы экономики, о которой прежде понятия не имел. И второе. Молодой губернатор вскоре сообразил, что ему теперь мало быть политиком и казаться экономистом, теперь ему надо вообще расширять свой кругозор. Ближнюю историю он освоил по работам генерала от агитпропа Волкогонова. Ну, а дальнюю проходили в школе – благо память великолепная. Канули месяцы и годы. Немцов уже не назначенный, а «всемирно» избранный губернатор. А порой так хочется порассуждать на отвлеченные темы, катись они к шуту все эти «явлинки» – «немцовки». В главе

«СЛОВА. РУССКИЙ ЯЗЫК» Немцов решает блеснуть своим историко-лингвистическим открытием. «Есть одна непонятная вещь, – замечает он. – Все национальности называются словом – именем существительным. Китаец, немец, англичанин – абсолютно все. Кроме русского. Слово «русский» – имя прилагательное. Почему – я не знаю, но, кажется, это единственное исключение из правила...»

Эту мудрость молодой ученый наверняка почерпнул в какой-нибудь академической или политической курилке. Впрочем, могу назвать первоисточник: Н.Лепин, «Парафразы и памятования», «Синтаксис» (Издатели: А.Розанова и Д.Синявский), Париж, 1980, № 7. В главе «Парафраза из Фонвизина» все сказано и про «прилагательное», и про «существительное», и про «исключение из правил».

Конечно, Немцов может сказать, что в науке нередко бывает так, что разные ученые совершенно самостоятельно делают те или другие одинаковые выводы. Это я знаю еще по школе. Но тут вот что интересно, Немцов не агностик, сказав «не знаю», он тут же начинает размышлять и выдвигает научную гипотезу: «Оно (исключение. – А.Л.) связано с историческим развитием России. Россия всегда к кому-то **прислонялась**. Либо к Западу, либо к Востоку. Может, в этом секрет, почему «русские» стали прилагательным».

Нет, секрет совсем в другом. Я несколько передернул, сказав, что приоритет этого «открытия» принадлежит Н. Лепину. Он просто рассказал в своей книге об этом «открытии». А кто имеет здесь все права на патент, я не знаю. Далее от себя он пишет следующее: «Как тут не вспомнить сцену из «Недоросля», где Митрофанушка... экзаменуется по грамматике.

Правдин (взяв книгу). Это грамматика. Что же вы в ней знаете?

Митрофан. Много. Существительна да прилагательна. .

Правдин. Дверь, например, какое имя: существительное или прилагательное?

Митрофан. Дверь, которая дверь?

Правдин. Которая дверь? Вот эта.

Митрофан. Эта прилагательна.

Правдин. Почему же?

Митрофан. Потому, что она **приложена** к своему месту. Вон в чулане шеста неделя дверь стоит еще не налажена: так та покамест существительна» (выделено мной. – А.Л.).

Как видим, Н. Лепин высмеивает, ту интеллектуальную пошлость, которая претендует на мудрость в рассуждениях о «русском» как прилагательном. Немцов же в главе **«ЧУЖАЯ МУДРОСТЬ»** пишет: «Мудрость, которую тебе не дано понять. А если ее можно взять себе, **присвоить**, тогда она уже не чужая». Вот Немцов и приватизировал, то есть **присвоил** не только открытие фонвизинского героя в области лингвистической науки, но и присвоил сам ход его остроумных рассуждений. Итак, у Митрофана дверь стала прилагательным потому, что она была «приложена к своему месту», а через двести лет у Немцова русские стали прилагательным потому, что они «прислонялись либо к Западу, либо к Востоку». Что ж, мы не станем возражать, если этот ход рассуждений, выдержав проверку временем двух веков, отныне будет называться «Интеллектуальным лазером Немцова».

Следует заметить, образ Митрофана гораздо содержательнее, нежели он трактовался в школьных учебниках. Над его заявлением – «Не хочу учиться, а хочу жениться» – мы хохотали. И напрасно, потому как в нем заключался гражданский и социальный протест представителя молодого поколения дворян. Митрофан – бунтарь. И более дерзкий, чем, скажем, тот же Чацкий.

Манифест о «Вольности дворянства» 1762 года, снимая с первого сословия служебную повинность, требовал, чтобы «никто не дерзал без обучения пристойных

благородному дворянству наук детей своих воспитывать». Родителей-ослушников ждала определенная кара. «Грамота» же Екатерины II 1785 года всякие репрессивные меры отменяла, однако умная императрица понимала, что абсолютная свобода может привести дворянский класс к одичанию, а потому и запретила безграмотным молодым дворянам вступать в брак. Не зная этого, трудно понять, кто и зачем устраивает экзамен Митрофану, и тем более расшифровать крамольный смысл знаменитой его реплики, в которой желание жениться связывалось с нежеланием учиться.

Так что у нас есть все основания считать Митрофана первым литературным героем, выступившим против любого ограничения прав человека.

Что же касается «Интеллектуального лазера Немцова», то он очень смахивает на всем нам хорошо знакомую «марксистско-ленинскую методологию», то есть на ту универсальную отмычку, при помощи которой без особого труда можно покорить все науки. Так, в рассуждениях о том, кто из российских правителей был похож на «русского царя», а кто – нет, Немцов без тени сомнения утверждает: «Нецарская внешность и внутренность может быть трагедией. А может оказаться незаметным временем. Кстати, и царь с очень «царскими характеристиками» может принести стране беду. Трагедию. Иван Грозный, к примеру, явно русский царь. Сталин. Явно русский царь. Ну и что хорошего?»

Иван Грозный – первый русский царь, покорив Казанское и Астраханское ханства, сделал Волгу русской рекой и простер Русское царство от Белого моря и до Каспийского, открыв путь в Персию, Закавказье и Среднюю Азию; начал освоение Сибири в то время, когда Запад начал осваивать Америку, и тем самым открыл перед Россией великую перспективу – выход в Тихоокеанский бассейн со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Далее. В 1552 году Иван Грозный установил морские торговые отношения с Англией, а в год своей смер-

ти (1584) заложил город Новохоломгоры, который с 1613 года стал называться Архангельском. И в отличие от петровского «окна в Европу», Архангельск сыграл важную стратегическую роль как во время Первой мировой войны, так и во время Великой Отечественной...

Мне, например, очень трудно понять, почему Борис Немцов не усматривает во всем этом ничего хорошего.

Нынче говорить хорошее о Сталине как-то боязно и поэтому я просто вступаю в разговор, затеянный отважным нижегородским губернатором, считающим, что и Сталин, и Ельцин – это «русские цари», только Сталин – плохой царь, а Ельцин – хороший. Пусть будет так.

Гитлер же, например, не в своей агитпроповской болтовне, а в узком кругу утверждал: «Сталин притворяется, будто он герольд большевистской революции. На самом же деле он отождествляет себя с Россией и царями... для него большевизм только средство, только маскировка, цель которой обмануть германские и латинские народы».

Все правильно, так оно и было на самом деле. Не случайно же еще до войны Сталин осудил марксистские концепции историка Покровского, поднял на щит Ивана Грозного, Петра Великого, Александра Невского, Суворова, Нахимова, а во время войны реабилитировал церковь, распустил Коминтерн, вернул армии погоны, восстановил в правах слово «офицер», учредил ордена Александра Невского, Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова... А на состоявшемся в октябре XIX съезде ВКП(б) убрал из названия партии маленькую букву «б», то есть отказался даже от «большевистской маскировки».

И опять я не могу понять непримиримого антикоммуниста Немцова. Неужели и здесь он не увидел ничего хорошего? Или это он тоже, по примеру Сталина, маскируется? Ведь вся та «горбачевская гвардия» от Афанасьева до Гайдара во время перестройки и клеймила-то Сталина за отход от ленинизма и за деформацию со-

циализма, поднимая на щит «ленинскую гвардию», возмечивая Троцкого (особенно в этом усердствовали Волкогонов и Рой Медведев), романтизировала гражданскую войну и замалчивала Красный террор.

Впрочем, Немцов, по моему убеждению, не маскируется. Он в своей книге признался, что не любит ни шахмат, ни карт. Он играет только в мужские игры. Я бы сказал, в изощренные мужские игры. Вот он изобразил скорбное лицо при захоронении политических трупов своих сообщников по демвижению. Он позитивно отзывается о Гайдаре и Чубайсе, а затем говорит, что было бы хорошо, если бы президентом или премьер-министром в России стал Явлинский. «Это было бы хорошо потому, — пишет Немцов, — что у руля появился бы экономически грамотный человек, который не может принять никакого безумного решения, повлекшего за собой страдания миллионов россиян». Вы, конечно, поняли, в чей это огород камни? Конечно же, в первую очередь в огород Гайдара и Чубайса. Что ж, это настоящая мужская игра.

Стоило в июне прошлого года после зафиксированной клинической смерти взлететь Чубайсу в политическое поднебесье, как Немцов будто невзначай вспомнил (в главе о Чубайсе): «Однажды Ельцин мне сказал, что Чубайс — хороший человек, умный, способный. Но во многих деревнях облезлых кошек называют Чубайсами».

Как сказал бы сам Чубайс: «Сильный ход сделал нижегородский губернатор». На то они и мужские игры.

Мы уже говорили, что самым ярким «гуманитарием» Немцов считает Никиту Михалкова. На прошлых выборах в Думу Михалков был вторым номером в команде Черномырдина и принес ему, видимо, немало голосов. А уже в главе, посвященной персонально этому популярному актеру и режиссеру, Немцов ведет такую линию: «Человек очень честолобивый и иногда эгоистичный, конформист. Злые языки в Москве (а в Ниж-

нем добрые? – А.Л.) вообще считают, что семья Михалковых, особенно отец, – семья предателей. Быгует такое мнение в интеллигентской среде. Сначала с одним, потом – с другим, с Руцким вот, например, и так далее». Под «и так далее» отчетливо просматривается Черномырдин.

Есть в этом пассаже и более глобальный намек. Сначала с одним (с Горбачевым), потом – с другим (с Ельциным). Все они, кто теперь с Ельциным, а прежде были с Горбачевым – предатели и, скорее всего, на генетическом уровне. Стало быть этих людей и держать, если держать, следует на соответствующем невысоком уровне. Таким образом устраняются ненужные промежуточные конкуренты.

О Лужкове: «Жизнерадостный, умный, непьющий человек. Осторожный политический деятель, который все время делает вид, что он – хозяйственник, главный строитель и чистильщик Москвы».

О Росселе: «Россель, видимо, человек не очень самостоятельный, судя по осторожными высказываниям своих политических взглядов в присутствии самого большого начальства». Под этим начальством, видимо, подразумевается Ельцин.

Это о коллегах. А вот о независимых политических лидерах. О Жириновском: «Умный человек. С клиническими особенностями. Абсолютно беспринципный... По-моему, он довольно хорошо владеет техникой воздействия на толпу. По-моему, пользуется услугами психологов. В принципе, опасный человек для страны».

О Лебеде: «Он произвел на меня приятное впечатление. Человек образованный, колоритный, хорошо излагающий свои мысли, что, надо сказать, довольно большая редкость для военных. И неординарный... Мне показалось, правда, что он никак не может сформулировать свои экономические воззрения...»

Немцов, кажется, немного Лебеда побаивается. Ну, просто так, на всякий случай... А что касается формулирования экономических воззрений, то с этим у всех

как-то не ладится. Возьмем хотя бы самого автора «Провинциала». Вот он начинает формулировать: «Реформы – это достаточно быстрые изменения в отношениях. И экономических, и социальных. Изменения, сопровождающиеся трагедией для многих людей». Вроде бы очень четко, а через полстраницы: «Реформы – это когда с поводка спускают медленнo и все время регулируют» (разрядка моя. – А.Л.).

Так как же на самом деле: быстро или медленно? Ну, хорошо, оставим придирки. Бог с ними, с формулировками и с конкурентами. Давайте, наконец, проясним для себя: кто же такой сам Борис Ефимович Немцов?

Немцову хочется походить на медведя (то есть на Ельцина). Есть в книге фото его портрета, сработанного «под старину», на котором молодой губернатор напоминает итальянца. На первой обложке – ну, этакий кинокрасавчик, а на последней – вылитый «генерал Дима» докамерного периода жизни, а сам Борис Ефимович с давних пор (аж, с 1991 года) называет себя камикадзе. Когда Немцов взлетел на пост первого вице-премьера, то сразу же публично заявил, что он камикадзе. На что хорошо знающий его Явлинский лишь скептически и многозначительно ухмыльнулся.

Кто же такой Борис Немцов на самом деле? Де Голль? Наполеон? Нет, это больше подходит Лебедю. Есть в книге «Провинциал» одна замечательная глава. Даю ее полностью. «КАНАТОХОДЕЦ. Смелый человек. И в то же время – достаточно осторожный. Без осторожности он не сможет никому показать, что он канатоходец: просто ни одного шага не сделает».

Блестящий и достоверный психологический автопортрет – не прибавить, ни убавить.

Вспомним наш разговор о Борисе Николаевиче, точнее, о его не востребованной любви к сыновьям, которую он за отсутствием у него последних стал переносить то на Гайдара, то на Козырева, то на Чубайса и постоянно на Бориса Немцова. По-всякому получалось

или не получалось... Вспомним, как в декабре 1992 года, когда народные депутаты начали требовать отставки чмокающего премьера, Ельцин встал и решительно заявил: «Гайдар – умный!» Последовала пауза вместо аплодисментов. Никто из нардепов в этот диагноз не поверил. И пришлось тогда Гайдара сменить на Черномырдина. Однако через пару месяцев Гайдар стал первым вице-премьером.

Немцов-канатоходец по собственному житейскому опыту и как «естественник», в отличие от своих партийных коллег, жаждал любви совсем иной, не отцовской... Вон Козырев – при живом «отце» второй год в сиротах пребывает, каково ему? А Гайдар? «Иногда причмокивая, иногда не причмокивая», бодрится, пыжится, но без «отцовской» любви – чистый нуль. На что уж Чубайс ушлый малый – и то порядком накувыркался. А Шахрай... Сегодня «отец» вручил орден, а завтра уже забыл и про орден, и про орденоносца; сегодня – дал пост, а завтра погнал в шею. И как говорил наш баснописец: «Тому в Истории мы тьму примеров слышим...»

И невольно встают перед глазами: незабвенный литературный Тарас Бульба с его строгой отцовской любовью; исторические фигуры Ивана Грозного, чья грозность не обошла стороной даже родного сына; Петра I с его маниакальной привязанностью к царскому трону, что стоило сыну жизни; и Сталина, не пожелавшего выволить из немецкого плена собственного первенца; да и «сынки» тоже хороши – ничего не скажешь. Достаточно вспомнить нетерпеливого Александра I, не без участия которого таким коротким оказалось правление его отца Павла I, или многократно нами упоминаемого Гайдара, взывавшего «отца»-президента не выставлять свою кандидатуру на очередных президентских выборах с обещанием устроить ему роскошные политические похороны.

«О, времена! О, нравы!» – воскликнул наш далекий пращур. С тех пор ни времена, ни нравы к лучшему так

и не изменились. Премьер Черномырдин, конечно, со мной не согласится. Мобилизуя все остатки отечественного оптимизма, он публично заявит: «Нет, нет, подвижки в этом вопросе уже есть. На один процент!»

Да Бог с ними с подвижками и процентами. Лучше давайте внимательно присмотримся к шмуцам в книге «Провинциал»: на одном из них в крепких объятиях изображены Борис Николаевич и Борис Ефимович (потом это фото в предельном для книги формате будет повторено с трогательной подписью: «Незабываемая встреча с Б. Н. Ельциным»); на другом шмуце Борис Ефимович запечатлен ласково обнимающим свою единственную дочь. Это вам не партийные объятия и партийные поцелуйчики, которыми, скажем, обменялись Горбачев с бежавшим из ГДР Хонеккером.

Да, не «отцовской» любви добивался Борис Немцов, и он ее добился. Чего нынче стоят ордена или даже высокие посты – так, иллюзия счастья и не более того. А вот когда президент дарит теннисную ракетку, а тем более теннисный костюмчик, который тебе в самую пору, словно его покупала горячо любящая жена, – это дорогого стоит.

Борис Немцов прост, как правда, и еще как Ленин. Он «естественник» и ходит по земле, а потому не стал вламываться в многочисленную ораву алчных до всего сыновей, дабы не связывать свою личную «американскую мечту» с капризами случая.

Еще Борис Немцов знает, что проблема «отцов и детей», если даже от нее отделить все политические вирусы, все равно останется, пусть лишь на биологическом уровне. Сначала отец для сына – опора, потом – авторитет, затем – соперник. А вот отношения деда и внука совсем иные: дед через внука пытается заглянуть в будущее, а внук через деда заглядывает в свое прошлое, и создается ощущение вечности жизни. У одного у же мало силы и энергии, а у другого е щ е мало силы и энергии, зато у обоих больше духовных потребностей, а стало быть меньше корысти в отношениях. Ну, это, ко-

нечно, так в идеальном плане и в абстрактном от реальной жизни виде. И все же... Так, к примеру, Екатерина Великая до того обожала своего внука-первенца, что готова была сгноить своего единственного сына – лишь бы престол перешел от нее к внуку, она чувствовала в Павле соперника, а в Сашеньке видела продолжателя своих, как ей казалось, славных дел. Иррационально? Безусловно.

Однако пора нам вернуться на землю, от которой Немцов, как Антей, старается не отрываться, говоря вульгарно, «внучек» использовал «дедушку» на всю катушку. Главное достоинство книги «Провинциал» в ее многофункциональности. Стоило Ельцину прошлым летом назначить Чубайса главою своей администрации, с размытыми полномочиями и того стали называть регентом при больном президенте, и «внучек» решил напомнить «дедушке» о себе, точнее, даже не о себе, а об их встрече в нижнем Новгороде летом 1994 года.

«Именно тогда, в эту встречу, – напоминает автор «Провинциала», – он (Ельцин. – А.Л.) предложил мне стать следующим президентом России. Шутка, конечно. Почти клоунада!»

Только зачем вспоминать шутки, переходящие в клоунаду? Надо. Такова уж настоящая мужская игра без правил: кто кого. Это вам не с Ноздревым в шашки играть.

А тем временем Чубайс варганил новую правительственную конструкцию, в которой отводил себе роль единственного первого вице-премьера, с перспективой...

А «дедушка» услышал голос «внука», порушил чубайсовскую конструкцию. Теперь и Борис Немцов тоже первый вице-премьер и тоже с перспективой... Более того, президент публично назвал автора книги «Провинциал» своим будущим преемником.

Чубайсу ничего больше не оставалось, как изречь: «Сильный ход сделал президент».

Из книги Бориса Немцова «Провинциал»: «Абсолютно уверен, что политические долгожители, кото-

рые существовали на планете, – все стояли перед искушением никому не верить. Все до одного... Если человек имеет внутренние пружины, то недоверчивость перерастает в осторожность». Ух, как бурно зреет «внучек»...

Из книги французского писателя Анри Барбюса «Сталин» (1936 г.): «Он крайне осмотрителен и доверие свое дарит нелегко. Один из его ближайших сотрудников не доверял другому. «Здоровое недоверие – это хорошая основа для совместной работы», – сказал ему Сталин. Он осторожен как лев». «Внучек» пока осторожен лишь как канатоходец. Но это пока.

А кто сказал, что Борису Николаевичу вся эта политазбука не знакома? Это Горбачев думал, будто жизнь альтернативна, а на самом-то деле она – многовариантна.

Бориса Николаевича сейчас подпирают «сынок» Анатолий Борисович и «внучек» Борис Ефимович, а ведь у него есть еще и свой кровный внучек, кстати, тоже Борис. Говорят, что нынче он обучается в Англии. Почему-то в последнее время наши СМИ и многие политологи (а сейчас всяк политолог, кто говорит или пишет о политике) уж больно увлеклись монархической тематикой, словно они почти всю жизнь провели при каком-нибудь государевом дворе. Одновременно почему-то исчез всякий интерес к отпрыскам рода Романовых. К чему бы это?

В общем, перед кончиной века Россия еще может снова удивить мир: то ли она шарахнется в пропасть, то ли... Но вот тут многовариантность жизни и заставляет не напрягать собственную беспомощную перед жизнью фантазию. Угадать, конечно, можно, но вот предсказать что-либо – увы.

1997 г.

О ЧЕМ БЕЗМОЛВСТВУЕТ НАРОД?

«Итак: **непротивление** – или **сопротивление**?» Что ж, столь жесткая альтернатива, кажется, никакого компромисса не предусматривает...

Иван Бунин высказал когда-то простое и очень замечательное соображение: «А зачем выдумывать? Зачем героини и герои? Зачем роман, повесть с завязкой и развязкой? Вечная боязнь показаться недостаточно книжным, недостаточно похожим на тех, кто прославился? И вечная мука – вечно молчать, не говорить как раз о том, что есть **истинно твое и единственно настоящее**, требующее наиболее законно выражения, то есть следа, воплощения хотя бы в слове» (выделено мной. – А.Л.).

Что касается нужности или ненужности жанров и их законов, героев, героинь, выдумки, то все эти возникшие в связи с ними вопросы носят часто риторический характер. Однако постановка общей проблемы весьма плодотворна, если, конечно, акцент ставить на содержание «истинно твоего и единственно настоящего». Так, к примеру, для Толстого в шестидесятые годы таковыми были и Отечественная война 1812 года, и Кутузов, и Наполеон, и нравственные искания «отцов» в судьбоносный для Родины исторический период. У других «единственно настоящее» сужалось до личного почесывания, а вся остальная жизнь оказывалась всего лишь общим фоном. Что ж, каждому – свое.

В первые годы своей эмиграции Бунин создает такие шедевры, как «Митина любовь» или «Солнечный удар», уносясь в недавнее и одновременно такое далекое прошлое. Однако, в этот же период пишутся и «Окаянные дни»...

«Мы живем всем тем, – размышлял Бунин, – чем живем, лишь в той мере, в какой постигаем цену того, чем живем. Обычно эта цена очень мала: возвышается она

лишь в минуты восторга – **восторга счастья или несчастья**, яркого **сознания приобретения или потери**; еще – в минуты поэтического преображения прошлого в память» (выделено мной. – А.Л.).

«Восторги счастья» вызывали из прошлого печальную, но прекрасную явь – это и было для Бунина «единственно настоящим», но эта явь была разрушена не просто временем, она была разрушена революциями и ее вождями, они-то и вызывали «восторги несчастья», в порывах последних и создавались «Окайнные дни». Эти окайнные дни были для Бунина тоже «единственно настоящими».

Двуединство этих «восторгов» и дали единого Бунина, который эмигрировал из **пространства** России, но который никогда не выпадал из **временной** координаты России. «Воплощение и сохранение хотя бы в слове» прошлого России означало духовное **сопротивление** всему тому, что терзало историческое тело России и губило ее душу.

Антиподом «сопротивленца» Бунина стал очень талантливый беллетрист Алексей Толстой – автор «Петра Первого», «Хождения по мукам», «Хлеба», «несопротивление» которого было отнюдь не сродни «непротипвлению» его великого однофамильца Льва Толстого, бунтовавшего и против царя, и против государства, и против церкви, и даже против самого себя. На все хватало сил и духа у яснополянского бунтаря-непротипвенца.

Обо всем этом я невольно задумался, прочитав материалы дискуссии, проведенной на пленуме Союза писателей России, состоявшемся на сей раз на родной Бунину земле – Орловщине.

Мне показалось, что участники дискуссии в Орле, а я со всеми с ними хорошо знаком, были чем-то очень взвинчены, оттого, наверное, «непротипвенцы» ничуть не уступали «сопротивленцам» в агрессивности. Даже такие исторические личности, как князь Михаил Тверской и Иван Калита и те были поделены между оппонентами (Валерий Ганичев и Владимир Личутин). Невольно созда-

ется впечатление, что оппоненты не столько стремились к согласию, сколько к возведению баррикад.

Так, Владимир Крупин «миротворчески» бросает: «Мы занимаемся обличением, а на обличение нужно иметь права. Кто мы такие, чтобы, например, обличать Патриарха? Зачем? Что это такое?» Последовательным Крупин оставаться не захотел и через абзац разнес в пух и прах Александра Зиновьева и Эдуарда Лимонова. Еще одним обличением стало больше.

Разумеется, я понимаю разницу между Патриархом и Зиновьевым с Лимоновым, и все же, все же, все же... Нельзя же так самоуничижаться: «Кто мы такие?..» Х р и с т и а н е – вот мы кто такие. Прощения и спасения мы молим у Бога, а вот земной христианской заботы – у церковных иерархов, да простит мне благочестивый Владимир Крупин.

В конце шестидесятых мне довелось быть участником совещания молодых писателей в Красной Пахре и там ежедневно устраивались встречи с «интересными людьми». Однажды был приглашен какой-то чиновник из Моссовета, он сумел привлечь внимание аудитории своим выступлением, посыпались вопросы. Кто-то задал и такой: «Когда будет построен новый крематорий?» Чиновник чуть замаялся, а затем ответил примерно так: «Строительство почти завершено, но тут сложности с печами... Дело в том, что для того крематория, что был построен еще задолго до войны, печи мы покупали в Германии».

На мгновение установилась тишина, а затем в зале раздался дробный, нервический смешок. И это понятно. В шестидесятых очень много писалось о гитлеровских «лагерях смерти», широко демонстрировались кинохроники, запечатлевшие зловещие «германские печи» – отсюда и такая наша реакция: оказывается, эти самые «печи» придумал вовсе не Гитлер, а цивилизованный атеистический мир. А мне тогда подумалось: «Как человечество относится к мертвым, так оно будет отно-

ситься и к живым». Эта мысль и заставила память навеки сохранить этот эпизод.

Вы правы, Владимир Николаевич, не следует нам, мирянам, обличать церковных иерархов, но я как христианин считаю себя вправе призвать иерархов (и в первую очередь Патриарха) поднять свой голос в защиту мертвых, ибо это их, иерархов, первейшая христианская обязанность перед прихожанами. Именно церковь должна выступить с инициативой внести в Конституцию «Закон о мертвых», гарантирующий каждому гражданину достойное захоронение после смерти, согласно его религиозному верованию. Если государство не хочет или не может этого сделать, то это вовсе не государство, а шайка политиков, захватившая власть.

Недавно по ТВ кто-то рассказывал то ли быль, то ли притчу о возвращающемся в родные места после долгих лет депортации старом чеченце, несшем тяжелый чемодан. Чеченца спросили: «Что у тебя там, в чемодане?» И он кратко ответил: «Кости». Не стану сейчас ворошить «чеченский вопрос», но с уверенностью могу сказать, что такой народ не сломишь и ему разом не навяжешь так называемые общечеловеческие ценности, из числа которых по чьей-то анонимной воле выпала забота о мертвых.

Что ж, интеграция в пространство сулит или добычу, или выгоду, интеграция же во времени гарантирует вечность. И свобода каждого народа заключается в свободном выборе между двумя этими перспективами. Русский писатель, если он, конечно, не атеист, просто не имеет права относиться к таким вопросам индифферентно. И Патриарх, в отличие от Римского папы, кажется, не всегда может быть прав; не следует все же забывать, что восточная интерпретация христианства отнюдь не по всем пунктам совпадает с его западной интерпретацией и уж тем более с сектантскими извращениями. От культа главы церковной иерархии всего несколько шагов в сторону культа земной личности, на-

зывается он генсеком, вождем или президентом – это неважно. А важно то, что все эти шаги будут торить дорогу в сторону от Бога.

В эпоху, когда христианское сознание во всем мире переживает страшный кризис, роль писателя в духовной жизни неизмеримо возрастает, точнее, возрастает его ответственность перед народом. Разумеется, писатель не может заместить собой священнослужителя, но он обязан в своих произведениях (своего рода проповедях) сохранить память о Боге, то есть по мере своих сил и возможностей удовлетворять хоть в какой-то степени религиозные запросы человеческой души. Нет, вовсе не труд создал человека, лошадь трудится куда больше и муравей тоже, но почему-то человеками они так и не становятся.

Судьба человека отличается от судьбы всех остальных обитателей нашей планеты тем, что то ли в награду, то ли в наказание человеку дано религиозное чувство, удовлетворенные запросы которого перекрывают тотальный и всепоглощающий зов инстинкта самосохранения, освобождая человека от постоянного страха смерти, убивающего всякую способность к истинному творчеству.

И сегодня, когда политики по сути дела поглотили все разнообразие человеческих интересов и запросов, заменив право на жизнь сомнительным избирательным правом, когда между народом и властью идет необъявленная война, **суверенизация** литературы, культуры или религии ведет не только к распаду государства, но и к разрыву всех человеческих связей, то есть к гибели народа.

Нашему народу потребовалось семь десятилетий, чтобы не только избавиться от коммунистических иллюзий, но и стряхнуть с себя режим «советской демократии», теперь ему силой навязывают не менее пагубный режим «западной демократии». Сейчас у нас слово «демократия» находится под той же не-

усыпной охраной государства, под каковой прежде находилось слово «коммунизм». Что изменилось? К лучшему – ничего. «Коммунисты» не стеснялись стрелять в свой народ из винтовок и пулеметов, «демократы» уже не стесняются «договариваться» со своим народом при помощи снарядов и ракет. В общем-то, конечно, прогресс, в жертву которому можно принести все и всех.

Демократия не меньшая утопия, чем коммунизм. Наиболее честные и сильные умы еще когда о демократии только теоретизировали, уже ставили под сомнение возможность ее реального претворения в политическую жизнь. «Верховная власть, – утверждал, к примеру, Руссо, – не может быть представляема». И Руссо скептически относился к парламентаризму вовсе не потому, что он ограничивает роль монарха, а потому, что если он ее и ограничивает, то не в пользу народа. «Депутаты, – продолжал Руссо, – не могут быть его представителями, ибо они суть только его приказчики (commisaries), не имеющие права делать окончательных постановлений. Всякий закон, не утвержденный непосредственно народом, не имеет силы; и это никакой не закон».

И прав был наш И. Аксаков, утверждавший: «Никакой договор не удержит людей, как скоро нет на это желания. Вся сила в нравственном убеждении».

Оттого-то у нас и не работают механизмы законов, что ни один из них не был сориентирован на «нравственные убеждения» народа. А с точки зрения Руссо, подобные законы «не имеют силы». У нас же даже Конституция была принята без ее всенародного обсуждения. Так неужели сегодня русский писатель от всего этого может отстраниться?

Нынешняя дискуссия писателей в Орле оказалась не столько бурной, сколько сумбурной. Так, например, Петр Палиевский начинает вдруг нервно, а потому и не очень-то убедительно теоретизировать совсем не в свойственном ему духе: «В общем виде нам, конечно

же, понятно: политика – это область **интересов**. Литература же говорит нам о смысле жизни. Интересов у нас хоть отбавляй... А ведь люди прежде всего **интересуются** смыслом жизни, ибо смысла жизни сейчас как раз не хватает» (выделено мной. – А.Л.).

Не совсем как-то ясно... Если **интересы** – это прерогатива политики, то почему же тогда **интерес** к смыслу жизни («**интересуются** смыслом жизни») выпадает в какую-то иную, автономную область? К тому же, вся великая русская литература XIX века жила, прежде всего, **интересами** и в первую очередь **интересами** крестьянства, загнанного реформами Петра I в рабство. Что же касается поиска смысла жизни, то он начинается лишь тогда, когда окружающая жизнь начинает восприниматься как бессмыслица, однако не во все же эпохи только тем литература и занималась, что искала лишь смысл жизни. А заданный же изначально и отстраненный от текущей действительности поиск смысла жизни нередко ведет самой короткой дорогой к «немотивированному» самоубийству или в глухой тупик. Невозможно отыскать смысла жизни вне самой жизни. Во всяком случае, изоляция от жизни не ведет литературу ни к процветанию, ни даже к самосохранению.

«Самая сложная мысль писателя, – продолжает Палиевский, – отличается от политической, совсем отличается. Она отличается, прежде всего, пониманием». И сказанное подкрепляет следующим аргументом: «Лев Николаевич Толстой, когда приехал к нему в гости Иван Тургенев, сказал, когда они гуляли по Ясной Поляне: «Тургенев, хочешь, я скажу тебе, о чем думает вот эта лошадь?» И Тургенев пишет: «Я почувствовал, что да, он знает, о чем думает лошадь».

А выступавший чуть позже Василий Белов прямо заявил: «Без политики мы с вами никуда не денемся. Для меня, например, моя жизнь разделилась на две части: моя жизнь до октября прошлого года, и моя жизнь после октября».

Если бы Ивану Сергеевичу довелось почитать первые страницы «Привычного дела», то он убедился бы, что наш современник Василий Белов не хуже, чем Лев Толстой, знает, о чем могут думать лошади. Между прочим, и я тоже «могу сказать», о чем думала та «толстовская» лошадь: она думала о своих **интересах**, а вовсе не о **смысле жизни**, так что согласно теории П. Палиевского, то ли лошади уподобляются политикам, то ли политики, думая только об интересах, уподобляются лошадям. Прямо скажу: не очень продуктивная теория.

Конечно, прав и П. Палиевский – писатель должен «понимать», понимать то, о чем думает человек, но он также еще обязан догадываться, что думает и что чувствует народ. Ведь, возможно, сегодня народ задается и таким вопросом: «А зачем вы нужны, мастера культуры?» И при этом не отождествляет культуру с мастерами культуры.

И нынче, когда наступила долгая череда окаянных дней, писателю надлежит представлять координаты **общей беды** и не столько задумываться об общем смысле жизни, сколько о том: о чем все-таки **безмолвствует народ**?

1995 г.

АПОСТОЛЫ И ЖЕРТВЫ СИЮМИНУТНОГО

В минувшем году Владимир Бондаренко презентовал мне две своих книги: «Крах интеллигенции» и «Реальная литература», произведя меня в дарственных надписях в высокую степень своего «учителя и друга». Что ж, это, наверное, не менее почетно, нежели получить звание лауреата Государственной или любой другой премии, особенно если учитывать искренность Бонда-

ренко и лютую заангажированность всех жюри и комиссий по раздаче закамуфлированных взяток.

Прочитав книгу Бондаренко да вдобавок еще рецензию Ларисы Барановой-Гонченко на книгу «Крах интеллигенции», мне так и захотелось крикнуть: «Не могу молчать!» Однако, вовремя вспомнив, что один известный писатель уже когда-то вскрикивал подобным образом, решил не шуметь и сел за машинку – спокойно порассуждать.

Статья Бондаренко «Детки в клетке» начинается следующим пассажем: «Сейчас все жалуются на отсутствие критики. На долгие четыре года критика ушла со страниц литературных журналов. Сами критики ушли: в историю – В. Кожин, в депутаты – Ю. Корякин... Уже давно никто не читал критических статей И. Золотусского и А. Ланшикова».

Вторая Бондаренко, Баранова-Гонченко подтверждает: «Кожин занялся собственно историей, Лобанов – исторической биографией, Ланшиков, прежде ограждавший критику от литературоведения, – именно литературоведением... И только Владимир Бондаренко в неиссякаемом молодом азарте продолжает заниматься делом сугубо интеллигентским – литературной критикой... В современной русской патриотической критике вы скорее найдете «три пары стройных женских ног», чем второго Бондаренко. Он – уникален. Он – штучен».

По-моему, Баранова-Гонченко не очень-то внимательно прочитала книгу Бондаренко, который в слове «От автора» признается: «Собранные в этой книге статьи... не только и не столько о литературе, сколько о нашем нынешнем обществе». А коли это так, то мы вправе посчитать слова рецензии о «сугубо интеллигентских» занятиях Бондаренко – всего лишь литературной припиской или нелитературной рекламой.

Что же касается «стройных женских ног», то их до одури много мелькает в телепередачах, так что дополнительное изыскание их еще в литературной критике

нельзя считать таким уж неотложным, да и перспективным занятием.

О штучности Бондаренко судить не берусь, поскольку не совсем понимаю, что это такое – «штучный критик». А вот что касается уникальности – полностью согласен.

Например, в одном случае он сетует на то, что Кожинов из критики ушел в историю, а в другом заявляет: «Скажем, при несомненном таланте Вадима Кожинова, критиком как таковым он не является». Как можно ставить в вину человеку то, что он перестал быть *тем, кем* никогда не являлся? Оказывается, можно, если ты уже преодолел элементарную логику и освоил тайну логики уникальной.

Помимо уникальной логики, в боевом арсенале Бондаренко есть еще уникальная память. Так, в прошлом году он дважды печатал мои материалы в своей газете «Завтра», да и в других периодических изданиях я не такой уж редкий гость. О том же, что и в предшествующие годы я не молчал, Бондаренко может почерпнуть сведения из собственной статьи «Дейч Марк и Марк Дейч». Этот самый Дейч даже планировал издание какого-то сборника, в который, помимо статей Солженицына, Шафаревича, Казинцева и Лобанова, предлагал включить и какую-нибудь мою статью, о чем я, между прочим, узнал, читая книгу «Крах интеллигенции».

Если, Володя, ты не читал названную книжечку, советую почитать – любопытное чтение. Наверняка, много новенького узнаешь.

Что же касается моего нынешнего увлечения литературоведением, то, видимо, Баранова-Гонченко просто меня с кем-то спутала. Последняя моя работа в этой области (составление сборника рассказов и повестей Л. Толстого, написание вступительной статьи и комментариев) увидела свет десять лет назад, и с тех пор ни одной литературоведческой работы я не публиковал.

В принципе я не возражаю – если о тебе творят мифы, значит, тебя еще не предали забвению. И тут даже не очень важно содержание самих мифов, важно само их появление.

Финал рецензии Барановой-Гонченко звучит так, как должно звучать окончание речи после торжественного награждения: откровенная хвала в адрес победителя и вдохновителя и великодушное умолчание о дезертирах: «Бондаренко – боец, Бондаренко – почвенник... Мы ведь тоже, уверенно ощущая себя почвенниками и государственниками, втайне очень боимся показаться неинтеллигентными».

«Бондаренко – боец». Я бы сказал – настоящий боец, ибо он не только отважен, но и пропорционально осторожен. А что касается ощущений, то ощущать себя можно кем угодно и даже чем угодно – тут все зависит от капризов фантазии, только вот афишировать свои фантазии, и тем более свои ощущения, иногда бывает опасно, особенно если они становятся «уверенными», а затем перерастают в твердое убеждение. Окружающие могут тебя не совсем правильно понять и, чего доброго, позовут на помощь медицину. И такое может случиться.

Статья «Почва и космос» заканчивается так: «Почвенники и космополиты. Мое пристрастие к почвенническому направлению, может быть, приводит к определенной субъективности в трактовке фактов, в подборе цитат. Хорошо бы, чтобы разговор на эту тему был продолжен оппонентами... Направления эти были, есть и будут. Они – не результат неких интриг и разгула страстей. Они – соперники в вечном пути познания человеком самого себя и всего человечества» (выделено мной. – А.Л.).

Что ж, Володя, давай продолжим разговор. Ты зацепил глобальную мысль, но, к сожалению, она у тебя опирается лишь на интуицию и не уходит, на мой взгляд, в историческую почву «всего человечества», о которой ты сейчас говорил.

Еще в 1646 году генерал ордена иезуитов Винценто Караффу напоминал членам ордена, что «каждая страна, а не какая-нибудь одна страна, есть наше отечество». Другой иезуитский генерал, Госвин Никкель, называл любовь к отечеству «чумой и вернейшей смертью христианской любви». Орден иезуитов, начиная еще со времен Игнатия Лойолы и Диего Лайнеса, всегда боролся с любым проявлением национально-патриотических чувств.

О «познании человеком самого себя и всего человечества» тогда не могло быть и речи. Эта потребность души, которую принято называть «почвенничеством», возникла гораздо позже и при других обстоятельствах. В средние же века христианство в его западной интерпретации как раз и стало носителем космополитических идей, когда отстаивалось высшее право церкви перед правами светского государства. Религиозное воззрение средневековья на государство исходило из положения о греховном его происхождении и господстве над ним «князя мира сего».

Умерший в начале XII века картезианский приор Гвицо писал: «Образ действия королей и князей таков, что они хотят возвеличиться не через собственное улучшение, а через вред, наносимый другим людям, и их унижение». Цезарий Гейстербахский называет князей, управителей и судей порождением ехидны.

Орден иезуитов возник в 1534 году как реакция на пошатнувшееся положение церкви в странах Западной Европы в связи с расколом католической церкви (Реформация) и укреплением позиций светской власти. Космополитизм стал тем оружием в руках иезуитов, при помощи которого они хотели бы восстановить верховную власть церкви в едином христианском мире.

В эпоху победы абсолютизма Людовик XIV (1638 – 1715) мог с полным правом заявить: «Государство – это я». Но эпоха абсолютизма во Франции оказалась не-

долговечной. В первый же год Французской революции была принята «Декларация прав человека и гражданина», в третьем параграфе которой записаны такие слова: «Первоначальный источник всякой верховной власти есть нация». Если теперь происхождение власти связывалось с народом, то эта власть не могла быть одновременно учреждением божественным – отсюда и пролжает прямой путь к отделению церкви от государства. Когда Наполеон в 1804 году принял титул императора, он заявил: «Ведь только я, один я – настоящий представитель народа».

Отныне все, что бы ни делалось, **будет делаться как бы от имени народа и вроде бы исключительно для его блага**. Так, в нашем ныне истекающем веке с санкции народов провели, к примеру, две мировые войны, сотни революций и локальных войн, заготовили впрок столько смертоносного оружия, что его хватит для уничтожения всей жизни на планете.

С провозглашением народа источником верховной власти на смену культу трансцендентной личности, то есть Бога, пришел культ личности земной, лучше сказать, мирской, отсюда и начинается философия культа сильной личности. И французы первыми явили миру пример, как может быть обожествлен земной кумир, когда душа, потеряв Бога и нигде не находя опоры, постоянно проваливается в пустоту и готова прилепиться к любой мнимости. Ни один король, если даже он был Королем-Солнцем, не мог и мечтать стать тем, кем стал Наполеон, обобществив политические ваучеры своих верноподданных.

Человек, в отличие от животных, от сотворения наделен религиозным чувством, которое помимо его воли требует постоянного утоления. Помните: «Духовной жаждой томим...»?

Володя, я чувствую, что ты уже слегка заскучал. Действительно, что это я про Европу да про Европу, словно мы не патриоты... Давай лучше о России поговорим. А?

В России оно, конечно, все проще было. У нас мир и клир не вели многовековую тяжбу из-за верховной власти и не обменивались анафемами, не до того было – кочевая цивилизация два с половиной века огнем и мечом сживала нас со света, но потом сама куда-то делась. Тогда с другой стороны, то есть с Запада, нагрянули поляки с намерением нас окатоличить, ну и, как водится в таких случаях, пограбить. Но ничего, как говорится: Бог не выдаст – свинья не съест. Бог не выдал. Обошлось.

А дальше случился Петр I, который незадолго до своей смерти назначил себя императором и еще провозгласил себя «Отцом Отечества», по образцу то ли Отцов народа израильского, то ли христианских Отцов церкви. Патриаршество заранее было преобразовано в Синод, то есть в светское ведомство, во главе которого потом и стояли нецерковные люди.

И двинулись мы с Европой одним путем, то есть вперед. Хотя куда двинулись – и по сей день не поймем. Правда, одно время нам говорили, что мы напрямик идем в коммунизм, потом сказали, что коммунизма не будет, и потащили нас куда-то опять вперед. Куда? Ну, да ладно, разберемся, если раньше не шарахнемся в пропасть.

Мы весь XVIII век профлиртовали с Европой, а в начале XIX века чуть не потеряли Россию. Спасла «гроза двенадцатого года», пробудив в нас национальное самосознание. Мы вспомнили и Бога, и народ, обратились к прошлому, к своим истокам, а оказалось, что движемся вперед. И Пушкин, первый наш почвенник, завершая XVIII век, отлил чеканную формулу: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости».

Позже Хомяков разовьет пушкинскую формулу: «Говоря практически, мы скажем, что в истории мы ищем самого начала рода человеческого, в надежде найти ясное слово об его первоначальном братстве и общем источнике».

В начале нынешнего века русский академик Н. Котляревский сказал о минувшем веке так: «XIX век – век великого созидания и вместе с тем поминоков... Он вообще обладал способностью отдаваться воспоминаниям и размышлять о прошлом среди самых интенсивных переживаний дня. Деятнадцатый век любил вспоминать старину, как ни один из веков; он столько же жил настоящим, сколько и прошлым».

Но справедливости ради следует сказать: Запад в XIX веке не только занимался работоторговлей, войнами, захватом и грабежом колоний, он так же «любил вспоминать старину» и «жил столько же в настоящем, сколько и в прошлом», созидая культуру.

По сути дела, XIX век до сих пор стоит донором при нашем кровавом веке, удерживая нас от окончательного одичания. Так, западный агитпроп куда спокойнее относится к коммунистическим идеям, а советский к западным, нежели тот и другой – к почвенничеству. Главная задача агитпропа состояла в том, чтобы отбить у людей историческую память. И уже в 1946 году сын покойного президента Рузвельта, Элиот, с ужасом констатировал: «Темп нашей эпохи таков, что наши взгляды определяются не ходом исторических событий, а газетными заголовками. Степень нашего доверия или недоверия к России обусловлена не ее огромным вкладом в нашу победу, которая все еще остается важнейшим событием нашего поколения; оно скорее определяется сенсационными заголовками на первых полосах газет, вышедших за последние три-четыре дня».

Так сразу же после Второй мировой войны в США, Европе, Советском Союзе стал формироваться совершенно новый тип человека, тип «совка», в сознании которого **исторический процесс** был напрочь вытеснен **сиюминутными сведениями**, собранными со всего мира, а точнее, не собранными, а тщательно подобранными и целенаправленно внедренными. Запад преуспел здесь более, так как быстрее освоил новое оружие – радио и

телевидение, под строгим контролем которого проходит жизнь уже не одного поколения.

В начале семидесятых в одной из своих статей я писал: «На первый взгляд может даже показаться, будто спор наш шел только об отношении к историческому прошлому, на самом же деле спор шел и об отношении к настоящему, ибо во всяком прошлом, близком или далеком, мы, прежде всего, ищем объяснений нашему сегодняшнему дню. Потому-то спор этот и приобрел столь острый, а порой и резкий характер».

К сожалению, сегодня многие патриоты остаются совершенно равнодушными к отечественной истории, их гипнотизируют лишь отдельные разрозненные факты истории и современности, а вовсе не сам исторический процесс, а без знания и понимания процесса невозможно развивать какие-либо традиции. Из факта традиции не разовьешь, сам же по себе факт мертв и таковым он остается до тех пор, пока не обнаруживаются причины, его породившие, и его связь с другими фактами, а потому и не угадываются порожденные им последствия.

Итак, космополитизм возник в средние века и был ультрарелигиозным мировоззрением, потом он возродился вновь на рубеже XVIII и XIX веков как мировоззрение ультраатеистическое. Современный космополит интегрируется в пространство, а помыслы его направлены **на результат**, который он стремится изменить в свою пользу. Почвенник же душой интегрируется во время, а помыслы его направлены **на процесс**, в котором нельзя ничего изменить, зато можно многое понять.

«Интеллигентный человек может рассматривать себя как третье лицо, поэтому его ошибки и иллюзии интересуют его в такой же мере, как и успехи. Хотя он стремится преуспевать в делах, но еще больше ему хочется узнать **историю и назначение человека**» (выделено мной. — *А.Л.*).

Эти слова принадлежат американскому философу Ральфу Эмерсону. Я готов под ними подписаться. И мне представляется странным, когда занятия литературной критикой предлагают считать интеллигентскими, а занятия историей чем-то почти зазорным. По мне же, только историко-филологические занятия не превращаются ни в историческую схоластику, ни в схоластику литературную. И, на мой взгляд, Владимир Бондаренко в своих работах отдает неоправданно большую дань последней.

Володя, я прохожу мимо твоей статьи «Червивое поколение», слишком уж она уязвима. Евтушенко всегда работал на опережение и на сей раз он опередил тебя своим романом «Не умирай прежде смерти». По сути дела, ты отлично на него сработал – ведь он того и хотел: утащить в помойную яму вместе с собой и все поколение, к которому принадлежит сам. Тут ты ему здорово помог.

«Точечная» методология, то есть фетишизация факта, невольно приводит к подмене достоверности вымыслом или домыслом, а порой и к фальсификации взятого «на прицел» явления в целом. И лучшей иллюстрацией тому может послужить статья Бондаренко «Русский традиционалист Георгий Владимов».

При беглом прочтении статьи может показаться, будто автор ее не только убедительно выставляет в очевидность патриотический пафос романа, но и раскрывает природу таланта его автора.

Вот как энергично и емко начинает Бондаренко:

«Роман Георгия Владимова «Генерал и его армия» сочинялся очень долго. Впрочем, может быть, сам процесс писания был и короток, не думаю я, что этот небольшой роман сочинялся страница за страницей полтора десятка лет. Обдумывался долго. Пе-

редумывался долго. Помню, в Германии еще десять лет назад мне рассказывали предполагаемый замысел романа, даже его предположительное содержание. То, что я прочитал, – противоречит этому предполагаемому когда-то замыслу. К счастью для нас, к счастью для литературы, писатель победил в себе идеолога, политика, борца со строем... Десять лет работы над романом потребовались Георгию Владимову, чтобы понять неизбежность такого смиренного поведения генерала Кобрисова».

Теперь срок работы над романом уточнен: оказывается, не «полтора десятка лет», а только «десять лет». Это тоже не так уж мало, но, как говорится, все хорошо то, что хорошо кончается.

«Рад, что у писателя Георгия Владимирова не получилось то, что задумывал он вначале...»

А теперь попробуем все же отказаться от беглого чтения...

«В Германии еще десять лет назад мне рассказывали предполагаемый замысел...» Стоп! Кто рассказывал? Разумеется, не сам Владимов, иначе Бондаренко сослался бы на него. На научных конференциях предполагаемые замыслы обсуждать как-то не принято. Стало быть, «рассказывали» где-нибудь за «пьяным» столиком, за которым литературная и окололитературная публика на девяносто процентов пробавляется сплетнями и слухами, иногда даже специально распространяемыми.

Жаль все же, что Бондаренко так ничего нам и не рассказал о первоначальном – «порочном» – замысле. Возможно, он просто не хотел компрометировать оправдавшего его доверие автора?

Что ж, попробуем разобраться в этом вопросе сами, но сначала поговорим о природе писательского таланта русского традиционалиста Георгия Владимирова, который, по утверждению Бондаренко, «несомненно, как ученик... превзошел многих своих учите-

лей», а заодно выясним, кто же были его учителя и кого он сумел превзойти. Бондаренко называет Владимира одним из «сильнейших современных традиционалистов», чье творчество опирается на достижения писателей старшего поколения, в основном, писателей-фронтовиков. Итак...

Во-первых, в романе «Генерал и его армия» «ощутимо чувствуется... блестяще продолженная в семидесятые Юрием Бондаревым, Дмитрием Гусаровым, Виктором Астафьевым, Владимиром Богомоловым... традиция русской военной прозы».

А куда же делись произведения, написанные ими в шестидесятые годы?

Во-вторых, Владимир берет «из средненькой по качеству военной прозы К. Симонова то, что необходимо, и с блеском переносит на свои страницы».

Помилуйте, из сказанного легче сделать вывод, что Владимир вовсе не «один из сильнейших современных традиционалистов», а попросту эпигон, а от «блестящей» обработки «средненькой по качеству прозы» Симонова пахнет плагиатом.

А что же у Владимира есть своего, какой болью писались повести и романы, наконец, какой личный опыт лег в основу этих произведений? Если верить Бондаренко, то Владимир:

«Моряком, в отличие от писателей-маринистов Виктора Конецкого или Бориса Романова, никогда не был.

Не вкалывал на шахте, как Александр Плетнев.

Не довелось быть осужденным и познать самому жизнь лагерей, подобно Варламу Шаламову и Александру Солженицыну.

Не воевал нигде и никогда, пробиваясь к окопной правде сквозь ранения и артиллерийские залпы, как шли в литературу Юрий Бондарев или Василь Быков, даже не был военным журналистом, как Константин Симонов».

Я несколько нарушу бондаренковскую хронологию и стану придерживаться несколько иной, литературно-творческой.

Да, Бондаренко прав, Владимов на шахтах, как А. Плетнев, не вкалывал, однако он никогда о шахтерах и не писал. А вот вкалывал он или не вкалывал – это еще вопрос.

Мы с Владимовым окончили Ленинградское Суворовское училище в 1948 году и вновь встретились лишь через пятнадцать лет. Тогда, после Суворовского, Владимов поступил на юридический факультет в ЛГУ, а я – в Московское военное училище.

Так получилось, что в силу определенных обстоятельств Владимов потом перевелся на заочное отделение. Надо было есть, платить за жилье, и будущий автор «Большой руды» пошел работать в порт. Не знаю, было ли тогда в ходу слово «бич», но профессия такая уже существовала, и среда «бичей» стала теперь привычной средой Владимова. И главный герой «Большой руды» Пронякин – это одинокий молодой человек нашего поколения (то есть поколения «шестидесятников») с поломанной судьбой, и таких тогда было куда больше, нежели «звездных мальчиков».

Через десятилетие В. Шукшин напишет киноповесть «Калина красная» и выведет своего рода «деревенский вариант» столь распространенного тогда в жизни, но не в литературе, типа, своего рода «героя нашего времени». Не знаю, случайной ли оказалась и перекличка фамилий: Пронякин – у Владимова и Прокудин – у Шукшина.

Более четверти века назад в статье «Исповедальная проза» и ее герой» я отметил: «Итак, что же характерно для нашего поколения? Во-первых, трудности военного детства. Во-вторых, трудности послевоенной юности. В-третьих, невозможность вовремя получить образование (нарушение нормального пути

развития). Это касается большей части поколения. А меньшая его часть, оказавшись в относительно благоприятных условиях, получила даже неожиданную льготу – почти бесконкурсную возможность поступать в вуз...

Вопрос о высшем образовании, помимо всего, – вопрос социальный». Думается, с последним сейчас никто спорить не станет.

Поедем дальше, в область маринистики. Разумеется, работая в порту, моряком не станешь – слишком различна специфика профессий. «Большая руда» была опубликована в «Новом мире» осенью 1961 года – успех превзошел все ожидания не только автора, но и работников журнала. Издательство «Советская Россия» сразу же включило повесть в рабочий план и заключило с молодым автором договор на новую повесть.

Вскоре Владимов отправляется в Мурманск, устраивается работать (вкалывать) на сейнер и надолго уходит в море.

Если ты год проживешь в деревне, настоящую повесть о деревне не напишешь; если месяц-другой поработаешь таксистом, настоящей повести тоже не получится, потому что в первом случае в деревне ты будешь себя чувствовать всего лишь гостем, а во втором – после работы на линии ты окажешься в привычной среде. И совсем другое дело – провести на сейнере долгую «путину».

Здесь ты узнаешь матросскую жизнь изнутри, если, конечно, этого захочешь. Владимов захотел. Он как простой матрос все трудности переносил наравне со всеми: тяжелейшая работа, ругань, штормы – все общее, даже боцман – и тот один на всех. Повесть «Большая руда» невелика по объему, так что журнальная публикация не очень-то обогатила бездомного автора, а посему, как и всех остальных, его не в последнюю очередь интересовал заработок.

«Большая руда» написалась, можно сказать, случайно. Поехал Владимов на КМА (Курская магнитная аномалия) «за очерком», а получилась повесть; теперь же он отправился «за повестью», а напишется роман. Чуть раньше я сказал, что Владимов захотел узнать морскую жизнь изнутри. Но одного хотения мало... Владимов же захотел по-настоящему, а потому сделал так, что никто на сейнере, кроме капитана, даже не подозревал, что он писатель.

Пять лет казарменной жизни воспитали Владимова так, что особых трудностей в адаптации к коллективу не было. Трудность заключалась в другом: не рассядешься в кубрике писать-записывать, да и частное «интервью» ни у кого не возьмешь, мало ли кто и чего может подумать – тут не всем хотелось вспоминать свое прошлое вслух. В какой-то мере помог опыт газетчика районного масштаба, которым новоиспеченный моряк обогатился после окончания университета.

Не спорю, В. Конецкий и Б. Романов – настоящие «морские волки», они исходили моря-океаны, однако Владимов и не замахивался на «энциклопедический» масштаб: сейнер и порт – вот и все место действия его морского романа «Три минуты молчания».

И если мы сопоставим повесть «Большая руда» с романом «Три минуты молчания», то увидим, как схожи судьбы их главных героев (Пронякина и Шалая), порожденных войной, а в основу обоих произведений лег жизненный опыт самого автора. А теперь судите сами: был Владимов моряком или не был, «вкалывал» он в своей жизни или только книжки читал?

Следующая тема владимовского произведения – «лагерная». Конечно, здесь можно заподозрить Владимова в том, что в данном случае он прельстился «хищной» темой, а он, если верить Бондаренко, большой мастер переносить «с блеском» даже из «сред-

неньких произведений» на страницы своих все, что ему нужно. Однако Владимов никогда не соблазняли ни «хищные» темы, ни заманчивые. Так, например, его не соблазнила весьма заманчивая своей доходностью – и не только материальной – тема, а точнее, серия «Пламенные революционеры», на которую прямо-таки набросились некоторые его коллеги: В. Аксенов, А. Гладилин, В. Войнович и другие.

Ну, хорошо, «повкалывать» в своей жизни Владимову довелось, и моряком побывать довелось, а в лагере-то он, действительно, не сидел – тут Бондаренко абсолютно прав. «Хорошее знание литературы, – констатирует он, – лишь помогло Георгию Владимову прочувствовать всю глубину русского реализма, войти в традицию».

Помните, в разговоре о «Большой руде» я заметил, что, учась в ЛГУ, Владимов «в силу определенных обстоятельств» вдруг перешел на заочное отделение. Слово «определенные» менее всего как раз указывает на какую-либо определенность. Что ж, попробую расшифровать это слово теперь.

Когда Владимов был уже студентом, его матушка, преподававшая в нашем Суворовском училище русский язык и литературу, имела неосторожность рассказать своему коллеге какой-то политический анекдот, тот не замедлил «стукнуть», и делу был дан ход.

Арест. Суд. Срок. Студент Владимов пережил и обыск в доме, и арест матери, и многие другие не очень-то приятные эпизоды, невольно сопутствующие в разных вариантах подобному жизненному сюжету. Вот тогда-то Владимов был вынужден покинуть очное отделение университета и приобщиться к физическому труду, который мы называем «вкалыванием».

Сейчас наш доблестный агитпроп так позаботился о наших душах, что если в разговоре «о лагерях» не присутствует какой-нибудь зверский садизм, то и

весь разговор уже представляется пресным и даже никчемным. К самому худшему, что ли, нас приуговорают? Не знаю, как другие, а я лично ничего не запомнил из того «зверского», о чем постоянно вещали по ТВ самые разные и в то же время до одури похожие друг на друга «вещатели». Но вот один эпизод, рассказанный мне в свое время Владимовым, я почему-то помню и по прошествии тридцати лет.

Когда арестовывали его матушку, то у нее изъяли несколько ценных вещей. Делалось это с пунктуальным соблюдением всех правил, то есть с составлением описи изъятия. Потом увезли и мать, и вещицы вместе с описью. Через какое-то время Владимова вызвали в соответствующую инстанцию и там по той же самой описи, естественно, под расписку о получении вернули все ранее забранные вещицы.

Я потом не раз вспоминал этот эпизод, и даже не арест и изымание, а именно возвращение изъятого по описи и под расписку, с полным соблюдением юридической законности. Невольно начинало работать воображение. Мне представлялось, как Владимов угрюмо возвращается домой, снимает пальто, кепку — мне почему-то всегда казалось, что дело непременно происходило осенью...

Вот он входит в комнату, вынимает из кармана возвращенные вещицы, потом куда-то их убирает, скорее всего, туда, где они находились прежде, и его охватывает чувство только что вернувшегося из больницы, где ему вернули вещи самого дорогого человека, для которого земные интересы навсегда перестали существовать. Вдруг глаза его натыкаются на какую-то повседневную вещь умершего, и вещь эта выглядит теперь совсем иной, нежели она виделась раньше, как бы навеки осиротевшей... И только сейчас, соприкоснувшись с сиротством вещей, человек начинает в полную меру ощущать собственное сиротство и, как ему кажется, свою вечную одинокость.

Истинный художник, крупный или не очень, признанный или почти безвестный, никогда не станет бить по нервам и давить на психику читателя (зрителя). Задача истинного художника состоит в другом: возбудить в читателе (зрителе) желание самостоятельно мыслить и пробудить в нем духовную работу воображения. И здесь лучше уж что-то недосказать, нежели «пересказать».

Так, из всей «лагерной» литературы самое сильное впечатление на меня произвела повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», в которой автор описал самый удачный день лагерной жизни своего героя. Покажи он зверства, сработал бы «защитный механизм»: во время войны и после нее мы достаточно узнали жизнь с разных сторон, в том числе и со стороны Майданеков, Бухенвальдов, Освенцимов и даже атомных уничтожений целых городов. Неужели детей-«блокадников», которым удалось выжить, можно было удивить скудной лагерной пайкой?

Впрочем, я и не отношу повесть Владимова «Верный Руслан» к «лагерной литературе», это скорее «постлагерная литература», запечатлевшая реакцию молодого поколения не на книги о лагерной жизни, а на жизнь, в которой лагеря стали неотъемлемой частью. Отсюда и условный герой – собака, которую заставили служить злу. Да и сегодня собаки используются отнюдь не только в спасательных операциях.

Да, Владимову не довелось сидеть в лагерях, но эту «тему» он открыл для себя еще в юности, и книги его писались личной болью, а материал дал собственный жизненный опыт, достаточно богатый и разнообразный, чтобы быть самостоятельным. Этой же болью писался и роман «Генерал и его армия», хотя автор его «нигде и никогда» не воевал. И слава Богу, что он «даже не был военным журналистом», потому как журналисты являются вечными свидетелями, но

не участниками жизни, у них это порождает иллюзию полноты знаний жизни, а иллюзии слишком плохой материал для художественного творчества.

Кто-то из писателей-фронтовиков бросил в адрес нашего поколения: «Мы старше вас на войну». На что я тогда ответил: «Нет, вы старше нас на фронт». Да, наше поколение не воевало, но оно в силу своего возраста переживало все острее и даже глубже, как то всегда бывает в детстве и отрочестве. Это Евтушенко и другие «прорабы перестройки» называли себя «детьми XX съезда», а мы называли и называем себя «детьми военного лихолетья».

Я познакомился с Владимовым в 1943 году в Суворовском училище. За пять лет казарменного быта армейская жизнь вошла в нашу плоть и кровь: дух товарищества и взаимовыручки, способность никогда не прятаться за чужую спину стали обычной нормой. (Небольшое отступление: в конце семидесятых у Владимова во время обыска изъяли папочку, в которой он хранил копии писем, отправленных зарубежным адресатам. Позже меня пригласили в соответствующую инстанцию, показали одно из его писем, где были подчеркнуты слова о моей надежности и указывались домашний адрес и телефон. Меня спросили: «Почему именно вас Владимов отрекомендовал как надежного человека?» Я ответил: «Наверное, потому, что мы пять лет вместе учились в Суворовском училище». Собеседники оказались людьми умными и никаких пояснений не потребовали).

Два года пребывания в училище пришлись на войну, три – на послевоенное время. Так что армейскую жизнь Владимов тоже изучил, а точнее, освоил не по книжкам. Потом, в шестидесятые, а вовсе не в семидесятые, как утверждает Бондаренко, мы с жадностью читали «военную прозу», которая создавалась нашими старшими братьями, прошедшими через фронт. А что касается романов К. Симонова,

то тут у Владимова возник свой особый интерес, который не имеет ничего общего с переработкой «средненькой прозы» бывшего военного журналиста.

Еще до написания «Большой руды» Владимов помогал генералу П. В. Севостьянову в работе над мемуарами, в ходе которой ему пришлось встречаться и с бывшими сослуживцами Севостьянова, и читать мемуары других генералов, в том числе и немецких. Короче говоря, работа над чужими мемуарами возбудила интерес к другому, более высокому уровню, нежели тот, который осваивали в своих произведениях бывшие фронтовые лейтенанты. Вот поэтому-то Владимов и не прошел мимо «генеральских» романов Симонова. И это я говорю со знанием «технологии» дела: чуть позже мне тоже довелось заниматься аналогичной работой.

И так получилось, что «мой» генерал, Василий Прохорович Агафонов, и «владимовский» генерал встретили войну в составе 11-й армии на советско-германской границе в Литве. Позже их пути разошлись, но в июне сорок четвертого они вновь оказались в одной армии – в 27-й. А мы с Владимовым, будучи однокашниками, стали еще и однополчанами – литературными.

Книга генерала Севостьянова называлась «Неман – Волга – Дунай», книга генерала Агафонова называлась «Неман! Неман! Я – Дунай!» Схожесть названий породило не отсутствие у меня фантазии, а сходство боевых дорог «наших» генералов.

В. Бондаренко в статье о Ю. Бондареве очень верно заметил: «Думаю, такого романа, как «Генерал и его армия» Георгия Владимова, не смог бы написать ни один из фронтовиков, не смогли бы преодолеть органическую ненависть к штабам. В этой явной субъективности проявляется предельная искренность непосредственных участников сражений». И еще здесь проявляется их ограниченность.

Дело в том, что поколение Бондарева начало принимать участие в сражениях лишь в сорок третьем, когда война стала уже бытом, а за плечами многих штабистов лежал боевой опыт сорок первого, когда командирам приходилось зачастую есть из одного котелка и пить воду из одного ручья с красноармейцами. О трудной адаптации молоденького лейтенанта к военному быту, когда бывалость ценилась выше новеньких офицерских звездочек, поведал нам замечательный писатель-фронтовик Виктор Курочкин в своей повести «На войне как на войне».

К примеру, дивизионный комиссар И. Зуев был членом военного совета 11-й армии, где служили «наши» с Владимовым будущие генералы. В начале сорок второго его направили во 2-ю Ударную армию, которой командовал генерал Власов. Зуев сражался до последнего и, не желая сдаваться в плен, застрелился. Доживи он до сорок третьего, на передовой ему делать было бы нечего. Или чисто литературный пример. Вспомним, в силу каких причин герой Сталинграда капитан Аникушин из романа В. Богомолова «В августе сорок четвертого» стал «штабистом»? Ранение. Госпиталь. Назначение на нестроевую должность.

Да, конечно, Бондаренко употребил слишком сильное слово – «ненавидели», но некоторая неприязнь к штабистам имела место быть. Владимову, действительно, не пришлось преодолевать этого комплекса, а работа над «чужими» мемуарами вывела его на более высокий уровень понимания войны. Отечественная война – это наша общая боль, как воевавших, так и не воевавших, вот этой общей болью и писался роман «Генерал и его армия».

А вот теперь, Володя, давай вернемся к вопросу о «ружье», которое ты повесил на гвоздь в первом акте

и которое почему-то так и не выстрелило, и к твоей «точечной» методологии. Да, под этим самым «ружьём» я подразумеваю тот порочный замысел, с него-то ты и начал свой разговор о романе «Генерал и его армия».

Правильно, роман «Генерал и его армия» обдумывался очень долго, но не «полтора десятка лет» и не «десять лет», а целые четверть века. Владимов как-то всегда ошибался с выбором жанра, ошибся он и на сей раз. Где-то в середине шестидесятых, когда шла трудная работа над романом «Три минуты молчания», в паузах написанся рассказ под названием «Генерал и его армия», которому суждено было стать первым вариантом будущего романа.

Мне довелось читать этот рассказ еще тогда, и не только мне. Владимов отнес рассказ в «Новый мир» Твардовскому, тот оценил литературные достоинства нового произведения молодого прозаика, но печатать рассказ не стал, так как строго придерживался принципа: о войне может писать только тот, кто сам воевал. И то была не прихоть главного редактора, то был нравственный максимализм писателя. Чтобы понять это, достаточно внимательно прочитать записи Твардовского «С Карельского перешейка».

Владимов больше никуда рассказ не понес, положил его в стол, однако работа над рассказом продолжалась. Помню, как он у меня брал том «Истории Великой Отечественной войны», в котором описывалась операция по форсированию Днепра и освобождению Киева, а перед отъездом в Германию в мае 1983 года вернул мне том «Истории Второй мировой войны» генерала Типпельскирха.

Не знаю, в каком «состоянии» находилась рукопись при отъезде Владимова из Союза, но могу засвидетельствовать, что и главный замысел, и сюжет,

и главный герой, и особисты – все это не претерпело принципиальных изменений. Конечно, в рассказе не присутствовал Гудериан, не было многих эпизодов, за полтора десятка лет что-то переосмыслилось и переоценилось.

И еще одно очень важное обстоятельство: Владимов вместе с женой, Натальей Кузнецовой, вынужден был поселиться в Германии ровно через тридцать восемь лет после нашей Победы, но ведь для его героя, а стало быть, в какой-то степени и для самого автора романа Германия по-прежнему оставалась «логовом врага».

Это весьма сложная психологическая ситуация, и понять, как она разрешалась, можно лишь при сравнении всех вариантов, начиная от первого варианта рассказа и заканчивая последним (опубликованным) вариантом романа.

«Точечная» методология. Фетишизация факта... Бондаренко, словно коршун, зависает в воздухе, высматривая добычу, камнем летит к земле, хватается жертву и улетает, чтобы потом расправиться с ней по собственному усмотрению. Десять лет назад он прилетел в Германию, схватил там добычу и улетел домой. Но на сей раз факт оказался вовсе не фактом, а всего лишь сплетней, которая в те времена уже гуляла и по литературной Москве. Говорили, что Владимов пишет роман о генерале Власове.

Удалите из статьи Бондаренко эту сплетню – и вся статья разом рухнет, потому что как все «радости» и все «страсти» самого Бондаренко, так и придуманное им владимовское «преодоление» идеологии, политики, борьбы со строем – все это держится на обычной литературной сплетне.

Что в таком случае остается от статьи Бондаренко? Ровным счетом ничего, кроме груды сплетен, фактов и лозунгов. Нет, это не литературная критика, а всего лишь ее имитация.

Можно взять и другой пример – статью «Порча Виктора Астафьева». Вполне понятен ее пафос. Но чуть копнешь поглубже, и...

«Астафьев, – пишет Бондаренко, – писатель известный, но его мнение о ненужности штурма Берлина, о необходимости сдачи Ленинграда, о вредности московского ополчения поражает, прежде всего, даже не отсутствием какого бы то ни было патриотизма, а предельным дилетантизмом.

Даже я на военной кафедре проходил какие-то азы тактики и стратегии, но не берусь же я рассуждать о крупнейших воинских операциях. А тут, хотя вы и фронтовик-страдалец, и были ранены, но это же не добавляет рядовому солдату знания военной стратегии».

Не добавляет тому, кто этого не хочет. Не захотели Астафьев, Бондаренко, а вот, к примеру, Толстой, не имеющий никакого военного образования, захотел...

И первый в тысячный раз повторил «мнение» западного агитпропа, с которым нынче солидаризируется и наш агитпроп; второй уклонился от опровержения этого «общего мнения» и пустился доказывать необразованность, амбициозность и серость первого; а третий написал «Войну и мир». Все здесь зависело вовсе не от степени военного образования, а от «уважения к минувшему».

Разумеется, составлять и претворять в жизнь военно-стратегические планы – удел генералов, а вот их понимать, когда они реализовались или провалились и уже открыто обсуждаются, доступно каждому, кто хочет ориентироваться не на газетные заголовки «последних трех-четырёх дней», а на исторический процесс. Да и читателю все же было важнее узнать: надо или не надо было сдавать Ленинград, штурмовать Берлин, нежели разбираться в образовательном уровне писателя Виктора Астафьева.

И напрасно Бондаренко напускает здесь туману. Общеизвестно, что группа армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала фон Лееба согласно плану «Барбаросса» должна была взять Ленинград, соединиться с финской армией, перерезать мурманскую железную дорогу, развить наступление на восток и захватить Архангельск.

Таким образом, мы лишились бы выхода к Балтийскому, Баренцеву и Белому морям, потеряли бы весь флот на трех морях, не считая остальных потерь. Это была бы настоящая катастрофа и, возможно, непоправимая. Так что историческая заслуга «блокадников» и защитников Ленинграда до сих пор по достоинству не оценена.

Поэтому тот, кто сегодня покидает литературу и уходит в историю, по сути дела уходит на передовую. А тот, кто продолжает заниматься литературными дебатами в режиме мирного времени, — тот предпочитает оставаться в тылу, о чем, между прочим, косвенно говорил и сам Бондаренко, когда затевал в своей газете дискуссию о литературе «сопротивления» и литературе «непротивления», в которой, кстати, я тоже принял участие.

Кто сегодня контролирует прошлое, тот реально сегодня держит власть в своих руках и имеет все перспективы сохранить ее в будущем.

Володя, ты, наверное, не забыл ни о школьном «последнем уроке», ни о школьном «последнем звонке». Они незримо присутствуют и в остальной нашей жизни. Но ты, по-моему, несколько поторопился ударить в колокол и возвестить о том, что пора окончательно прощаться... Или это я несколько припоздал со своим «последним уроком», а в результате произошла странная перестановка: сначала прозвучал «последний звонок», а затем прошел «последний урок».

В филологии изменение обычного и привычного порядка слов в предложении называется инверсией, а вот как называется изменение обычного и привычного действия в жизни – не знаю...

Подскажи, дорогой «друг и ученик».

1996 г.

**50 ЛЕТ
ВЕЛИКОЙ
ПОБЕДЫ**

Говорят, что история никого и ничему не учит. Это верно, но лишь частично, поскольку она не учит лишь тех, кто не желает учиться, уповая лишь на собственный разум, а чаще на собственный аппетит, касается ли последний материальной выгоды или эфемерного величия – или же одновременно того и другого...

Польша тогда сделала свой исторический выбор: пусть большевики, чем возрождение национальной России. А к чему же, помимо раздела России, тогда стремился Пилсудский? «По свидетельству ген. Кутшебы, – писал Деникин, – покойный маршал стремился «к новой организации Востока Европы» – путем полного раздела России и сведения ее территории в «границы, населенные коренным русским элементом...»

23 августа Риббентроп был уже в Москве, и в тот же день министры иностранных дел Германии и Советского Союза подписали знаменитый пакт, о котором так много говорят и по сей день и в связи с которым так о многом умалчивают...

Впереди Польшу ожидали военный и государственный крах... а освобождение к ней придет все-таки с Востока. Запад же до самого конца Второй мировой войны будет разыгрывать ее как карту в своей большой политической игре...

1939-й ГОД

В жизни случается обнаруживать как сходные между собой характеры людей, так и сходные между собой людские судьбы, однако в жизни невозможно встретить полного дублирования людских характеров или судеб, как нельзя найти идентичных отпечатков пальцев рук. У каждого человека – своя неповторимая судьба и свой неповторимый характер.

То же самое мы вправе сказать и о народах: у каждого народа – своя судьба и свой характер. И здесь, как и в случае с его индивидуальными представителями, невозможно понять: характер определяет судьбу или же судьба делает характер заложником своих таинственных предначертаний, формируя его в нужном ей направлении.

В период татаро-монгольского нашествия и последующих постоянных набегов *степи* русским больше приходилось восстанавливать, чем строить, особенно с большим заглядом вперед, думая, так сказать, о вечном. И тут, вероятно, можно сделать упор на обстоятельства. Но какими, скажите, обстоятельствами, простите за дурной каламбур, можно объяснить то обстоятельство, что ритм эволюционного созидательного развития каждый раз у нас сбивался на радикальные, а то и революционные реформы (начиная от петровских преобразований и кончая нынешней перестройкой), приносившие стране куда больший разор, нежели нашествия, набеги

и интервенция? И тут уж все никак не спишешь на обстоятельства.

А вот еще один пример. Французский историк Эрнест Лависс (1842-1922), хорошо известный в России как редактор (совместно с историком Альфредом Рамбо) коллективного труда по всеобщей истории, в своей книге «Очерки по истории Пруссии» пришел к такому выводу:

«Польша ни в один из моментов своей истории не делала того, что ей нужно было бы делать. В средние века у нее есть свои часы величия и блеска; но у нее никогда не хватало терпения ни на то, чтобы научиться управлять собою, ни на то, чтобы держаться долго одного плана в своих завоевательных стремлениях».

Не стоит большого труда догадаться, что Э.Лависс, на чью молодость пришелся военный позор Франции, напавшей на молодую объединяющуюся Германию и потерпевшей сокрушительное поражение, не мог питать особых симпатий к Пруссии, а потому в его словах о поляках заключалось больше искренней горечи, нежели холодного научного высокомерия.

«Польша, — пишет Э.Лависс, — должна была крепко держать в руках Силезию и Померанию и отнюдь не допускать немцев утвердиться в Пруссии, как в крепости, среди славяно-финского населения... Ее феодальная конница, стоявшая лагерем на открытой всем ветрам равнине между Вислой и Одером, то и дело вылетает из своих пределов и носится то на Эльбу, то на Днепр, то на Двину. Но гораздо лучше было бы, если бы она вместо этого **сосредоточила все свои силы на покорении одной Пруссии**: ибо тот день, когда Конрад Мазовецкий, признавая свое бессилие, призвал тевтонских рыцарей против Пруссии, подготовил падение Польши».

В подтверждение правоты этих слов в интересах истины не лишним будет привести еще один пример из несколько более поздней истории. В начале XVII века, воспользовавшись внутренней смутой на Руси, Польша

попыталась захватить русский престол и навязать русскому народу католичество, однако она схватила такой кус, который была не в состоянии проглотить. Очередная военно-политическая авантюра Польши, к счастью не только для Руси, но и для всей остальной Европы, провалилась с треском.

Давайте представим на минуту: поляки утверждают на русском престоле, окатоличивают часть русского народа. Русь неминуемо разваливается... А что дальше? Ведь поляки при всей своей боевитости не обладали тем **внутренним жизненным потенциалом**, которым обладали тогда русские, доказавшие это и победой над татаро-монголами, и победой над *степью*, и победой над поволжскими ханствами, одержанной незадолго до польской интервенции. К слову сказать, поляки и на сей раз могли бы приумножить свои «часы величия и блеска», но эти часы все равно были бы обречены на историческую скоротечность. Русский же жизненный потенциал складывался не из часов, а из веков – веков долгой и жестокой борьбы с Востоком, когда речь шла не о «величии и блеске», а о жизни и смерти.

И не случайно, что в дальнейшем и Наполеон, и Гитлер потерпели сокрушительное поражение именно в России, ибо каждый раз здесь решалась судьба не только России, а с другой стороны – в отдельности Польши, Франции или Германии; здесь каждый раз решалась судьба всей геополитической европейской структуры общей безопасности. И, в частности, Польше ее «часы величия и блеска» обеспечивала Россия своим многовековым противостоянием динамичному и беспощадному Востоку. Рухнул бы русский бастион – и слабеющая Европа встала бы лицом к лицу со свежими силами мусульманского Востока. Вероятный полный исход европейских народов на американский материк оказался бы единственным для них спасением, но такое спасение сулило бы лишь длительную агонию.

Россия – это плотина между Востоком и Западом. Если Восток разрушит эту плотину, то он затопит своей силой коварную, но изнеженную Европу – и в этом есть определенный геополитический смысл. Если же Запад разрушит эту плотину, не догадываясь о том, что он будет затоплен враждебной силой, то в этом случае ничего, кроме безумия, усмотреть нельзя.

Говорят, что история никого и ничему не учит. Это верно, но лишь частично, поскольку она не учит лишь тех, кто не желает ничему учиться, уповая лишь на собственный разум, а еще чаще на собственный аппетит, касается ли последний материальной выгоды или эфемерного величия – или же одновременно того и другого. Легко можно понять и даже разделить ту горечь, с которой автор «Очерков по истории Пруссии» писал о судьбе и характере поляков, поскольку «Очерки» создавались в тот период, когда Польша уже не существовала как самостоятельное государство.

С тех пор минул век, и сегодня мы можем убедиться в полной правоте историка, поставившего в закономерную связь судьбу и характер польского народа.

Нет, я не стану тянуть ниточку от польской интервенции в Россию времен лжедмитриев и Сусанина к окончательному разделу Польши в конце XVIII века; а перескочу к тому периоду, когда счастливая Польша наконец-то снова обрела государственную независимость и вошла в ряд крупнейших европейских стран. Правда, в явный ущерб «величию и блеску» Польша освободилась не в результате борьбы со своими расчленителями, а в результате кровопролитнейшей войны одного из них (Россия) с двумя другими (Австрия и Германия).

Так или иначе, но в 1919 году Польша стала независимой да еще заполучила по Версальскому договору такое территориальное приращение, которое ей, наверное, и не снилось, вдобавок она еще обрела в районе Данцига проход к Балтийскому морю. Что же касается

России, то здесь в это время полыхала гражданская война, так что вопрос о новой русско-польской границе пока повисал в воздухе. Министр иностранных дел Великобритании лорд Керзон, руководствуясь этническим принципом, предложил провести временную границу примерно по старым рубежам бывшей русской Польши («Линия Керзона»). Это предложение ни у кого, кроме Польши, возражений не вызвало.

Как же Польша распорядилась своей долгожданной свободой? Активно приступила к государственному строительству, говоря словами С.Витте, «надрывалась работой»? Ничего подобного. В это время в Европе установился мир, на военных складах скопилась масса военной техники, боеприпасов, снаряжения и обмундирования. Англия и Франция охотно передавали все это польскому правительству и даже отпускали кредиты, и вскоре польская армия стала самой многочисленной в Европе. И такая армия не могла бездействовать.

В 1937 году генерал Деникин опубликовал статью «Кто спас Советскую власть от гибели», в которой писал следующее: «В первое критическое время после окончания мировой войны только Белые армии остановили красный поток, угрожавший Европе; только они охранили от затопления западные новообразования и бессильную еще тогда в военном отношении Польшу. Достаточно сказать, что к концу 1918 года, когда рухнул заградительный австро-германский кордон, из 400 тысяч действовавшей советской армии 300 тысяч было сковано Белыми фронтами, и только 100 тысяч развернулось более чем на 1000 километров, от озера Онежского до Орши на Днепре, против Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши.

Этим обстоятельством и воспользовалась Польша и, встречая слабое сопротивление большевистских войск, продвинула свой фронт до Двины, Березины и Случа...

К осени 1919 года армии Юга России, наступая на Москву, занимали фронт от Царицына на Воронеж – Орел – Киев – Одессу...

Предпринимая наступление в сторону Киева, я имел в виду огромное значение – в о б о ю д н ы х и н т е р е с а х – соединения Добровольческой армии с Польской. Это соединение автоматически освобождало бы польские войска восточного фронта и все русские войска Киевской и Новороссийской областей – для действия в северном направлении...

Боевое сотрудничество осенью 1919 года Польской армии с Добровольческой грозило советам разгромом и падением. В этой оценке положения сходятся все три стороны».

Что ж, в действиях польского руководства, точнее, в его намерениях нет ничего предосудительного и нелогичного. Далее Деникин писал: «Между тем, начальник Польского государства Пилсудский осенью 1919 года заключил тайное соглашение, в силу которого военные действия на польско-советском фронте временно прекратились».

В «Энциклопедии гражданской войны» по этому поводу говорится: «Переговоры в Микашевичах, сопровождавшиеся 2-месячным фактич. перемирием на польско-совет. фронте, облегчили борьбу Сов. власти с силами внутр. контрреволюции».

А вот как Деникин расшифровывает это «фактич. перемирие»: «В сентябре 1919 года возле Луцка находилась советская миссия «Красного креста», имевшая официальной целью обмен между Польшей и советами пленных и заложников. Во главе миссии стоял поляк – коммунист Мархлевский, приятель и бывший соучастник Пилсудского по революционной деятельности в России. Штаб Пилсудского поручил некому подпоручику Бирнбауму войти в контакт с Мархлевским «для разведки об истинных военных целях советов».

Это взаимное «осведомление» продолжалось в течение сентября и октября».

3 ноября Пилсудский командировал на переговоры к Мархлевскому капитана Боэрнера, который зачитал вербальную ноту советской стороне. «В вербальной ноте Пилсудского, – продолжает Деникин, – обращенной при посредстве Боэрнера к советам, сказано ясно: *«Содействие Деникину и его борьбе против большевиков не соответствует польским государственным интересам. Удар на большевиков в направлении на Мозырь несомненно помог бы Деникину и даже мог бы стать решающим моментом его победы. Польша на плесском фронте имела и имеет достаточные силы, чтобы этот удар осуществить. Разве осуществила? Разве обстоятельство это не должно было открыть глаза большевикам?»* (курсив и разрядка Деникина. – А.Л.).

Как видим, Пилсудский не только пошел на обман своего союзника, но и выдал общему противнику военные планы, указав направление предполагаемого наступления польской армии – Мозырь, ведь именно на Мозырь должны были, по предложению Деникина, развивать свое наступление поляки. В этом же документе Пилсудский фактически признал и то, что сорванный удар на Мозырь «мог стать решающим моментом его (Деникина. – А.Л.) победы». Так Деникин ничуть не преувеличивал, говоря, что совместное наступление Добровольческой и Польской армий осенью 1919 года «грозило советам разгромом и падением» и что «в этой оценке положения сходятся все три стороны».

Правда, в «Энциклопедии гражданской войны» довольно скромно сказано, что двухмесячное польско-советское перемирие облегчило «борьбу Сов. власти с силами внутр. контрреволюции», то есть в данном случае имелась в виду борьба с Деникиным. Однако есть косвенные доказательства тому, что официальная точка

зрения Советов по этому поводу не расходилась с точкой зрения Деникина и Пилсудского.

Там, где Сретенка сходится с Кузнецким мостом, до постройки высотного здания на Смоленской, в одном из домов располагался Наркомат иностранных дел СССР, а в открытом дворике на пьедестале торчала фигурка какого-то человечка. Если из этого дворика держать маршрут к Мясницкой, то через квартал налево, не доходя до нее, брала свое начало улица (или переулок), носившая имя того самого «человечка» – Юлиана Мархлевского.

В довоенном Советском Союзе, в частности, в Москве было не так уж много памятников революционным деятелям и героям гражданской войны, даже памятники Марксу, Энгельсу, Свердлову, Тельману и некоторым другим были воздвигнуты уже в хрущевско-брежневские времена, а вот Мархлевскому – еще до войны. И имя его тогда нередко мелькало в прессе, однако почти никому не было ведомо, в чем же конкретно заключаются заслуги этого деятеля перед революцией.

Поскольку же памятник Мархлевскому и улица его имени находились в районе «Лубянки», то невольно думалось: Дзержинский, Менжинский, Урицкий, Мархлевский... Неправильно думалось, Мархлевский к ВЧК не имел прямого отношения. Он приехал в Россию лишь в июне 1918 года, участвовал в создании Коминтерна, в январе-марте 1919 года был одним из руководителей КП Германии, затем занимал различные второстепенные посты и лишь однажды стал депутатом партийного съезда (десятого). Умер в 1925 году.

Людям такого ранга памятники в самом центре Москвы большевики не ставили и улицы их именами не называли, как говорится – не по рангу честь. Стало быть – по заслугам. Умри Мархлевский лет на десять позже, и никаких особых почестей ему бы не оказали, а в двадцать пятом помнилось, что именно он, Юлиан Мархлевский, осенью девятнадцатого спас их, больше-

виков. Так что Деникин ничуть не преувеличивал значения предательства Пилсудского и его сговора с Лениным.

О незначительности фигуры Мархлевского говорит и такое разночтение: в «Советском энциклопедическом словаре» 1980 года Мархлевский величается Юлианом Юзefовичем, а в «Энциклопедии гражданской войны» 1987 года – Юлианом Бальтазаром. Такое разночтение в справочной литературе, конечно, немыслимо, если речь идет о каких-то крупных фигурах. А вот в «Энциклопедии Великой Октябрьской социалистической революции» Мархлевский блистательно отсутствует – лучшее доказательство тому, что к Октябрю он не имеет прямого отношения, не участвовал он и в боевых действиях гражданской войны. Но памятник большевистский Сусанин заслужил: спас Ленина и его партийную династию.

Во второй, декабрьской вербальной ноте поляки были еще откровеннее: «В основу политики Начальника государства (Пилсудского), – говорилось в ней, – положен факт, что он не желает допустить, чтобы российская реакция (это о Деникине и о Белом движении. – А.Л.) восторжествовала в России. Поэтому все в этом отношении, что возможно, он будет делать... Из этого признания советское правительство давно уже должно было сделать соответствующие выводы. Тем более, что да в н о у ж е реальными фактами Начальник государства доказывал, каковы его намерения».

По поводу польско-советского сговора Деникин писал: «Факт соглашения приходилось скрывать и от моей ставки, куда была послана польская миссия для фиктивных переговоров, и от Англии и от Франции, оказавших политическую и материальную помощь Польше – вовсе не в качестве пособницы большевиков и большевизма... С той же целью к а м у ф л я ж а локальные столкновения мелкими частями должны были продолжиться, а в районе р. Двины, где линии фронтов сходились близко, Пилсудский рекомендовал Советам

«железнодорожные сообщения производить ночью, так как обстреливание днем не исключено».

Это означало, что о сговоре с большевиками знала только военно-правительственная *Верхушка*. Пилсудский обманывал не только Деникина, англичан и французов, но даже и собственных солдат и офицеров, которые полагали, что они вместе с белыми воюют против красных. Случай, конечно, беспрецедентный, когда от воюющей армии скрывают, кто ее союзник, а кто – противник.

«Так шли недели и месяцы, – продолжает Деникин. – А тем временем 12-я советская армия спокойно дралась против Киевских Добровольческих войск, имея в ближнем тылу своем польские дивизии... А тем временем советское командование снимало с польского фронта и перебрасывало на мой десятки тысяч штыков и сабель, решивших участь Вооруженных сил Юга России...

Нечего говорить, что с русской национальной точки зрения «методы», применявшиеся Пилсудским, вызывают глубочайшее возмущение. Но и «мировая совесть», несмотря на хроническую глухоту свою, не может не заклеить «военную стратегию» покойного маршала Польши».

После смерти Пилсудского (1935) языки у польских генералов несколько развязались и один из них, генерал Галлер, цинично признавался: «Слишком быстрая ликвидация Деникина не соответствовала нашим интересам. Мы предпочли бы, чтобы его сопротивление продлилось, чтобы он еще некоторое время связывал советские силы. Я докладывал об этой ситуации Верховному вождю (Пилсудскому). Конечно, дело шло не о действительной помощи Деникину, а лишь о продлении его агонии...»

«Вопрос в те роковые дни, – делает общий вывод Деникин, – сводился исключительно к разрешению страшной по своей простоте и обнаженности дилеммы: содействовать ли национальному

возрождению России или, по крайней мере, не препятствовать ему? Или же способствовать коммунистическому порабощению и ее разделу?»

Польша тогда сознательно сделала свой исторический выбор: пусть большевики, чем возрождение национальной России. А к чему же, помимо раздела России, тогда стремился маршал Пилсудский? «По свидетельству ген. Кутшебы, – писал Деникин, – покойный маршал стремился «к новой организации Востока Европы» – путем полного раздела России и сведения ее территории в «границы, населенные коренным русским элементом».

Как видим, не успела закончиться Первая мировая война, как в Европе в лице Пилсудского уже появился претендент на роль, которую позже, но более масштабно разыграет Гитлер, и начнет он внедрять свой «новый порядок» именно с раздела Польши. А тогда, в 1920 году, Пилсудский двинет свою армию и на Минск, и на Киев с дальнейшим прицелом на Одессу... Ну, как тут не вспомнить слова Э.Лависса о польской коннице, которая «носится то на Эльбу, то на Днепр, то на Двину». Отхватив западные районы Украины и Белоруссии, Пилсудский нападет на буржуазную Литву и отторгнет от нее около трети территории вместе с городом Вильно. Однако «голубой мечте» Пилсудского и его соратников – Великой Польше «от моря до моря» так и не суждено будет осуществиться.

Новая Польша станет очень напоминать старую Австро-Венгрию, поляки в ней будут составлять лишь 65 процентов от общего количества населения. (А вот Россию маршал Пилсудский почему-то хотел втиснуть в жесткие этнические рамки.) Польская империя при Пилсудском будет расти, но не развиваться, и за двадцать лет, что ей отпустит история, она лишь пополнит общий ряд слаборазвитых европейских стран, не способных самостоятельно отстоять свою независимость.

Впрочем, справедливости ради следует сказать, в годы Первой мировой войны «имперский синдром» охватил не одних поляков, возмечтавших о «Великой Польше». Румыны возмечтали о «Великой Румынии», болгары о «Великой Болгарии» и непременно «от моря до моря». Так, Болгария долго прикидывала, кто сможет ей больше дать, и вступила в войну лишь в 1915 году на стороне Германии и Австро-Венгрии. Румыния торговалась еще дольше и вступила в войну на стороне Антанты в 1916 году, когда чаша весов уже склонилась в сторону последней.

«Имперские» мечты дорого обойдутся мечтателям: свежий претендент «по строительной части» – Адольф Гитлер не только перечеркнет все их великодержавные иллюзии, но и под вялые аплодисменты Англии и Франции в 1938 году заложит в Мюнхене первый камень в фундамент новой Великой Германской империи и утвердит для остальной Европы весьма тяжелый и унижительный для нее режим, называемый «**н о в ы м п о р я д к о м**».

После «мюнхенского» предательства в Центральной и Восточной Европе сложилась тупиковая ситуация, из которой уже не было хотя бы относительно мирного исхода. Конечно, сегодня можно возложить всю вину на кого угодно, точнее, на кого выгоднее. Но пусть этим занимаются верные служители мирового агитпропа, у нас же иные цели и иные задачи. Нам сегодня следует подавить в себе любую предвзятость и объективно посмотреть на сложившуюся тогда ситуацию с разных точек зрения: с точки зрения Советского Союза, с точки зрения Германии и с точки зрения Польши.

С точки зрения Советского Союза. До прихода Гитлера к власти потенциальным военным противником Советского Союза на Западе была Польша, хотя бы в силу того, что из всех сопредельных государств она

имела самую многочисленную армию и граничила с важнейшими регионами нашей страны. В 1933 году ситуация резко изменилась, Гитлер стал реально угрожать и Польше, и Советскому Союзу; появились явные предпосылки для улучшения советско-польских отношений, однако груз старых обид и новых подозрений очень мешал сближению этих двух славянских стран. Англия и Франция, перепуганные Гитлером, стали подталкивать Польшу в сторону сближения с Советским Союзом, но Польша всячески противилась.

Сталин даже не столько жаждал тесного союза с Польшей, сколько боялся, что Польша может пойти на такой союз с Германией, и тогда...

Тогда Гитлер перевооружит польскую армию, и ему в случае войны представится возможность в первые же дни бомбить не только Минск и Киев, но и Ленинград, и даже Москву, не говоря уже о том, какая прекрасная перспектива откроется у германо-польской армии для вторжения на территорию Советского Союза. Теперь особое беспокойство стало вызывать то, что Польша приняла от Гитлера небольшой «подарочек» в виде Тешинского района, отторгнутого от Чехословакии в ее пользу. В принципе, район этот с военно-политической точки зрения не представлял никакой особой ценности, здесь важен был сам жест, ясно указывающий, в какую сторону склоняется польское правительство.

Однако уже в ноябре 1938 года министр иностранных дел Германии Риббентроп доводит до сведения своего польского коллеги желание Гитлера построить автомагистраль и двухколейную железную дорогу, которые соединили бы Восточную Пруссию с остальной Германией. А что такое железная дорога и автомагистраль? Это не только пути сообщения, но еще и объект, подлежащий при любом политическом напряжении вооруженной охране. В случае нужды, как показала мировая практика, создать политическое обострение ничего не стоит. Короче сказать, Гитлер замахивался

на «Данцигский коридор», обеспечивающий Польше выход к морю.

Всю зиму шли переговоры всех со всеми, а в марте 1939 года Риббентроп уже в ультимативной форме заявил министру иностранных дел Польши: «Польша должна понять, что она не может балансировать между Россией и Германией». Обратите внимание, Германию нисколько не тревожат отношения Польши с Англией и Францией, ее заботят именно отношения Польши с Россией.

31 марта Чемберлен заявил в Палате общин, что Англия и Франция «предоставят польскому правительству всю возможную помощь, какую в силах оказать, если Польша подвергнется нападению». Пустые, безответственные слова.

Когда нападение произойдет, войска генерала фон Клюге, наступавшие из Померании в восточном направлении, уже на четвертый день военных действий соединятся с войсками генерала фон Кюхлера, наступавшими из Восточной Пруссии в западном направлении, и Польша сразу же будет отрезана от моря, бежать и то окажется некуда.

«На одном участке, когда танки неслись на Восток через Польский коридор, они были контратакованы Поморской кавалерийской бригадой, и взору автора этих строк, посетившего несколько дней спустя участок, где разворачивалась контратака, предстала отвратительная картина кровавой мясорубки.

Для скоротечной польской кампании это было символично. Лошади против танков! Длинные пики кавалеристов против длинных стволов танковых пушек. И сколь ни были мужественными, доблестными и безрассудно храбрыми поляки, немцы просто раздавили их стремительной танковой атакой превосходящими силами».

Автором этих строк оказался тогдашний американский журналист, будущий историк Уильям Ширер —

свидетель не только первых боев Второй мировой войны, но и свидетель тому, как же безответственно тогда блефовали политики.

Пилсудский мечтал о Польше «от моря до моря», до Смоленска и минимум до Днепра, мечтал о «Великой Польше»... А вместо этого получился полный конфуз: конник с копьем – против танка.

Чемберлен клялся оказать Польше в случае нападения на нее всяческую помощь, а когда Польша уже захлебывалась кровью, англо-французские войска, имевшие на франко-германском фронте четырехкратное преимущество, крутили патефоны, слушали радио, как могли развлекались, не делая ни шагу вперед.

Но вернемся к марту 1939 года. Всех охватила какая-то горячка. 15 марта Гитлер триумфально въезжает в Прагу, а 22-го вместе с адмиралом Редером на линкоре «Дойчланд» прибывает в Мемель и бесцеремонно отбирает у беззащитной Литвы этот порт и прилегающий к нему район – Англия и Франция на это вроде бы никак не реагируют. Чемберлен по-прежнему игнорирует Советский Союз, хотя и дает Польше одностороннее обещание помочь в случае нападения Германии. 3 мая Литвинова освобождают от обязанностей наркома иностранных дел, и на этот пост назначается Молотов. 29 июня Жданов заявляет в «Правде»: «Английское и французское правительства хотят не равного договора, приемлемого для СССР, а только лишь разговоров о договоре для того, чтобы, спекулируя на мнимой неуступчивости СССР перед общественным мнением своих стран, облегчить путь к сделке с агрессором».

Пока в Европе шла вся эта постмюнхенская возня, Япония вторглась в пределы Монголии, у которой был заключен договор с СССР о взаимопомощи. В районе реки Халхин-Гол 1-я армейская группировка под командованием комкора Жукова наголову разгромила 6-ю японскую армию. Это обстоятельство остудило японцев,

но несколько не разрядило обстановки. Это был потенциальный для Советского Союза «второй фронт».

В августе в Москву приезжает англо-французская военная миссия, фактически не имеющая никаких полномочий. Переговоры оканчиваются ничем. Сталин пытается затянуть переговоры с Германией, но Гитлер, как только может, форсирует их, он шлет личное письмо Сталину с просьбой принять министра иностранных дел Риббентропа. 23 августа Риббентроп был уже в Москве, и в тот же день министры иностранных дел Германии и Советского Союза подписали знаменитый пакт, о котором так много говорят и по сей день и в связи с которым так о многом умалчивают.

Да, подписанием этого пакта Сталин совершил предательство – предательство по отношению к Коминтерну, который он позже распустит, идя на встречу союзникам, но это будет уже во время войны с Гитлером.

С точки зрения Германии. Разумеется, после «мюнхенского» «подарка» у Гитлера не мог не разыгаться аппетит, но он в своих действиях руководствовался не одним только этим возбудителем. Гитлер хорошо понимал, что к войне со всеми он не готов, ему были нужны союзники, поэтому он и отторг от Чехословакии в пользу Польши небольшой Тешинский район, тем самым как бы повязал ее своими действиями. Более того, еще 26 января 1934 года Пилсудский подписал с Германией пакт о ненападении. Но цену этим бумажкам Гитлер тоже хорошо знал.

Знал Гитлер и то, что за двадцать лет Польша не стала сильным ни в военном, ни в политическом отношении государством, а потому он несколько не боялся самой Польши, но чего он не мог не бояться, так это серьезного союза Польши с Россией. Возникни какое напряжение, и Красная Армия ввела бы свои войска на

территорию Польши, и советская авиация с первых же дней войны могла бы бомбить немецкие города, в том числе и Берлин, а Восточная Пруссия в течение двух-трех дней была бы отрезана от остальной Германии, сразу же были бы утрачены позиции в Прибалтийских государствах.

То есть у Гитлера и у Сталина была одна и та же головная боль – капризная Польша, и тот и другой понимал, что тот, кто владеет Польшей, тот и обеспечит себе серьезную инициативу в предстоящей войне. Пока сближению Польши с Советским Союзом препятствовал Чемберлен, но окажись он завтра не у дел, и все может измениться. Гитлер также знал, как резко критикуют политику Чемберлена честолюбивый Черчилль и даже заклятый враг России и Советского Союза Ллойд-Джордж.

И Гитлер делает ставку на Сталина, что и решило судьбу Польши, и тут ему очень помог провал переговоров в Москве Англо-французской военной миссии с наркомом обороны Советского Союза Ворошиловым.

С точки зрения Польши. Безусловно, Пилсудский имел полное право выбирать политический курс по собственному усмотрению, он мог сочувствовать большевикам, а Деникина производить в реакционеры; но получать помощь от Англии и Франции, которые в это время поддерживали Деникина, координировать с ним военные действия и даже конкретные операции, а за спиной у всех вступать в преступные сделки с большевиками – такого многослойного предательства во всей мировой истории не так-то просто отыскать.

И все же сам этот чудовищный факт не дает еще оснований обвинять Пилсудского в тайных симпатиях к большевикам и уж тем более не следует искать желаемый ответ в «медицинской карте» маршала Польши.

На деле все обстояло гораздо проще: Пилсудский упорно руководствовался своими имперскими планами,

которые невозможно было осуществить без «полного раздела» России, и ему, видимо, казалось, что эти планы полностью совпадают с национальными интересами молодой Польши. Так или иначе, но в 1920 году в ходе войны с Советами и буржуазной Литвой ему удалось присоединить к «метрополии» западные районы Белоруссии и Украины, а также «срединную Литву», что далеко выходило за рамки, предусмотренные Версальским договором.

Получив, согласно этому договору, значительные территории от Германии, что в перспективе не сулило спокойствия Польше на ее западных границах, глава польского государства просто обязан был позаботиться о реально гарантированном спокойствии на ее восточных границах. И здесь таким гарантом могла бы стать только сильная Россия, разумеется, не большевистская с ее прицелом на мировую революцию, а монархическая или демократическая. Пилсудский же сделал все, чтобы возбудить против себя и западного, и восточного соседа, и тем самым определил в будущем место для Польши между молотом и наковальней. И тут невольно опять вспоминаются слова Э.Лависса о том, что «Польша ни в один момент своей истории не делала того, что ей нужно было бы делать».

Эйфория по случаю одержанных побед на Востоке заслонила от поляков и их вождя те неминуемые последствия, которые их ожидают в будущем, и когда через двадцать лет жестко встал вопрос: «Германия или Россия?» – то польское правительство оказалось в тупике, из которого не было выхода. Заключи Польша союз с Германией, и она в конце концов бы потеряла все «западные» приобретения, причем без какой-либо компенсации на Востоке, так как Украину Германия давно включила в сферу своего «жизненного пространства», а Прибалтику считала своими исконными землями. Заключи аналогичный союз Польша с Россией, и она в конце концов потеряла бы все свои «восточные» приоб-

ретения, причем без какой-либо компенсации на Западе, так как на Западе уже нечего было компенсировать.

Конечно, и в 1938 и в 1939-м польское правительство совершало какие-то ошибки, но не они определили трагическую судьбу Польши, а те, что были совершены в прошлом. Как когда-то Конрад Мазовецкий, приглашая тевтонов совместно завоевывать языческую Пруссию, предопределил в дальнейшем «падение Польши», так и Пилсудский, захватывая Западную Украину, Западную Белоруссию и Срединную Литву, предопределил тот тупик 1939 года, у выхода из которого маячил грозный призрак неминуемого вассалитета.

Да, действительно, на ошибках мало кто учится, но вовсе не потому, что история ничему не учит, а потому, что мало кто изучает историю.

Впереди Польшу ожидали военный и государственный крах; полная потеря независимости и очередной раздел. А освобождение к ней придет все-таки с Востока. Запад же до самого конца Второй мировой войны будет разыгрывать ее как карту в своей большой политической игре.

Но пора нам завершить разговор о статье генерала Деникина, которая была опубликована в одном из парижских изданий за год до «Мюнхена», за два года до нападения Гитлера на Польшу и за четыре года до его нападения на Советский Союз. «Оправдательный» период для русских генералов давно прошел, и для Деникина теперь важны были не какие-то добавочные уточнения к освещению событий почти двадцатилетней давности, а современная международная ситуация, сложившаяся на европейском континенте.

«Большевики победили, — заключал свою статью Деникин. — Но было бы непростительным заблуждением считать, что приведенная здесь история закончена. Она продолжается. Мир вновь стоит перед событиями грозными и кровавыми... Не исключена ведь и

такая возможность, что «стратагема маршала Пилсудского» обернется другим концом, что Гитлер в решительный момент использует ее в отношении Польши так, как Пилсудский применял ее некогда в отношении России... В необыкновенно сложной и тревожной конъюнктуре своего внутреннего и международного положения Польша, волею судеб и следствием своей политики, поставлена между молотом и наковальней. И не раз еще, быть может, неповинному польскому народу придется горько пожалеть о том, что в 1919 году вожди его предали Россию».

Однако мне не хочется, чтобы и мой разговор хоть в какой-либо мере носил бы антипольский оттенок. Да, Пилсудский, предав Деникина и Добровольческую армию, если не спас, то очень помог большевикам осенью 1919 года удержаться у власти, однако это для меня во все не повод отождествлять польский народ с его вождем, который так беззаветно проникся антирусской идеей. К тому же он здесь не был одинок, поскольку лидеры новых государственных образований выдвинула не история в процессе национально-освободительных движений, а поспешно рекрутировала ситуация в ходе поражения Германии и ее союзников в войне и взрыва России изнутри Февральским и Октябрьским переворотами.

Так, в 1937 году, когда Деникин опубликовал свою статью, советский торгпред Александровский передал в Москву содержание своей беседы с президентом Чехословакии Бенешом, в которой, в частности, говорилось: «Бенеш заявил, что он мыслит себе опору именно на СССР сталинского режима, а не на **Россию и не на демократическую Россию**... Тухачевский, Якир, Путна... конечно, не были шпионами, но они были заговорщиками... В Москве расстреливают изменников, и т.н. европейский совет приходит в ужас. Это лицемерие. Бенеш не только отлично понимает, но и прямо одобряет московский образ действий... Россия Тухачевских не по-

стеснялась бы заплатить Германии Чехословакией. Бенеш ценит именно «нынешний СССР», «сталинский режим», потому что он не предъявляет претензии на Чехословакию и ее свободы. В заключение Бенеш еще раз повторил, что расценивает московские процессы как признак укрепления СССР и что его концепция дружбы с СССР была и остается главной основой внешнеполитического поведения Чехословакии»...

Все это предательство, ложь, глупость и цинизм. Предательство потому, что Бенеш фактически стряпал донос на Тухачевского («заговорщики»), чтобы заслужить похвалу Сталина; ложь потому, что ровно через год Бенеш не пригласит в Мюнхен представителя СССР, а столкнется с теми, кто как раз и «заплатил Германии Чехословакией»; глупость потому, что предпочитал большевистскую Россию, как и Пилсудский, России прежней и даже демократической. И со своим доносом Сталину Бенеш поспешал совсем не случайно.

Выступая 2 июня 1937 года на «Военном совете», Сталин обвинил Тухачевского, Якира, Путну и других в военно-политическом заговоре, а через день, 4 июня, «демократ» Бенеш подталкивает под топор эти жертвы, приободряя Сталина тем, что квалифицирует расстрелянных по прежним процессам как изменников. 11 июня состоялся скорый суд, а 12-го Тухачевский, Якир, Путна и большинство других обвиняемых были расстреляны.

Между прочим, такая ли уж случайность, что сфабрикованные начальником германской политической полиции Гейдрихом компрометирующие документы на Тухачевского передал в Москву именно Бенеш? Слишком уж подозрительно то, что Бенеш так торопил с вынесением приговора «заговорщикам».

Я еще могу понять Пилсудского, поскольку русско-польские отношения никогда в прошлом не отзывались доброжелательностью. Но Бенеш-то чего суетился? Россия ни в какие времена не посягала ни на какие права

Чехии. Что ж, как говорится, за что боролись, на то и напоролись бездарные «выдвиженцы» Версальских политических манипуляций.

С начала горбачевской перестройки «отечественный» агитпроп не устает шельмовать ветеранов-фронтовиков, всячески принижает роль Советского Союза в разгроме гитлеровской армии, даже вину за развязывание Второй мировой войны пытается взвалить на нашу страну, а советско-германский пакт 1939 года квалифицирует как позорное предательство. Что ж, давайте разберемся. Во-первых, возможно предать друзей, союзников, партнеров (на такое предательство в свое время отважился, например, Пилсудский); но невозможно же предать врагов или недругов, а Польша в лучшем случае была тогда нашим недругом. К тому же Советский Союз делал все, чтобы заключить с ней договор о взаимопомощи. Разумеется, отнюдь не из альтруистических побуждений. В сложившейся в ту пору ситуации нам просто некого было предавать.

Во-вторых, почему Англия и Франция имели право заключать с Германией различные соглашения, в том числе и те, которые касались независимости и целостности других стран, а Советский Союз почему-то должен был спрашивать у кого-то разрешения? И у кого?

Ах, как яростно размахивали «секретным соглашением», которое, впрочем, так и не нашли... На первом же съезде Народных депутатов СССР создали специальную комиссию во главе с членом Политбюро ЦК КПСС А.Яковлевым, чтобы разобраться с этим злополучным документом и вскрыть преступления, творимые советским правительством в 1939 году. Позже глава комиссии «отчитается». Предложат принять доклад без обсуждения. Выскочит на трибуну правоверный марксист Г.Медведев и понесет несусветное: мол, большинство ученых мира давно считает, что «секретное соглашение» было, так что нужно голосовать «за».

Неужели доктор исторических наук не понимает, что посредством голосования можно присваивать ученые степени да и то потом требуется утверждение специальной инстанции – ВАКа. Вопросы же существования или несуществования того или другого документа остаются открытыми в науке до тех пор, пока не обнаружится искомый документ. И потом, где и когда собирались те ученые посиделки, на которых большинство ученых мира приняло бы столь дикое для науки постановление?

Но допустим, что такой документ в природе был, так что из того? Да ровным счетом ничего, потому как подобное соглашение, судя по тому, что о нем говорилось, не выходило за рамки традиционной европейской дипломатии. К примеру, перед Первой мировой войной и в ходе ее обе стороны имели на своем «вооружении» «секретные соглашения», предусматривающие, кто и что может схватить в случае победы, отсюда произошел и лозунг: «Война до победного конца!» Стали бы те же румыны ввязываться в 1916 году в общеевропейскую войну, если бы им заранее ничего не пообещали бы! Румыния в 1920 году получила обещанную ей Трансильванию и еще «уворовала» у России никем не обещанную ей Бессарабию.

Да и Вторая мировая война велась отнюдь не под лозунгом: «Война без аннексий и контрибуций!» Но вернемся к Первой мировой войне, когда на европейском политическом горизонте не было еще ни Сталина, ни Гитлера. В ноябре 1917 года Ленин опубликовал «Тайные договоры» стран Антанты, согласно которым демократическая Англия должна была получить южную часть Месопотамии с Багдадом и сирийские порты Кайфу и Акку, право владычества в некоторых областях Азиатской Турции и Персии, право на постройку железной дороги от Египта до Индии. Еще более демократическая Франция получила Эльзас-Лотарингию, некоторые земли, расположенные по левую сторону

Рейна, и право занимать особое положение в долине Саар. России обещали проливы и ряд областей Турции, Персии и Афганистана. В результате Россия не получила ничего, а остальные чуть не перегрызлись между собой при дележе, поэтому вплоть до Второй мировой войны некоторые территории так и сохраняли статус «подмандатных» Лиге Наций территорий.

От Сталина агитпроп не оставил, как говорится, камня на камне, теперь агитпроп начинает пощипывать и Рузвельта с Черчиллем и вовсе не из желания объективно оценить их деятельность в период Второй мировой войны, а из желания поставить под сомнение решения Ялтинской и Потсдамской конференций. И тут очень легко просматривается тенденция к пересмотру государственных границ в Европе. Тревожная тенденция.

А в заключение мне хотелось бы еще раз процитировать Уильяма Ширера, свидетеля всех драматических событий тридцатых годов и трагической гибели польского государства в сентябре 1939 года.

«В самом деле, – писал американский историк, – если взглянуть на положение Польши в Европе после Версальского договора, нетрудно прийти к выводу, что в 30-е годы, как и много веков назад, поляки из-за определенных черт национального характера толкали нацию к самоуничтожению».

Что ж, наверное, есть какая-то истина в том, что подметил французский историк в конце прошлого века, и что подтвердил американский историк в середине нынешнего века. И если верить, что характер народа определяет его судьбу, то полякам придется вновь и вновь падать и подниматься, а нам, русским, вновь и вновь, надрываясь в работе, восстанавливать то, что когда-то уже было нами построено.

Говорят, что от судьбы не уйдешь, а от характера тем более.

ОТ ВЕРСАЛЯ ДО НЮРНБЕРГА

Если же мы сознательно будем стремиться к истощению центральной Европы, то я предсказываю, что отмщение не заставит себя ждать.

Джон Кейнс

I

К весне 1941 года почти во всей континентальной Европе царил гитлеровский «новый порядок», который уже в полную силу работал на германскую военную машину. Только на Востоке еще затаилась Россия – империя без имперской политики, уже не верящая в сумасбродную марксову мечту о мировой пролетарской революции.

Все рассчитал, все спланировал умный Гитлер, вероятно, даже вспомнил и татаро-монголов, и поляков, и самого Наполеона, однако высокомерно посчитал, что он-то и станет как раз тем исключением, которое до сих пор было правилом. Но в декабре 1941 года история распорядилась так, что отныне все дороги от Москвы вели гитлеровцев через разрушенный и поверженный Берлин к Нюрнбергу. На всех перекрестках этих дорог роль «регулирующих движение» пришлось выполнять простым русским людям в военной форме и при оружии, которым фюрер в своей новой тысячелетней Империи отводил роль рабочего скота. Русским людям эта роль почему-то не понравилась, они сами переписали сюжет всей трагедии, решив финал ее перенести в старинный немецкий город с красивым названием – Нюрнберг.

Потом многие многое забудут или умышленно перепутают в собственных корыстных интересах, но блуждание в истории, как блуждание в тайге или в джунглях, зачастую заканчивается весьма трагично для любителей всякого рода блужданий.

С 20 ноября 1945 года по 1 октября 1946 года в Нюрнберге состоялся суд над главными нацистскими военными преступниками. Двенадцать подсудимых были приговорены к смертной казни, семь – к длительным срокам заключения, в том числе и к пожизненным. Кроме того, Международный военный трибунал признал преступными нацистскую партию и все нацистские спецслужбы.

В 1946-1947 годах были подготовлены к изданию на английском, немецком, русском и французском языках 42 тома материалов этого процесса. Теперь, наверное, и не сыщешь человека, который проштудировал бы все эти 42 тома, хотя о Гитлере и нацизме продолжают писать все новые и новые статьи и книги.

Русский народ, разгромивший фашистскую военную государственную машину, понес самые большие потери, так что у меня не возникает никакого желания как-то ревизовать приговор Международного военного трибунала, однако полвека спустя небесполезно посмотреть, насколько совершенна была процедура самого процесса.

Журнал «Родина» (1991, № 6-7) почти полностью посвящен разоблачениям Сталина и его соратников и развенчанию подвига советского народа в период Великой Отечественной войны и на заключительном этапе Второй мировой. В этом же ключе написана и опубликованная в «Родине» статья Н.Лебедевой «Неизвестный Нюрнберг», однако в ней приведены весьма любопытные материалы, которые проливают свет на очень многое.

Так, 19 ноября 1945 года Вышинский получил из Нюрнберга следующее сообщение: «По общему мнению англичан, французов и американцев желательно иметь минимальное количество свидетелей неподалеку от Нюрнберга... на случай, если кто-либо будет пытаться

ся говорить о неясности или сомнительности доказательств... В этой связи признали желательным до начала суда обменяться списком вопросов, которые не должны обсуждаться на суде с тем, чтобы иметь возможность во время процесса их отводить немедленно».

Но почему-то Н.Лебедева полностью нарушила хронологию и тем самым существенно исказила смысл событий. Так, на предыдущей странице она сообщила: «По указанию Молотова и решению комиссии в конце ноября в Нюрнберг отправился сам Вышинский. Одним из первых его дел здесь было составление и утверждение перечня вопросов, которые «являются недопустимыми на суде». Руденко было поручено «договориться с другими обвинителями не касаться ряда вопросов, чтобы СССР, США, Англия, Франция и другие Объединенные Нации не стали объектом критики со стороны подсудимых».

И тут же следует интерпретация самой Н.Лебедевой: «Видимо, Сталин и Молотов понимали, что такие действия, как совместный с Германией захват Польши, присоединение трех независимых прибалтийских государств с помощью угрозы применения силы, можно квалифицировать как преступление против мира: На заседании также было решено: «...По каждому документу т. Руденко и т. Никитченко обязаны были давать заключение о его приемлемости или неприемлемости с точки зрения интересов СССР, в случае надобности не допускать передачи и оглашения на суде нежелательных документов».

Прочитав все эти документы (и документы, и авторскую интерпретацию), невольно начинаешь думать, будто именно советская сторона из боязни разоблачений ее политики настояла на строгом цензурировании выступлений подсудимых и их адвокатов.

Но дальше, когда мы на основании документов вроде бы убедились в не совсем благовидном поведении советской стороны, вдруг нам сообщают: «Этот вопрос

рассматривался на заседании комитета обвинителей 29 ноября, и английская делегация, которая еще 9 ноября выступила с инициативой принятия совместных мер по недопущению политических выпадов против стран Наций, и представила меморандум, в котором говорилось:

«Если подсудимые при даче показаний или через свою защиту будут пытаться делать какие-либо политические выпады против правительств, обвинитель от Великобритании будет немедленно протестовать против таких выпадов... Обвинитель от Великобритании также будет принимать меры против всех встречных обвинений против политики Великобритании вне зависимости от того, по какому разделу Обвинительного акта они возникают».

Н.Лебедева – не начинающий журналист, а как-никак кандидат исторических наук, и ей непростительно запутывать хронологию событий. Начинать свой разговор нужно было все-таки с начала, то есть с 9 ноября, когда Англия выступила с инициативой и представлением своего меморандума, затем уж переходить к дальнейшим событиям: к посланию на имя Вышинского от 19 ноября, к его отъезду в Нюрнберг, к инструкции, данной Руденко и Никитченко, наконец, к заседанию комитета обвинителей, состоявшемуся 29 ноября, на котором и произошел сговор четырех сторон о цензурировании выступлений обвиняемых и их адвокатов.

Я полагаю, что в интересах истины научный работник или журналист имеет сегодня право сказать то, что было запрещено говорить подсудимым и их юридическим защитникам почти полвека тому назад, – никакого криминала в этом, на мой взгляд, нет. Однако не отзывается большой научной добросовестностью тот прием, которым воспользовалась Н.Лебедева: она приравняла некоторые действия Советского Союза к действиям фашистской Германии (совместный захват с Германией Польши и т.д.), но обошла полным молчанием действия

трех других сторон, вынесенные ими за скобки судебного обсуждения.

Далее. Н.Лебедева предаёт гласности те вопросы, которые не подлежали обсуждению с точки зрения советской стороны и с точки зрения английской стороны, но ничего не говорит об аналогичных инициативах американской и французской сторон. Если американцы и французы таких инициатив не выдвигали, то об этом так прямо и нужно было сказать. На какие же вопросы накладывала свое «вето» советская сторона?

«1. Отношение СССР к Версальскому договору.

2. Советско-германский пакт о ненападении 1939 года и все вопросы, имеющие к нему какое-либо отношение.

3. Посещение Молотовым Берлина, посещение Риббентропом Москвы (перепутана очередность посещений. — А.Л.).

4. Вопросы, связанные с общественно-политическим строем СССР.

5. Советские прибалтийские республики.

6. Советско-германское соглашение об обмене немецкого населения Литвы, Латвии и Эстонии с Германией.

7. Внешняя политика Советского Союза и, в частности, вопросы о проливах, о якобы территориальных притязаниях СССР.

8. Балканский вопрос.

9. Советско-польские отношения (вопросы Западной Украины и Западной Белоруссии)».

Пожалуй, для советской стороны самым неудобным был первый пункт: «Отношение СССР к Версальскому миру». Ленин в свое время назвал Версальский договор «грабительским», и с тех пор эта оценка стала официальной, пересматривать ее на процессе было весьма затруднительно, а подтверждать ее открыто — нецелесообразно. Но к этому вопросу мы еще вернемся.

Что же касается Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтийских государственных новообразований, то тут все было проще: Советский Союз как вос-

преемник Российской империи присоединил лишь то, что было от него отторгнуто в тяжелейший для него период – в период гражданской войны. Но все равно для советской стороны было бы удобнее не касаться всех этих проблем на судебном процессе столь высокого уровня.

А теперь посмотрим, чего хотелось избежать английской стороне. «Возможные выпады, – говорилось в английском меморандуме, – против так называемого британского империализма XIX в. и в начале XX века или против поведения Великобритании во время войны с бурами будут встречать с нашей стороны резкий отпор как не относящиеся к делу...»

Поскольку Н.Лебедева никак не интерпретировала «головную боль» англичан, то придется сделать это мне, хотя я по образованию не историк.

«Против так называемого британского империализма...» Боже, какая скромность! А не вспомнить ли нам империалистический пафос Киплинга или миролюбивого профессора Крэмба, говорившего: «В девятнадцатом веке происходит длинный ряд войн во всех частях света – в Крыму, в Индии и Афганистане, в Китае, в Новой Зеландии, в Египте, в Западной и Восточной Африке; так что можно сказать без преувеличения, что в течение всех этих лет едва ли когда-либо солнце заходило без того, чтобы не осветить лицо какого-нибудь англичанина, убитого в сражении – умершего за Англию!

Для чего же велись эти войны? Можно ли рассмотреть в них какую-нибудь руководящую идею, управляющую ими от начала до конца? Я отвечаю немедленно: такая идея существует, и эта идея – стремление к мировому владычеству. Все войны Англии в течение прошедших пятисот лет велись за создание империи».

И это говорилось буквально накануне Первой мировой войны. Какой романтический пафос. А нам говорят: «так называемый империализм»...

А вот как высказывался накануне англо-бурской войны один из лидеров британского империализма Сесиль Родс: «Я был вчера в лондонском Ист-Энде и посетил одно собрание безработных. Когда я послушал там дикие речи, которые были сплошным криком: хлеба, хлеба! — я, идя домой и размышляя о виденном, убедился более, чем прежде, в важности империализма... Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами».

Но прежде чем обратиться к англо-бурской войне, о которой так не хотелось вспоминать в Нюрнберге англичанам, напомним один маленький эпизод из международной жизни. В 1899 году, то есть в год начала этой войны, по инициативе императора Николая II в Гааге собралась международная конференция с целью положить конец непрерывным вооружениям. У англичан она особого энтузиазма не вызвала, но все же на конференции удалось создать Международный суд, который как бы устанавливал какие-то правила ведения войны.

Мы не станем вникать во все перипетии англо-бурской войны (1899-1902), в результате которой Англия захватила бурскую республику Оранжевую и свободное государство Трансвааль. В данном случае гораздо интереснее посмотреть, как велась война доблестной английской армией.

Весной 1902 года английскую армию возглавил лорд Китченер, применив «жестокий метод военных действий: располагая 250 000 солдат против 20 000, он имел возможность увеличить число концентрическидвигающихся колонн; он перерезал страну линиями блокадов, связанных между собой заграждениями из колючей проволоки, что должно было помешать передвижениям партизанских отрядов; он объявил осадное положение в Капленде; он систематически опустошал страну, сжигал фермы, уничтожал стада скота, захватил почти 100 000 женщин и детей и заключил их в концентрационные ла-

гера (как видим, концлагеря придумал вовсе не Гитлер, не Сталин и даже не Троцкий. — *А.Л.*), где дети погибали тысячами от голода, холода, тифа, дизентерии и оспы. Он угрожал совершенно истребить весь народ. Таким образом ему удалось сломить героическое сопротивление буров» («История XIX века». Под ред. Лависса и Рамбо, ОГИЗ, М., 1939, т. 8, с. 385).

Тут можно сослаться и на немецкого военного историка Ханса Дельбрюка, писавшего, что во время войны с бурами англичане «при наступлении на неприятеля связали бурских женщин, заставляя их образовать щит для охраны англичан от снарядов оскорбленных мужей и отцов» («Германия и Англия», Крэмб, М., 1915, с. 33).

Надеюсь, у меня нет особой необходимости доказывать, что приемы ведения войны Великобританией не очень-то отличались в лучшую сторону от тех, что бескомпромиссно осуждались в Нюрнберге.

II

Нет, я вовсе не собираюсь задним числом выгораживать тех, кто почти полвека назад осужден Международным военным трибуналом, и тем более оправдывать их. Но сговор четырех держав-победительниц, согласно которому был произведен откровенный нажим на этот трибунал, имел очень печальные последствия, поскольку вслед за сговором на высшем уровне последовал сговор на уровне агитпропов, который оказался куда страшнее для исторической науки и общественной мысли, чем любая цензура.

Агитпроп активен, он постоянно наступает сам, отслеживает эти самые интеллектуальные «ереси», неугодные ему мысли и мнения, блокирует их и уничтожает поодиночке. В его распоряжении не только штатные сотрудники, но и громадное интеллектуальное ополчение, состоящее не только из мелких журналистов, но даже из академиков и государственных деятелей самого высоко-

го ранга. Агитпроп создает нужный им имидж и придает нужный им общественный вес. Если же какой-нибудь честный журналист, крупный писатель, видный государственный деятель входит в конфронтацию с агитпропом, его просто морально уничтожают.

Но и это еще не все и даже не самое главное, а главное то, что агитпроп сам формирует нужные ему лжеереси, лжемысли, лжемнения, он неустанно внедряет их в сознание масс и даже возвращает в их сознании иммунитет против самостоятельного мышления и против восприятия самостоятельной мысли.

Для примера обращусь все к той же статье кандидата исторических наук Н.Лебедевой «Неизвестный Нюрнберг». Вот первые два абзаца ее статьи:

«Идея международного судебного процесса над главными немецкими военными преступниками впервые была выдвинута Советским правительством 14 октября 1942 года и, надо сказать, долгое время не находила поддержки со стороны правительств США и Великобритании.

К мысли о предпочтительности судебного процесса перед административным актом Рузвельт склонился лишь после Ялтинской конференции 1945 года, Черчилль незадолго до капитуляции Германии».

Я никогда раньше не занимался этим вопросом и, признаюсь, до прочтения статьи Н.Лебедевой об этих фактах ничего не знал. Естественно, у меня тут же возникли вопросы: «А почему именно Сталин вышел с предложением устроить судебный процесс?» «Почему Рузвельт так долго тянул со своим согласием?» «Почему Черчилль согласился лишь тогда, когда не соглашаться было уже нельзя?» И я, конечно, рассчитывал получить ответы на эти вопросы в статье. Но, как говорится, увь...

Не ответила Н.Лебедева также и на чрезвычайно важный вопрос: «Почему Англия, которая последней согласилась на проведение процесса, первой внесла предложение о цензурировании выступлений обвиняе-

мых и их защитников и первая представила свой «запретительный список вопросов»?

По-моему, тех двух примеров из истории англо-бурской войны вполне достаточно, чтобы понять отношение Черчилля, а затем и Эттли к идее проведения международного судебного процесса над главными военными преступниками. Неужели кандидат исторических наук Н.Лебедева ничего не знала об англо-бурской войне и методах ее ведения англичанами?

Есть в статье «Неизвестный Нюрнберг» еще одна интересная информация. «Советский Союз и Франция выступили за организацию последующих международных процессов над главными военными преступниками, в частности, за незамедлительную подготовку суда над крупными германскими промышленниками. Однако ни США, ни Великобритания не поддержали это предложение».

Тут, правда, сама Н.Лебедева ставит вопросы и дает очень оригинальный ответ:

«В докладе Р.Джексона на имя Трумена от 7 октября 1946 года также говорилось, что «у США нет ни моральных, ни юридических обязательств предпринимать другой процесс такого рода». Почему же главный обвинитель от США, в прошлом один из самых больших энтузиастов международного военного трибунала, превратился в отъявленного скептика? Только ли из-за изменившейся в целом в мире ситуации?»

Дело тут вовсе не скептицизме Р.Джексона, а в том, что он точно так же выполнял волю президента Трумена, как его советский коллега Р.Руденко выполнял волю Сталина, — иначе и не могло быть. Защитив таким образом Джексона и стоявшего за его спиной Трумена, Н.Лебедева отважно переходит в наступление на историю собственной страны.

«Видимо, — заключает она, — главным оставалось неприятие методов (кем: Джексонем или Труменом? — А.Л.), которые навязывали членам советской делегации

Вышинский, Берия, Меркулов, Молотов и их дирижер Сталин».

Все перечисленные лица могли навязывать свои методы главному обвинителю от СССР Руденко, но никак не главному обвинителю от США Джексону. К тому же Франция почему-то поддержала Советский Союз в вопросе о новом процессе. Видимо, членов ее делегации на Нюрнбергском процессе ничуть не смущали «методы» их советских коллег, и они готовы были продолжить работу с ними и на новом предполагаемом процессе.

Стало быть, речь здесь следует вести не о чьих-то методах или чьем-то дирижерстве, а лишь о **з а и н т е р е с о в а н н о с т и** или, напротив, **н е з а и н т е р е с о в а н н о с т и** разных сторон в суде над крупными промышленниками гитлеровской Германии.

А теперь, как мы обещали, обратимся, к теме Версальского договора и постараемся осветить ее чуть шире, чем это принято делать в последние пятьдесят лет.

Версальский мирный договор был подписан в Париже 28 июня 1919 года между странами-победительницами, с одной стороны, и Германией – с другой. Согласно этому договору через полтора столетия вновь обрела независимость Польша, в самостоятельное государство выделилась Венгрия, появилось новое государственное образование – Чехословакия, была полностью демонтирована Австро-Венгерская империя. Наконец, благодаря Версальскому договору родился европейский надгосударственный институт – Лига Наций. Однако США этот договор не ратифицировали, а заключили с Германией в августе 1921 года аналогичный договор, но не предусматривающий статей о Лиге Наций. Интересное обстоятельство.

Но это был всего лишь предварительный договор. Окончательные договоры со всеми побежденными странами были утверждены лишь на Парижской мирной конференции 21 января 1920 года, когда и была полностью перекроена политическая карта Европы.

Чтобы не очень утомлять читателя, я не стану касаться всех условий Версальского договора, а приведу лишь некоторые данные, открывающие страшную перспективу для всего немецкого народа, впрочем, не только для немецкого.

В январе 1921 года в Париже собралась конференция, на которой союзники, исходя из 231, 232 и 233-й статей Версальского договора, выработали очень четкий репарационный график и предъявили его германскому правительству «для неукоснительного исполнения».

Вот этот график ежегодных выплат в миллиардах золотых марок:

С 1.5.21. по 1.5.23. по 2 млрд. марок

С 1.5.23. по 1.5.26. по 3 « «

С 1.5.26. по 1.5.29. по 4 « «

С 1.5.29. по 1.5.32. по 5 « «

С 1.5.32. по 1.5.63. по 6 « «

Таким образом, немецкий народ обязан был выплачивать (не сравнимую ни с какой татаро-монгольской) дань странам-победительницам **до 1963 года!** Но вскоре союзники или, как их еще называли, страны «согласия» и сами убедились, что их аппетиты Германия удовлетворить просто не может.

Дело в том, что к началу войны Германия, хотя и в меньшей мере, чем Англия, стала страной по преимуществу импортирующей, так что торговый баланс ее был пассивным. За счет чего же Германии удавалось устраивать бездефицитный бюджет? Во-первых, за счет процентов с вывезенных капиталов, а во-вторых, за счет «заработков» своего торгового флота (фрахта). Теперь же Германия лишилась и флота, и своих зарубежных валютных источников.

В предвоенные годы Германия вывозила примерно на 5,8 миллиарда марок, а ввозила на 7,8 миллиарда марок. Если бы послевоенную Германию лишили только торгового флота и ее зарубежных валютных источников, не по-

требовав от нее никакой финансовой контрибуции, то и в этом случае немцам пришлось бы весьма туго затягивать пояса. К тому же я не останавливаюсь на тех убытках, которые Германия понесла от значительных территориальных потерь и угольной контрибуции.

И не удивительно, что за первый платежный год текущий долг Германии возрос со 189 миллиардов марок до 264,3 миллиарда. И тут начались всякие конференции, но заставить Германию следовать точно по репарационному графику было все равно, что заставить, скажем, Монголию в эти сроки построить новые египетские пирамиды.

Наконец, в августе 1924 года в Лондоне под главенством США собралась союзная конференция, давшая Германии возможность получать иностранные кредиты, и в первую очередь в США. Весь этот план получил наименование «плана Дауэса» по имени представителя США генерала Дауэса.

В 1928 году был принят «план Юнга», согласно которому ежегодные платежи растягивались на 59 лет! А это, между прочим, означало, что будущие правнуки будут расплачиваться за грехи своих прадедушек.

III

Многие историки, публицисты, писатели, не знаю уж, по наивности или же из притворства, ставили один и тот же вопрос: «Как же это случилось, что народ, давший миру и Канта, и Бетховена, и Гете, вдруг поддержал Гитлера?» А меня давно мучает другой вопрос: «Как бы повели себя те же Кант, Бетховен и Гете, если бы они перенеслись в эпоху, когда к их народу применили жесткую и последовательную политику откровенного геноцида?»

Я не сторонник заглядывать в «истории болезней» знаменитых людей и искать там ответы на трудные для меня

вопросы, но в данном случае мне представляется, что политическим лидерам ведущих стран-победительниц, впадших в устойчивое состояние эйфории и политического безумия, нужно было звать на помощь уже медицину. И это я говорю отнюдь не для красного словца.

Знаменитый английский экономист Д. Кейнс был английским представителем на Парижской мирной конференции, и ему доводилось заседать в Высшем Экономическом Совете Антанты в пору подготовки Версальского договора. 7 июня 1919 года, когда стало очевидным, что никаких надежд на изменение этого пагубного для всей Европы грабительского договора уже не осталось, он добровольно сложил с себя столь высокие полномочия. Поэтому чуть позже он писал: «Смена существующих правительств **есть первое необходимое условие** всего дела» (выделено мной. – *А.Л.*). Если мы хотим все-таки выяснить в силу каких причин немецкий народ все более и более стал склоняться в сторону Гитлера, то нам небесполезно познакомиться с одним из документов германской финансовой комиссии в Версале в тот период, когда никто еще ничего не знал ни о Гитлере, ни о нацизме.

«Германская демократия уничтожена, – говорилось в обращении комиссии, – таким образом, в тот самый момент, когда германский народ был готов создать ее после жестокой борьбы, она уничтожена теми самыми людьми, которые в продолжение войны неустанно повторяли, что их цель дать нам демократию... Комиссия (здесь имеется в виду Межсоюзническая Комиссия по возмещению убытков. – *А.Л.*), которая должна иметь свою главную квартиру вне Германии, будет располагать внутри ее гораздо большими правами, нежели те, какими когда-либо обладал германский император; под властью подобного режима германский народ надолго остается лишенным всяких прав в гораздо большей степени, нежели какой-либо народ в эпоху абсолютизма, он будет лишен свободы деятельности и связан в стрем-

лениях каждого лица к экономическому и даже моральному преуспеянию» (выделено мной. — А.Л.).

Союзная Комиссия довольно цинично заявила в том духе, что «если Германия будет собирать требуемые с нее деньги по своему собственному способу, то Комиссия не имеет права приказывать собирать их каким-либо иным способом», но в случае невыполнения каких-либо экономических обязательств последует оккупация Германии.

«Однако на самом деле, — писал Д.Кейнс, — одним из главных оснований учреждения Комиссии вообще является **ожидание**, что Германия окажется не в состоянии выдержать возложенное на нее бремя». Проще говоря, союзники последовательно вели дело к полному уничтожению Германии как государства, пытаясь спровоцировать ее на какой-либо мятеж.

Д.Кейнс не был космополитом и тем более германофилом, но он как настоящий экономист, а не как дипломированный бухгалтер, стремился не к сиюминутной выгоде, а к нормальному экономическому и политическому развитию послевоенной Европы, от общей судьбы которой зависела и судьба его родины. Фактически Д.Кейнс не только предсказал Вторую мировую войну, но и указал пути, по которым к ней движется Европа.

«Париж, — с горечью говорил Д.Кейнс, — не упускает случая для оскорблений и недостойных выходов, для подорвания престижа и ослабления авторитета германского правительства, с устойчивостью и длительностью которого, тем не менее, связаны все консервативные интересы Европы».

Что ж, немецкий народ вынудили тогда пойти за тем правительством, которое уже никто не отваживался оскорблять: нельзя же было до бесконечности испытывать терпение побежденного народа.

«Та же дилемма стоит перед будущим Польши в той роли, которую Франция предначертала для нее. Она должна быть сильной, католической, проникнутой ми-

литаризмом и верой, она должна быть сотоварищем или, по крайней мере, фаворитом победоносной Франции, должна цвести и блистать среди пепла России и развалин Германии. Румыния, если бы ее можно было убедить несколько больше соблюдать приличия, тоже должна иметь свое назначение во всем этом легкомысленном замысле. Однако если внутри великих соседей Польши не будет благосостояния и порядка, сама она явиться экономическим нонсенсом; в ней нет индустрии, зато есть еврейские погромы. Коль скоро Польша убедится, что соблазнительная политика Франции есть не более как пустое хвастовство, что она не дает ни денег, ни славы, она со всей возможной готовностью бросится в объятия какой-либо другой державы».

На двадцать лет вперед угадал Д. Кейнс развитие политических событий в Европе. Не получив от Франции ни денег, ни славы, Польша бросилась-таки в объятия «другой державы» – гитлеровской Германии, о чем все потом как-то дружно забыли. До сих пор не могут забыть, что в 1939 году Иосиф Сталин заключил с Гитлером соглашение о ненападении, а вот то, что в 1934 году, незадолго до своей смерти, Иосиф Пилсудский заключил соглашение с Гитлером о ненападении, почему-то не вспоминают. Как не вспоминают и того, как Гитлер после оккупации Чехословакии подарил Польше небольшой угольный Тешинский район, принадлежавший ранее Чехословакии. Что касается порядка, так его великие соседи навели, а вот благосостояния не добились, и Польша так и осталась «экономическим нонсенсом».

А вот общий вывод, к которому приходит Д. Кейнс: «Политика, стремящаяся обратить Германию в рабство на целое поколение, поставить миллионы людей в нищенские условия существования, лишить целую нацию счастья, должна быть признана ужасной и возмутительной; она остается таковою, даже если бы она была целесообразна, если бы она могла обогатить нас самих, если

бы она не вносила зародыши упадка и разрушения в культурную жизнь всей Европы. Есть люди, которые проповедуют такую политику во имя справедливости. В великих событиях мировой истории, в развертывании запутанной нити народных судеб то, что называется справедливостью, не так-то просто определить. Но если бы даже это было просто и легко, все же ни религия, ни обычное нравственное чувство не дают **нациям права взвалить на плечи детей их врагов ответственность за преступления, совершенные их отцами или их правителями**» (выделено мной. — А.Л.).

Из этого самого общего вывода Д.Кейнс делает более прагматический вывод-рекомендацию: «Если мы даже в мелочах станем сопротивляться всем средствам, с помощью которых Германия и Россия могли бы восстановить свое материальное благосостояние, только потому, что мы чувствуем национальную, расовую или политическую ненависть к их населению или правительству, **мы должны также быть готовы принять все последствия подобных чувств**. Если даже не существует нравственной солидарности между родственными расами Европы, то должна существовать солидарность экономическая, и ее мы не можем не видеть. **Даже теперь мировой рынок только один**» (выделено мной. — А.Л.).

После Нюрнбергского процесса на Западе были изданы сотни книг (в СССР, конечно, поменьше) и о Гитлере, и о нацизме. Иные авторы в угоду западному агитпропу внушали читателю, что немцы от природы своей агрессивны и не приспособлены к демократии, что даже демократическая Веймарская республика продержалась у них **всего четырнадцать лет**, что демократии немцы предпочли тоталитаризм гитлеровского Рейха. Нет, немецкий народ противился не демократии, а насилию, оскорблениям, нужде и голоду. Нельзя за демократию долго платить благосостоянием и достоинством, ибо тогда демократия вырождается в самую худшую тиранию, в какие платья последняя ни рядилась бы.

Врачебная комиссия, отправленная медицинскими факультетами нейтральных стран (Голландии, Норвегии и Швеции) для изучения условий жизни в Германии, напечатала в апреле 1919 года в шведской прессе отчет, в котором говорилось: «Туберкулез, в особенности среди детей, усиливается в устрашающей степени. Английская болезнь представляет еще более серьезное зло и распространяется еще шире. Невозможно бороться с этими болезнями, так как для туберкулезных не хватает молока, а для рахитиков – рыбьего жира. Туберкулез принимает еще невиданные формы, которые раньше бывали лишь в исключительных случаях. Болезнь поражает сразу все части тела, излечить ее практически невозможно... Почти такие же роковые формы принимает туберкулез и среди взрослых. В госпиталях от него умирает 90 процентов больных. Ввиду недостатка пищи бороться с ним невозможно» (выделено мной. – А.Л.).

Теперь представьте себе, что режим «Версальского договора» действовал бы еще несколько десятилетий (то ли до 1963 года, то ли до 1987-го). Лорд Китченер в свое время грозился уничтожить весь бургундский народ. Клемансо и Ллойд Джорж не грозилась уничтожить весь немецкий народ, они его просто уничтожали, как бы мы теперь сказали, цивилизованным экономическим путем. А соотечественник Ллойд Джоржа Джон Кейнс, руководствуясь здравым смыслом, предупреждал их и всех тех, кто считал, что победители имеют право всю оставшуюся жизнь жить за счет побежденных.

«Материальные лишения, – писал он, – развиваются постепенно; пока люди переносят их терпеливо, окружающие проявляют к ним мало интереса и внимания (это уж точно! – А.Л.). Физические силы и сопротивление болезни мало-помалу убывают, но жизнь кое-как идет вперед, пока граница человеческого терпения оказывается, наконец, достигнутой (для посторонних это всегда оказывается неожиданностью. – А.Л.); тогда внушения отчаяния и безумия пробуждают несчастных из

их летаргии... Человек страшится с себя узы традиции и привычки. Могущество идей неодолимо, и он прислушивается ко всякому совету, **который внушает ему надежду, иллюзию или чувство мести**» (выделено мной. — А.Л.).

Следует признать, что Гитлер сумел **посеять иллюзии, и дать надежды, и возбудить чувство мести**, то есть ему удалось откликнуться на внутренние запросы очень многих людей из самых разных слоев и сословий и, как говорится в таких случаях, зерна упали на почву, подготовленную в данном случае алчными и одновременно незадачливыми «версальскими пахарями». И Д.Кейнс не «объяснял» Гитлера современникам, а предупреждал их о возможности его появления, разумеется, не конкретно Адольфа Гитлера, который еще не возник на политическом горизонте, а человека, способного в сложившейся ситуации объединить немецкий народ вокруг идеи не индивидуального, а **общенационального выживания**. Конечно, пути и методы могли быть предложены несколько иные, но в Версале была заложена мина замедленного действия, которая просто не могла не взорваться. И она, естественно, взорвалась, когда сработал инстинкт национального самосохранения.

Не следует думать, будто любое новое учение совершенно произвольно рождается в голове того или иного мыслителя независимо от каждодневной действительности, а затем появляются случайные и неслучайные последователи, которые претворяют или пытаются претворить это учение в жизнь. Тут все происходит как раз наоборот: **возникают новые исторические условия**, они вызывают определенную реакцию, затем осмысливаются и обобщаются в какой-то интеллектуальной или религиозной среде, а уж у истории всегда под рукой найдется личность, которая, воспользовавшись этим учением как руководством к действию, придет к уставшему и отчаявшемуся народу и оправдает его чаяния и надежды, а заодно и утолит законное, но неизменное чувство мести, если таковое возросло.

Наполеон пришел к уставшему от революционной гильотины и растерзанному революционным произволом французскому народу и тем самым спас его от неминуемого самоистребления.

Сталин пришел к уставшему от гражданской бойни и интернационализации всей жизни русскому народу и тем самым спас его от полного растворения в коминтерновской кислоте.

Гитлер пришел к уставшему от бессрочного иноземного грабежа немецкому народу и тем самым спас его от постоянного унижения и постепенного вымирания.

Как видим, все три великие державы континентальной Европы пережили в своей истории сходные политические сюжеты, так что довольно распространенная идея на Западе, а теперь и у нас, об исторической склонности русского народа или немецкого к тоталитаризму (о французском варианте предпочитают умалчивать) не выдерживает никакой критики. Не Наполеоны, Сталины и Гитлеры создавали определенную политическую ситуацию во Франции, России и Германии, а в целом – в Европе. Напротив, определенные исторические ситуации создавали Наполеонов, Сталиных и Гитлеров.

Нельзя не усмотреть и такой закономерности: Наполеон, Сталин и Гитлер – явления уже постхристианской цивилизации, когда религиозное сознание европейских народов под напором «просветителей», дарвинизма, марксизма подверглось тотальному разрушению, когда человек утратил живую каждодневную связь с Богом и полностью замкнул свои интересы на материальные стороны жизни, регулируемые той или иной политической системой, когда человек охотнее устремлялся на биржу или избирательный участок, чем в храм, когда партийная солидарность и политическое сообщество подменили собою общественную приходскую жизнь. Отсюда и культ не вечной и трансцендентной личности (Бога), а культ личности земной, то есть временной, со-

средоточившей в своих руках всю верховную власть в государстве.

Впрочем, в атеизированной Европе всяких вождей и фюреров было гораздо больше, чем это принято думать. Однако ввиду их незначительной масштабности (Муссолини, Пилсудский, Антонеску, Тито и прочие) они не могли сыграть и не сыграли существенной самостоятельной роли в общеевропейской политической жизни и потому были быстро преданы забвению.

IV

Но мы, кажется, несколько отошли от нашей главной темы: от попыток мирового агитпропа произвести «денацификацию» истории германского народа и задним числом предать «суду потомков» наиболее выдающихся деятелей Германии минувших веков, начиная от императоров и кончая философами. Попал в число «подсудимых» и великий Гегель.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770-1831) жил и творил в эпоху Французской революции, наполеоновских войн, деятельности Священного Союза, когда исторически встал вопрос об объединении всех немецких земель в единое государство. По мысли Гегеля история реализуется через дух того или иного народа, организованного в государство. Участие Пруссии в победоносной войне с Наполеоном как бы призвало немецкие народы к объединению для исполнения какой-то предназначенной ему мировым духом священной миссии. Поэтому Гегель и ставил так высоко государство — как высшее проявление «мирового духа» и долг — как служение государству. Не Гегель вскормил своей философией Наполеона, а новые исторические условия, связанные в том числе с именем Наполеона, дали миру и Гегеля и его философию.

И много лет спустя в знаменитом 1870 году, когда Германия окончательно завоевала право на объедине-

ние, повоевав и с Австрией, и с Францией, немецкий профессор Дюбуа-Реймон не без гордости скажет: «Берлинский университет, которому отведено для постоянного места (einquartiert) против королевского дворца, является умственной лейб-гвардией дома Гогенцоллернов».

Таким образом, императорская власть в объединенной Германии опиралась не только на военную мощь армии, но и на интеллектуальную силу нации. «Германское чудо» XIX века заставило Англию не только отказаться от своей враждебной политики по отношению к Соединенным Штатам и Франции, но и искать с ними крепкого союза.

Между прочим, объединение Германии происходило почти одновременно с объединением Италии. Фашистская диктатура Муссолини в Италии установилась на десяток лет раньше, чем диктатура Гитлера в Германии. Однако Италия никогда не была серьезным политическим и экономическим конкурентом Англии и Франции, поэтому никто настойчиво не копается в родословной итальянского фашизма и никто не узрел никакой опасности в ее объединении, да и сам итальянский фашизм и участие Италии во Второй мировой войне на стороне Гитлера очень быстро предали забвению.

Но если уж докапываться до интеллектуальных корней нацизма, то их следует искать не у Фихте, Гердера, Гегеля, «немецких романтиков», Шопенгауэра, а у француза Ж. Гобино и англичанина Х. Чемберлена.

Жозеф Гобино (1816-1882) жил в эпоху, когда в Европе были официально отменены рабовладение и работорговля и тем самым под сомнение был поставлен сам принцип, но не сама практика, опирающаяся на идею как бы изначального неравенства рас. Гобино был современником гражданской войны в США (1861-1865), и он естественно стоял на стороне рабовладельческого Юга, который в конце концов проиграл войну Северу. «История, — утверждал Гобино, — указывает на то, что все цивилизации берут начало от белой расы и ни одна

цивилизация не может развиваться без вклада белой расы». Его теория о неравенстве рас давала как бы научное обоснование всей проводимой тогда европейскими государствами и в первую очередь Англией и Францией жесточайшей колониальной политике.

Хьюстон Чемберлен (1855-1927) жил в эпоху интенсивнейшего раздела Африки, в том числе и англо-бурской войны, он, вероятно, хорошо был осведомлен и о взглядах лидера британского империализма Сесилия Родса, и о «подвигах» лорда Китченера, но особые надежды он возлагал на германский народ. «Неправильно полагать, – писал Чемберлен, – что тевтонские варвары стали причиной так называемого средневекового заката, он наступил скорее в результате интеллектуального и морального банкротства, полного расового хаоса, порожденного умирающей Римской империей; однако благодаря тевтонам-германцам миру удалось избежать вечной мглы».

В 1923 году произошло личное знакомство Гитлера с Чемберленом, на следующий день после знакомства больной Чемберлен писал Гитлеру: «Вам предстоят великие свершения... Моя вера в германизм не поколебалась ни на минуту, хотя мои надежды, признаюсь, почти разбились. В одно мгновение Вам удалось перевернуть мне душу. То, что в суровый час испытаний Германия произвела на свет Гитлера, свидетельствует о ее жизнеспособности; это же подтверждает исходящее от Вас влияние; ибо эти два явления – личность и влияние – неразделимы... Да благословит Вас Господь!»

Я не стану далее распространяться ни о Ницше, ни о других мыслителях, которые якобы породили и Гитлера, и нацизм, об этом, на мой взгляд, очень верно сказал сам Гитлер: «Тысячами являются яйца Колумба вокруг нас, но только Колумбы встречаются редко». Под «яйцами Колумба» он полагал всех теоретиков, которым так и не удалось претворить свои идеи в жизнь, а под Колумбом он подразумевал себя, который не толь-

ко мечтал или теоретизировал, но и вел свой корабль к намеченной цели, и цель эта – Великая Германская Империя, в ней восторжествует «новый мировой порядок», при котором немцы, разумеется, станут играть главную роль. В новой Империи не останется места ни для анархии и пролетарских революций, ни для демократии и междоусобных европейских войн. Он реставрирует классы и сословия, принадлежность к которым будет определять принадлежность к той или иной расе. Метрополией станет бывшая территория Римской империи и германизированные тевтонами восточноевропейские земли, а все остальные территории постепенно превратятся в то «жизненное пространство», которое обеспечит арийской расе небывалое развитие и процветание.

Конечно, интеллектуальные корни нацизма можно отыскать не только у Гобино или Гегеля, но и у Платона, однако теперь нас, вероятно, больше должны интересовать не столько «корни», сколько история нацизма и те «побеги», что зазеленели не на германских землях.

Что касается истории нацизма в Германии, то фундамент ее, как мне представляется, уже заложен, и тут я назвал бы два очень серьезных научных труда: это изданную у нас еще в 1935 году фундаментальную работу Конрада Гейдена «История германского фашизма», охватывающую историю нацизма от его возникновения и до прихода Гитлера к власти в Германии. Вторая фундаментальная работа принадлежит перу американского историка Уильяма Ширера («Взлет и падение третьего рейха»), она была издана в 1960 году в Лондоне, а у нас лишь в 1991 году.

Безусловно, работы К.Гейдена и У.Ширера должны быть и уточнены, и расширены и, если говорить непосредственно о ведении военных действий, то тут никак нельзя проигнорировать очень объемистую работу немецкого генерала Курта Типпельскирха «История Второй мировой войны», изданную у нас в 1956 году, а также богатую мемуарную литературу генералов и дипло-

матов воюющих во Второй мировой войне сторон. И, разумеется, исследование феномена немецкого нацизма должно интегрировать в себя ценнейший политико-экономический анализ Джона Кейнса, данный им еще в 1919 году в книге «Экономические последствия Версальского мирного договора», изданной у нас в 1922 году.

Однако не следует забывать и того, что мировой агитпроп не дремлет, он постоянно тиражирует лженаучные изыскания, чтобы унифицировать сознание народов в сторону нужного ему стандарта. Приведу на этот случай хотя бы два примера.

Пример первый (американский). В 1965 году, то есть через пять лет после издания работы У.Ширера «Взлет и падение третьего рейха», советолог У.Лакер выпускает книгу «Россия и Германия. Наставники Гитлера», в которой имя У.Ширера даже не упоминается, а имя К.Гейдена хотя и упоминается мимоходом трижды, но почему-то каждый раз в неодинаковом написании: Хайнен – Хейден – Гайден. Блестяще отсутствует в книге имя Ж.Гобино, а имя Х.Чемберлена трижды проскальзывает не в связи с Гитлером, а в связи с Розенбергом.

Все свои усилия У.Лакер направляет на то, чтобы показать, как взаимовлияние русских и немецких националистов и распространение «Протоколов сионских мудрецов» породили нацизм и привели Гитлера к власти в Германии. Запутавшись в своих искусственных построениях, Лакер на 319-й странице вдруг признается: «В намерения автора этих строк не входит ни объяснить фашизм, ни указать виновных в захвате Гитлером власти» (хотя на предыдущих 318 страницах он, кажется, только этим и занимался). На русском языке книга У.Лакера вышла не ранее 1991 года (точная дата издания почему-то не указана).

Теперь давайте посмотрим, кто же такой У. Ширер и кто такой У.Лакер.

Из предисловия к книге У.Ширера: «Уильям Ширер... был корреспондентом в Париже, Лондоне и Риме.

С 1926 года по декабрь 1941-го находился в Германии, представляя «Чикаго трибюн», а затем «Коламбия бродкастинг сервис». В дальнейшем с осени 1945-го вновь работал в Германии». В этот период У.Ширер занимался изучением германских архивных материалов.

По словам видного историка и знатока архивных документов профессора У.Кимболла, «всем, кто интересуется историей гитлеровской Германии, событиями, потрясшими Европу и мир в 30-е и первую половину 40-х годов, следует прежде всего рекомендовать книгу У.Ширера «Взлет и падение третьего рейха».

Из аннотации к книге У.Лакера: «Уолкер Лакер – председатель Совета международных исследований вашингтонского Центра по изучению стратегических проблем и международных отношений». Это, видимо, что-то аналогичное одному из подразделений нашего агитпропа.

Из авторского «Предисловия к русскому изданию»: «Книга «Россия и Германия. Наставники Гитлера» впервые вышла в 1965 году и была тепло принята в целом ряде стран; даже советский журнал «Вопросы истории» упомянул о ней». Прямо скажем, книга У.Лакера восторга не вызвала.

Пример второй (советский). В 1981 году в издательстве АПН вышла книга доктора исторических наук Д.Мельникова и переводчицы Л.Черной «Преступник № 1. Нацистский режим и его фюрер». Авторы в общем-то придерживались канвы трудов Конрада Гейдена и Уильяма Ширера. Правда, весьма «оригинально» выглядит их отношение к французу Ж.Габино и англичанину Х.Чемберлену.

«По иронии судьбы, – пишут они, – предтечей нацистской расовой теории, приведшей к истреблению миллионов людей разных национальностей, в том числе и французов, как «неполноценных», является... француз граф Жозеф Гобино».

А при чем тут многозначительное отточие? Ах, речь-то идет о «Прекрасной Франции». «Прекрасная

Франция!» – этот эмоциональный порыв вроде бы вправе освободить и от научной добросовестности... Однако даже в приближенном к реальности воображении Франция давно уже не воспринимается как п р е к р а с н а я, во всяком случае с тех пор, как она сменила шпагу на гильотину.

Да и никакой «иронии судьбы» нет в том, что родоначальником расовой теории стал именно француз, родиной которого была Франция – вторая по значимости колониальная держава мира.

Если У.Ширер утверждал по поводу Ж.Гобино и Х.Чемберлена, **«что ни один из них не был шарлатаном»**, то наши советские авторы в это утверждение по адресу Х.Чемберлена вносят существенную корректировку. «Трудно сказать, – пишут они, – чем был Чемберлен – неуравновешенным, восторженным, психически не совсем здоровым человеком или же **сознательным шарлатаном**». Вот что значит не быть французом, а быть всего-навсего англичанином.

В общем-то, метода у советского и американского агитпропа была едина – не исследовать взаимосвязь всех исторических явлений, а довести любое явление, даже самое сложное, до абсурдной простоты и однозначности.

Но более всего украшают книгу доктора исторических наук Д.Мельникова и переводчицы Л.Черной и делают ее научно убедительной «мудрые изречения» товарища Брежнева, вмонтированные соавторами на первую и последнюю страницы своего творения. И тут поневоле вспомнишь ту аттестацию, что они дали Хьюстону Чемберлену.

Чуть ранее я заметил, что «побег» нацизма уже зазеленели и не на германских землях. Конечно, есть большой соблазн поговорить о том, что нынче начала откровенно функционировать нацистская фразеология. Гитлеровский «новый порядок» трансформировался в «новый мировой порядок», гитлеровское «жизненное

пространство» – в «экономическое пространство», гитлеровская идея о единой Европе сегодня осуществляется в новой пан-Европе. И если бы не ожесточенная война в бывшей Югославии, то можно было бы сказать, что паневропейская идея на сей раз претворяется мирным путем, правда, под присмотром вооруженных сил Соединенных Штатов.

Но все это слишком очевидно, чтобы подробно рассуждать на данную тему.

1995 г.

МОСКВА – БЕРЛИН

Гитлер был в бешенстве. Два дня переговоров с Молотовым ни к чему не привели. Вчера фюрер, не выдержав железобетонного хладнокровия советского наркома, абсолютной его непробиваемости, вынужден был перенести переговоры на сегодня – и опять тот же результат. Предлагая Советскому Союзу присоединиться к «Тройственному пакту», заключенному Германией, Италией и Японией, Гитлер пытался подходить с разных сторон, но Молотов, словно ничего не слыша, задавал один конкретный вопрос за другим: «Что означает «новый порядок» в Европе и Азии и какая роль отводится Советскому Союзу? Что замышляет Германия и Финляндия? Каково значение «Тройственного пакта»? Каково отношение Берлина к интересам Советского Союза в Болгарии и на Черном море?»

А на Унтер-ден-Линден, в советском посольстве, которое находилось неподалеку от Министерства иностранных дел Германии, Молотов давал торжественный банкет в честь высокопоставленных гостей. В общем, своим визитом в Берлин он был удовлетворен: дипломатическая переписка, переговоры через вторых и

тем более через третьих лиц еще более запутывали и без того запутанную ситуацию. Теперь Молотов знал, что ни в Болгарию, ни к проливам Советский Союз не допустят, а все общие обещания Гитлера исходят не из сегодняшних реалий, а всего лишь из перспективы, которая может сложиться, когда капитулирует Англия, а она, кажется, пока этого делать не собирается...

В это время завьли сирены, банкет пришлось свернуть и переместиться в бомбоубежище Министерства иностранных дел. Загрохотали зенитки, слышался гул бомбардировщиков. Риббентроп вновь начал соблазнять Молотова прелестями «Тройственного пакта» и уверять его в том, что с Англией практически покончено и надо шире смотреть на открывающиеся перспективы. А вот этого говорить, конечно, не следовало. «Если это так, — заметил безжалостно русский дипломат, — то почему мы сидим в укрытии и чьи это бомбы падают на нас?»

Столь недипломатическая реплика, прозвучавшая в бомбоубежище, заставила германского министра замолчать.

Переговоры Молотова с Гитлером проходили 12 и 13 ноября 1940 года, а в первых числах декабря Гитлер пригласил главнокомандующих сухопутных войск Браухича и начальника Генштаба сухопутных войск Гальдера и обязал их к 15 декабря представить план нападения на Советский Союз, подчеркнув при этом, что главную цель он видит не в захвате Москвы, а в уничтожении живой силы противника. Видимо, где-то в подсознании Гитлера гнезился мистический страх перед этим городом, сломившим когда-то счастливую судьбу Наполеона.

Конечно, не следует думать, будто Первая мировая война началась из-за знаменитого выстрела в Сараево, а неуступчивость Молотова и раздражение Гитлера привели к Советско-Германской войне. Еще 29 июня 1940 года Гитлер на совещании высших офицеров опе-

ративного отдела скажет, что намеревается напасть на СССР весной 1941 года, а 31 июля на другом совещании уже укажет на основные стратегические цели и сделает вывод: «Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах станет Германия.

«В ы в о д: В соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Срок – весна 1941 года».

Еще до этих совещаний, находясь под впечатлением блистательной победы над Францией, Гитлер сказал генералу Кейтелю, что осенью он думает начать войну с Россией. Начинать войну с Россией осенью?.. По меньшей мере – это несерьезно. Впрочем, как видим, фюрер довольно быстро отказался от всяких фантастических сюжетов.

15 декабря Браухич и Гальдер представили план под названием «Отто», 18 декабря Гитлер утвердил его, правда, теперь он получил новое наименование: «Барбаросса». И фюрер вновь заметил, что **главное не захват Москвы, а уничтожение живой силы противника.**

С точки зрения военного искусства, план «Барбаросса» выглядел весьма убедительно, так как в нем учитывался полученный Вермахтом опыт в ходе военных действий на востоке (Польша), на севере (Норвегия) и на западе (Голландия, Бельгия и особенно – Франция), хотя в нем и присутствовал один неуловимый изъян: в плане его разработчики ориентировались если и не на воображаемого противника, то на какого-то среднеарифметического – некую смесь француза с поляком. Предварительность плана очевидна, так как Германии еще предстояло решить целый ряд политических проблем.

23 октября Гитлер уже встречался с Франко, чтобы побудить того начать военные действия против Англии и захватить Гибралтар: на следующий день он встречался в Монтуре с престарелым маршалом Петеном, тот, кажется, соглашался на все, но вот заставить

французов воевать против англичан он был не в состоянии; 28 октября Муссолини, радостный и гордый, встречал Гитлера во Флоренции прямо на вокзале и сразу же огорошил его ошеломляющей новостью: «Фюрер, мы на марше! Сегодня на рассвете победоносные итальянские войска пересекли греко-албанскую границу!»

Через неделю «победоносные» войска вынуждены были бежать в Албанию. По сути дела, у Гитлера на этот момент насчитывалось лишь два союзника: Румыния и Финляндия. Венгрия, потеряв после Версаля Трансильванию, мягко говоря, находилась в натянутых отношениях с Румынией, отторгнувшей сей район в свою пользу. Болгария, помня итоги Первой мировой войны, когда она сделала роковую ставку на Германию, пыталась сохранить нейтралитет. Тех же позиций придерживались Югославия и Турция. В Греции уже находились английские войска.

Вот с таким политическим багажом Гитлер утвердил план «Барбаросса», в котором указывалась дата нападения на Советский Союз – 15 мая 1941 года.

После визита Молотова в Берлин Сталин окончательно понял, что войны с Германией не избежать. Весь вопрос – сроки. В Греции Муссолини потерпел полное поражение – это хорошо. Германия не сможет начать военные действия против Советского Союза до тех пор, пока не захватит Югославию и Грецию и тем самым обезопасит от воздушных налетов англичан нефтедобывающий район Румынии – Плешти. Попытки Черчилля сколотить на юге антигитлеровскую коалицию, способную противостоять Германии, вряд ли увенчаются успехом. Раньше марта начать военные операции на Балканах Гитлер не сможет. Но как надолго он там увязнет? Вот вопрос вопросов.

Однако как бы в дальнейшем ни сложились дела, Советский Союз уже жил в полувоенном режиме.

В наступившем 1941 году Гитлер ощутил, что попал в жестокий цейтнот: оставались считанные месяцы до начала войны с Советским Союзом, а вопросов не стало меньше. Он решил плюнуть пока и на Франко, и на Петена и даже на Муссолини и сосредоточить все свои усилия на балканском вопросе.

18 февраля 1941 года Болгарию удалось уговорить пропустить немецкие войска через ее территорию, а 1 марта она присоединяется к «Тройственному пакту», сделав еще раз ставку на Германию.

25 марта в Вене югославский премьер-министр Цветкович в присутствии Гитлера и Риббентропа тоже присоединяется к этой коалиции, но в ночь на 27 марта в Югославии совершается государственный переворот, и новый режим Душана Симовича объявляет о своем согласии заключить с Германией договор о ненападении. Гитлер приходит в ярость – он хорошо понимает, к чему все это может привести – и тут же принимает решение о немедленном вторжении в Югославию. В тот же день он вынужден принять и другое решение: «Начало операции по плану «Барбаросса» придется отодвинуть на более поздний срок в пределах четырех недель».

В действительности же, срок «придется отодвинуть» на 38 дней. Второе решение немецкие генералы назовут потом роковым, но это будет все уже потом. А пока...

Чтобы стимулировать своих союзников, Гитлер пообещал разделить между ними территорию Югославии. Самостоятельность должна была получить только Хорватия, которая в благодарность за это отправит на восточный фронт небольшое воинское формирование.

В Москве настороженно следили за каждым шагом на Балканах. 5 апреля Советский Союз заключит с Югославией договор о дружбе и ненападении, обязывающий обе стороны сохранять дружеские отношения, если какая-нибудь из сторон подвергнется нападению

какой-то третьей стороны. Советский Союз сделал серьезный шаг в этой большой и напряженной игре.

Немецкий генерал К.Типпельскирх после войны так оценит действия Советского Союза: «С военной точки зрения, договор не принес никакой пользы Югославии, которой грозило уничтожение. С политической точки зрения в нем заключалось предостережение Германии и открытое неодобрение ожидаемого выступления. Впервые Советский Союз официально отмежевался от своего партнера по договору 1939 г. Такая позиция еще более утверждала Гитлера в его намерениях против Советского Союза. Для его планов против Югославии этот недружеский жест не имел ровно никакого значения».

И поэтому в ночь на 6 апреля немецкие войска вторглись в пределы Югославии и Греции. 12 апреля вождь хорватов Кватерник провозгласит себя главой государства в «независимой» Хорватии. 14 апреля в Белграде генерал Симович подаст в отставку, а 17 апреля новое руководство Югославии подпишет с немцами договор, предусматривающий безоговорочную капитуляцию. Синхронно развивались события и в Греции: там 21 апреля началась капитуляция войск. К концу апреля очередная военная кампания завершится и начнется переброска немецкий войск к советской границе. Правда, авиационным частям, парашютной и горнострелковой дивизиям еще предстояло провести операцию по захвату острова Крит и ряда других островов, которая завершится позже, лишь в конце мая.

Возможно, в Москве надеялись, что военные действия затянутся несколько дольше, однако этого не произошло. И Москва отреагировала очень неожиданно. 6 мая стало известно об освобождении Молотова от обязанностей Председателя Совета народных комиссаров и назначении на этот пост Сталина. Молотов стал первым его заместителем и сохранил за собой пост наркома иностранных дел.

Было общеизвестно, что вся полнота власти в государстве сосредоточена в руках Сталина, хотя он и не занимал никакого государственного поста. Будучи генсеком ВКП(б), Сталин при желании мог уклоняться и от подписания каких-либо официальных документов, и от встреч с иностранными государственными деятелями любого ранга. Главой государства с очень ограниченными правами у нас являлся Председатель Президиума Верховного Совета СССР (что-то вроде нынешнего Президента Германии), а реальным руководителем исполнительной власти был Председатель Совнаркома (что-то вроде нынешнего Канцлера Германии). К генсеку Сталину мог обратиться глава любого государства, однако такого рода письменное обращение не являлось юридическим документом. И эта «неуловимость», видимо, очень устраивала всесильного Сталина.

Теперь, в столь ответственный для страны момент, Сталин юридически оформил за собой не только всю полноту государственной власти, но и всю полноту государственной ответственности. Но не успел Сталин освоиться со своим новым положением, как мир потрясла сенсация: 10 мая ближайший соратник Гитлера, второй человек в партии, бывший летчик Рудольф Гесс перелетел на самолете в Англию и благополучно там приземлился. Остальное все оставалось покрыто мраком неизвестности, а поползшие слухи и домыслы только усиливали общее напряжение.

И теперь даже дата нападения отходила на второй план, теперь важнее стало узнать, на чьей стороне окажется Англия, поскольку после победы во Франции Гитлер предпринимал попытки договориться с англичанами. Так, 19 июля 1940 года в своей речи в Рейхстаге он говорил:

«В этот час я считаю долгом перед собственной совестью еще раз обратиться к разуму и здравому смыслу как Великобритании, так и других стран. Я считаю, что

мое положение позволяет мне обратиться с таким призывом, ибо я не побежденный, выпрашивающий милости, а победитель, говорящий с позиций здравого смысла.

Я не вижу причины, почему эта война должна продолжаться».

Тогда его призыву не вняли, теперь же, после блестящих побед немецкого оружия в Югославии и Греции, английское правительство под давлением общественного мнения и определенных кругов может оказаться более податливым.

Да, 3 апреля Черчилль передал через британского посла Криппса сообщение о передислокации немецких войск в Южной Польше, а еще 20 марта заместитель госсекретаря Соединенных Штатов Самнер Уэллес сообщил советскому послу Уманскому о намерении Гитлера напасть весной на Советский Союз, поступали и другие сообщения, указывались разные даты, даже из далекой Японии советский разведчик Зорге назвал в своей шифровке дату вторжения немецких войск. И невольно создавалось впечатление, будто германский Генштаб никак не охраняется, а все секретные документы, в том числе и сверхсекретные, валяются на столах. Этот вопрос стал обсуждаться даже в зарубежной прессе.

14 июня по радио прозвучало «знаменитое» заявление ТАСС, в котором опровергалась опасность возникновения войны между Германией и СССР. И это «опровержение» пережевывается уже полстолетия. Ну, ладно, когда этим занимаются платные борзописцы, но когда серьезные авторы начинают придавать «опровержению» то значение, на которое оно никогда не претендовало, становится просто досадно. Так, в фундаментальном труде американского историка У.Ширера «Взлет и падение Третьего Рейха» читаем: «Насколько плох был осведомлен русский комиссар по иностранным делам (Молотов – А.Л.), явствует из опубликованного 14 июня 1941 года, всего за неделю до немецкого нападения, заявления».

В хрущевские времена в небе России был сбит военный самолет без опознавательных знаков. Советское руководство открыто заподозрило своих заокеанских оппонентов. Американское руководство, естественно, **опровергало** эту версию.

Тогда объявили, что американский летчик жив и здоров, назвали его фамилию и напечатали его фотографию. Летчика-шпиона судили, дали срок, затем очень мило обменяли на советского разведчика. Дело замяли и постарались забыть. И никому в голову не пришло обвинить американское руководство в том, что оно не ведает, куда и по каким надобностям летают самолеты их ВВС.

Если бы правительства откликались на каждую не соответствующую действительности публикацию, то им приходилось бы выступать с опровержениями почти ежедневно. К официальным опровержениям правительства прибегают лишь в тех случаях, когда намереваются извлечь из их публикаций определенную выгоду.

Какую же выгоду извлекло советское правительство в данном случае?

Во-первых, советское руководство понимало, что война может начаться в любой момент, и отдавало себе отчет в том, что страна полностью подготовиться к ней не успела, поэтому немцам, видимо, удастся добиться определенных успехов (масштабы их, конечно, не предполагались такими, какими они оказались в действительности). Успехи противника легко будет объяснить его вероломством и нашей политической порядочностью, что может сплотить народ, мобилизовать все силы и дать отпор агрессору. Советскому руководству в то время были даже на руку обвинения в некоторой его беспечности: «Мы, дескать, вас предупреждали...» – «Бога ради, извините нас за доверчивость».

Главное сделано: а г р е с с о р в ы я в л е н!

Даже после окончания войны советский агитроп довольно долго поддерживал эту версию.

Маршал А.М.Василевский в начале войны был 1-м заместителем начальника Генштаба. Много лет спустя, в своей книге «Дело всей жизни» он привел ошеломляющие данные, правда они почему-то никого не ошеломили. Так, маршал писал, что с середины мая (то есть после того, как Сталин стал Председателем Совмина) по директивам Генштаба в западные пограничные округа передислоцировали 28 дивизий... Да, в то время разрешили отпуска офицерам. Сколько офицеров отбыло на отдых? Две, три сотни? Возможно. Только в тот же период призвали из запаса 800-900 тысяч человек и почти все они отправились в те же западные округа.

Далее Василевский сообщает, что к середине 1941 года общая численность армии составляла 5 миллионов человек, то есть в 2,3 раза больше, чем в 1939-ом, то есть к тому моменту, когда Москва «подружилась» с Берлином.

Запомните этот рубеж – середина 1941 года, мы к нему еще вернемся.

Так вот, если бы 14 июня 1941 года, вместо наивного «опровержения», так скомпрометировавшего Молотова в глазах мировой общественности, опубликовали данные, которые много лет спустя опубликовал маршал Василевский, то через неделю после начала войны поднялась бы такая паника, что с ней не справился бы даже НКВД.

Что ж, умный человек, если надо или если ему так хочется, может притвориться и глупым, глупец же никогда не сможет притвориться глупым, потому как нельзя притвориться тем, кем ты являешься на самом деле. Молотов в те июньские дни притворился глупым, чего не понял У.Ширер даже через много лет. Пойми он это, и книга его обрела бы добавочную достоверность.

Наивно думать, будто советское руководство в своем опровержении вознамерилось дать военно-политический обзор, как тогда выражались, «текущего момента». Советскому руководству было тогда очень важно продемонстрировать, что СССР стал очередной жертвой гитлеровского вероломства, и найти поддержку в антинацистских кругах всех стран. Не менее важным представлялось и другое. Дело в том, что все государства, подписавшие «Тройственный пакт» или к нему примкнувшие, обязывались оказывать действенную военную помощь любой другой стране, подписавшей этот пакт, лишь в том случае, если данная страна окажется жертвой агрессии, а не сама предпримет таковую.

В апреле 1941 года японский министр иностранных дел Мацуока транзитом через Россию и с остановкой в Москве проследует в Берлин, а на обратном пути неожиданно заключит в Москве договор о нейтралитете с Советским Союзом, что в какой-то мере спутает все карты.

В то время в Японии существовали «партия» войны с Советским Союзом и «партия» войны в бассейне Тихого океана. То, что Советскому Союзу с первых дней войны удалось доказать, что он – жертва вероломного нападения Германии, давало крупный козырь в руки последней: поскольку Германия сама выступила в качестве агрессора, Япония, не нарушая «Тройственного пакта», имела право и не подключаться к войне с СССР. Тогда победила «партия» войны в бассейне Тихого океана, и уже 7 декабря, когда советские войска перешли под Москвой в контрнаступление, японские ВМС и ВВС напали на главную военную базу США на Тихом океане (Перл-Харбор) и разгромили ее. Германия тут же объявила Штатам войну, однако ответного жеста от Японии так и не дождалась. Восток – дело тонкое.

Таким образом Соединенные Штаты, помимо их воли, были вовлечены во Вторую мировую войну. Во

всяком случае, сроки здесь определяли не они. Агитпроп так перемолол всю историю нынешнего века, что сейчас многим кажется, будто Соединенные Штаты в период Второй мировой войны возглавили борьбу с гитлеровской коалицией. Во-первых, в те времена в США имели место откровенные пронацистские настроения; во-вторых, там еще более бытовали элементарные прогерманские настроения; в-третьих, в широком ходу был аполитичный изоляционизм. Некоторые европейские страны, еще не выплатившие своих межсоюзнических долгов по Первой мировой войне, начали опять заглядывать в карман американских налогоплательщиков... И Рузвельту было очень непросто оказывать помощь даже Англии до тех пор, пока сами Соединенные Штаты не оказались втянутыми в войну.

Разумеется, я очень далек от мысли рассматривать весь ход событий как прямое следствие советского «опровержения» и тем более подозревать его инициаторов в том, что они так далеко просчитали все ходы, однако то, что они надеялись извлечь из «опровержения» определенные ближайшие выгоды не вызывает сомнений. И они их извлекли. Общесоюзной паники не получилось, сразу же началась складываться антигитлеровская коалиция, Япония не откликнулась на призывы Гитлера начать войну против Советского Союза. Конечно, победы в Японии другая «партия», Советскому Союзу пришлось бы воевать сразу на двух фронтах.

Теперь несколько слов о «неожиданности», о которой не устают говорить до сих пор.

Если бы, скажем, Бельгия сосредоточила почти все свои войска на границе с Голландией, а та проигнорировала бы сложившуюся ситуацию, то Бельгия в случае неожиданного наступления могла бы очень быстро выиграть войну.

Война между Германией и СССР предполагала совсем другие масштабы, а потому имела совсем другие измерения. Неожиданное нападение могло гарантиро-

вать немецкой армии лишь тактические успехи, а в лучшем случае – частичные оперативные. Здесь фактор внезапности играл только временную и ограниченную роль, поскольку в противоборство вступали не только армии, но и мощные военно-государственные машины, каких не знала еще история.

Возьмите Францию, которая к началу Второй мировой войны располагала сильнейшей в Европе армией, значительную часть ее границы прикрывала неприступная «линия Мажино», в ее распоряжении находились ресурсы не только метрополии, но и ее колоний, наконец, ее военным партнером была Англия с ее могущественным флотом и очень сильной военной авиацией. О какой-либо внезапности вторжения немецкой армии не могло вестись и речи, так как Франция и Англия уже девятый месяц находились в состоянии войны с Германией. К тому же, Вермахту прежде, чем вторгнуться в пределы самой Франции, предстояло еще подавить сопротивление голландской и бельгийской армий. Попутно заметим, что французский генералитет не подвергался никаким репрессиям, как то имело место в Советском Союзе, а военное командование могло открыто проводить мобилизацию и производить нужное ему передвижение войск. И все же...

Неожиданностью оказалось не вторжение немецкой армии на территорию Франции, а ее молниеносная капитуляция. Вермахт начал боевые действия против Бельгии и Голландии 10 мая 1940 года, а 17 июня французское правительство уже приняло решение о капитуляции. О природе этой «неожиданности» агитпроп не очень-то любил распространяться.

У.Ширер в своей книге «Взлет и падение Третьего Рейха» привел отрывок из доклада немецкого посла в СССР Шуленбурга, направленного им в Берлин незадолго до начала войны.

«По моему мнению, – докладывал Шуленбург, – можно со всей определенностью утверждать, что Ста-

лин поставил перед собой внешнеполитическую цель исключительной важности... которой он надеется достигнуть посредством личных усилий. Я твердо верю, что ввиду осложнений международной обстановки Сталин поставил перед собой цель уберечь Советский Союз от конфликта с Германией».

И далее У.Ширер переходит даже на полужирный шрифт:

«Неужели хитрый советский диктатор не понял к середине мая 1941 года, что это уже недостижимая цель, чтобы достигнуть поставленной цели, не оставалось уже ничего, кроме как капитулировать перед Гитлером? Наверняка он понимал, что означает захват Гитлером Югославии и Греции, концентрация огромных масс немецких войск у юго-восточных границ Советского Союза?.. Да и слухи, упорно циркулировавшие в Москве, до него, конечно, доходили».

В середине мая «советского диктатора» больше беспокоило другое: на чьей стороне окажется Англия? Перелет Гесса в Англию не давал тогда советскому руководству покоя. Когда же ситуация с Гессом прояснилась, то появилась маленькая надежда, пусть даже очень маленькая...

Гитлер относился к тому разряду людей, которые могут самые важные решения принимать в самую последнюю минуту. И еще Гитлер был очень мстительным. Не договорившись с Англией, он мог предъявить ультиматум и заставить советское руководство обеспечить гарантированный нейтралитет. А тем временем сбросить на юг дивизий 20-25 (благо в Болгарии, Югославии и Греции уже находились немецкие войска) и через западную Турцию нанести удар в сторону Египта (благо там уже находилась небольшая армия генерала Роммеля), послать из Франции пару дивизий на помощь Франко и... через месяц-полтора все Средиземноморье было бы в руках Гитлера, что означало бы отсрочку нападения на Советский Союз не менее, чем на год.

На рассвете 22 июня 1941 года эта маленькая надежда лопнула, как мыльный пузырь. Произошло то, что произошло: материализовался, к великой радости англичан, хранившийся до сих пор в сейфе германского Генштаба план «Барбаросса». Немецкие армии двинулись на Восток.

К 22 июня, согласно плану «Барбаросса», все военные силы германской армии, сконцентрированные на востоке, были разделены на три самостоятельных объединения, каждое из которых выполняло свою стратегическую задачу. Общая задача всех трех групп армий: выход на линию «Волга – Архангельск».

Группа армий «Юг» (командующий фельдмаршал фон Рундштедт) в составе 26-ти пехотных, 4-х моторизованных, 4-х егерских и 5-ти танковых дивизий наносила главный удар на Киев с задачей уничтожения русских сил западнее Днепра, форсирования его, захватом Донбасса, Северного Кавказа, дальнейшего наступления к Волге и овладения Сталинградом.

Группа армий «Центр» (командующий фельдмаршал фон Бок) в составе 31-й пехотной, 7-ми моторизованных, 1-й кавалерийской и 9-ти танковых дивизий наносила главный удар в направлении Минск – Смоленск с задачей уничтожения русских сил и овладения Москвой.

Группа армий «Север» (командующий фельдмаршал фон Лееб) в составе 20-ти пехотных, 3-х моторизованных и 3-х танковых дивизий наносила главный удар в направлении Ленинграда с задачей уничтожения русских сил в Прибалтике, Псковской и Новгородской областях.

Группе армий «Центр» придавался также 2-й воздушный флот фельдмаршала Кессельринга, в который входила половина имеющихся сил ВВС.

Как видим, самой слабой оказалась группа армий «Север», а самой сильной – группа армий «Центр». Таким образом, Генштабу, вопреки указаниям Гитлера

(«Москва – не главное»), удалось при распределении сил перенести главный акцент именно на московское направление. Правда, оговаривалось, что группа армий «Центр» затем повернет на север. А пока генералы спорили, сколько же недель уйдет на всю операцию. Мнения расходились в пределах 6-12 недель.

Первые три недели боевых действий вселяли в немцев оптимизм. Осторожный начальник Генштаба Гальдер запишет в дневнике: «Не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней». Эта запись будет сделана в тот же день, когда Сталин выступит со своим обращением к советскому народу, то есть 3 июля. А 14 июля Гитлер в своей директиве объявит о «значительном сокращении в ближайшем будущем» вооруженных сил. Фюрер явно поторопился. И сглазил.

На следующий день, то есть 15 июля, произойдет событие, о котором мы и не вспоминаем, но вот что о нем писал генерал Теппельскирх в своей «Истории Второй мировой войны»: «В начале все шло гладко. Оба корпуса 4-й танковой группы вклинились глубоко в расположение противника после того, как они преодолели старую русскую границу и достигли района Пскова. Правый корпус 15 июля стоял в районе Сольцы юго-западнее озера Ильмень, левый корпус, продвигаясь вдоль восточной оконечности Чудского озера, достиг своими передовыми отрядами уже в тот же день нижнего течения реки Луга в районе юго-восточнее Нарвы. Но и на этот раз оказалось, что русские на редкость нечувствительны к таким клиньям. Их сопротивление настолько усилилось, что пришлось приостановить дальнейшее наступление до подхода армейского корпуса».

Факт, видимо, немаловажный, если он попал в «Историю...» Но Типпельскирх здесь не договаривает. А вот что позже писал в своей книге «Танковые операции» командующий 3-й танковой группой генерал Гот:

«В результате отхода 41-го танкового корпуса на запад 56-й танковый корпус, который 15 июля проследовал к Сольцам, оказался еще более изолированным. Не имея достаточного флангового прикрытия, обе дивизии подвергались ударам крупных сил противника с юга, северо-востока и севера. Под угрозой окружения они отошли к городу Дно.

К середине июля на всем северном участке Восточного фронта инициатива перешла на сторону противника».

А что же произошло на самом деле? 11 армия Северо-западного округа (командующий генерал Морозов, начальник штаба генерал Шлемин) с боями, неся потери, бросая порой технику, довольно организованно отступала на восток, постоянно ведя наблюдение за противником. В районе местечка Сольцы, перестроив потрёпанные свои дивизии и сформировав из отступающих «чужих» частей еще одну дивизию, Морозов и Шлемин ударили во фланг 56-му танковому корпусу немцев, «вырвав» кусок растянувшейся колонны на участке трех километров. Были захвачены пленные и трофеи. Операция эта не планировалась Ставкой, поэтому, наверное, о ней практически забыли.

Типпельскирх поскромничал, сказав, что продвижение 56-го танкового корпуса приостановилось. Приостановилось, как верно сказал генерал Гот, продвижение «на всем северном участке Восточного фронта», то есть всей группы армий «Север», согласно специальной директиве Гитлера, который вдруг начал понимать, что его Ставка знает все или почти все, что происходит по эту сторону фронта, но она почти ничего не знает, что происходит по другую сторону фронта. Это был первый звоночек.

Ровно через месяц Гитлер решит приостановить наступление на всем советско-германском фронте с тем, чтобы за счет группа армий «Центр» усилить

группы армий «Север» и «Юг», так как на всех остальных участках фронта наступление явно застопорилось. Прошло два месяца, а на юге не взяты были ни Киев, ни Крым, продолжала обороняться Одесса, а это направление Гитлер по-прежнему считал главным. На севере немецкие войска подошли к Ленинграду, но соединиться с финнами не смогли, продолжала функционировать мурманская железная дорога... Становилось ясно, что в России идея «молниеносной войны» («Блицкриг») не вырисовывается.

Естественно, что главком сухопутных войск Браунхич, начальник Генштаба Гальдер (главные авторы плана «Барбаросса»), командующий группы армий «Центр» фон Бок и Гудериан, чьи танки первыми должны были ворваться в Москву, решительно начали протестовать, но фюрер был непреклонен и уже 21 августа принял окончательное решение, из которого вытекало, что:

«Важнейшей целью, которая должна быть достигнута еще до наступления зимы, является не захват Москвы (Гитлер, между прочим, стоял на этой точке зрения с самого начала. — А.Л.), а: на юге — захват Крыма, индустриального и угольного Донецкого бассейна и нарушение подвоза русскими нефти с Кавказа; на севере — захват Ленинграда и соединение с финнами...

Поэтому группа армий «Центр», не беспокоясь о последующих операциях, должна ввести на южном направлении такие силы, чтобы иметь возможность уничтожить русские войска и в то же время сохранить способность отразить все атаки противника на своем центральном участке».

После войны очень многие генералы, в том числе и Типпельскирх, назовут это решение Гитлера роковым для всей кампании. Хотя в труде самого Типпельскирха можно найти все данные, позволяющие эту оценку поставить под сомнение.

Типпельскирх о действиях группы армий «Центр»: «Группа армий «Центр» выполнила все поставленные перед ней задачи, в первую очередь путем уничтожение противостоящих ей сил противника, и помешала русским создать оборону на Днепре и среднем течении Западной Двины».

О группе армий «Север»: «Однако уничтожение крупных сил противника, как это намечалось, до сих пор не было осуществлено... В ходе тяжелых боев группа армии «Север» хотя и нанесла противнику значительные потери, а частично и уничтожила его силы... однако решающего оперативного успеха не добилась».

О группе армий «Юг»: «Таким образом, теперь вся группа армий «Юг» вела наступление. Она еще могла бы выполнить свою задачу – отрезать крупные силы противника, отходящие к Днестру, если бы танковая группа быстро продвинулась вперед между Южным Бугом и Днестром».

Сравнительно: «Группа армий «Центр» одержала почти сверх ожидания большую двойную победу, но две другие группы армий только гнали противника впереди себя» (выделено мной. – А.Л.).

Вот это «только гнали» очень важно. И тут давайте вспомним слова маршала Василевского о том, что к середине года «под ружьем» уже находилось 5 миллионов человек. С начала войны военкоматы стали работать еще интенсивнее, так что действующая армия все время получала подкрепления. Группы армий «Юг» и «Север» оттесняя противника на восток («только гнали»), создавали перед своим фронтом своего рода пружины, способные в любое время «сработать» в западном направлении.

И другой момент. Когда танковую армию Гудериана и другие соединения группы армий «Центр» переподчинили группе армий «Юг», то и фельдмаршал Рундштедт стал проводить операции не менее

успешно, нежели их проводил фельдмаршал Бок в первые месяцы войны. Теперь немецкие войска взяли Киев, форсировали Днепр и вошли в район Донбаса, то есть почти вся Украина оказалась оккупированной.

Типпельскирх в своей книге приводит слова знаменитого Мольтке о том, «что ни один оперативный план не может оставаться неизменным после первой встречи с главными силами противника». Что ж, Гитлер, возможно, даже несколько и припоздал с корректировкой плана, однако многие генералы, в том числе и сам Типпельскирх, стали обвинять его не в том, что он «припоздал», а в том, что «после встречи с главными силами противника» внес изменения в оперативный план.

Ход военных действий отчетливо показал, что Генштаб при разработке плана неправильно произвел распределение сил. Во всяком случае, операции на южном направлении обнаружили (и на северном направлении тоже), что группам армий «Север» и «Юг» явно не хватало сил для выполнения поставленных перед ними задач. Придали Рундштедту дополнительные соединения, и он успешно провел несколько крупных операций. Забрали эти соединения назад в группу армий «Центр», и тот же Рундштедт еще до битвы под Москвой потерпит жестокое поражение под Ростовом, и 1 декабря его на посту командующего группой армии «Юг» сменит генерал Рейхенау.

Невольно напрашивается вывод: Генштаб допустил при своих расчетах роковую ошибку: теми силами, что находились в наличии у немецкого командования (ведь эти расчеты производились не в канцелярии Гитлера, а в кабинетах Генштаба), вести успешные военные действия на русском фронте сразу на трех направлениях, по сути дела, было невозможно.

А какова природа подобных ошибок? Об одном «неуловимом изъяне» плана «Барбаросса» мы уже го-

ворили (это ориентация на воображаемого противника). После войны генерал Блюментрит признается: «Поведение русских войск, даже в первом сражении (за Минск) поразительно отличалось от поведения поляков и войск западных союзников».

Но были допущены и другие ошибки. Вот о чем, к примеру, поведал У.Ширер, встречавшийся после войны со многими ее участниками: «Несколько генералов, в том числе Гудериан, Блюментрит и Зепп Дитрих, с удивлением писали о русском танке Т-34, о котором раньше ничего не слышали и который имел такую прочную броню, что снаряды немецких противотанковых орудий отскакивали от нее, не причиняя никакого вреда. Появление этого танка, как говорил позднее Блюментрит, ознаменовало зарождение так называемой танкобоязни».

«На различных стадиях наступления, – свидетельствовал генерал Клейст, – мои танковые силы сталкивались с осложнениями из-за отсутствия прикрытия с воздуха».

«Общая обстановка все очевиднее и яснее показывает, – писал в своем дневнике еще 11 августа генерал Гальдер, – что **колосс-Россия, который сознательно готовился к войне**, несмотря на все ее затруднения... был нами недооценен» (выделено мной. – А.Л.).

Можно иметь сколько угодно талантливых генштабистов, но если они ориентируются на воображаемого противника и пользуются при своих расчетах слишком приблизительными сведениями о его технической оснащенности и его военном потенциале, то эти изъяны невозможно компенсировать никаким талантом в области военного искусства.

Правда, об искусстве здесь можно говорить лишь условно, так как одной из основных его частей является разведка, я бы даже сказал, тотальная разведка во всех ее вариантах, начиная от армейской разведки (у нас это ГРУ, у немцев – Абвер) и кончая открыты-

ми сведениями, публикуемыми в средствах массовой информации потенциального противника.

А общий итог подвел за нас фельдмаршал Рундштедт, сказавши: «Вскоре после начала наступления я понял, что все, что было написано про Россию, просто вздор».

«Шпионаж, — признавался Типпельскирх, — который в других странах велся под видом безобидной частной экономической деятельности, не находил для себя в Советском Союзе в условиях централизованного руководства экономикой никакого поля деятельности. Деловые или увеселительные поездки были невозможны в стране со строжайшим контролем по отношению к иностранцам. Поэтому неудивительно, что оценка русских вооруженных сил представляла исключительные трудности для занимающихся этим вопросом не только в германском генеральном штабе, но и в генеральных штабах других стран».

Типпельскирх дал исчерпывающее объяснение тому, почему у германского Генштаба «создалось приблизительное представление о том, на что способен Советский Союз в случае войны». Однако это **объяснение** никак не может служить **оправданием** ни слабой работе немецких разведывательных служб, ни легковёрности Генштаба. Конечно, Мольтке был умным человеком, но русский народ оказался все-таки мудрее. Не зная броду, не суйся в воду. Вроде бы и простенько сказано, не сравнить с латинскими афоризмами, но зато предельно универсально, годится для всех видов предпринимаемой деятельности.

Между прочим, данное признание Типпельскирха — еще одно свидетельство тому, что Сталин не верил никому: ни потенциальным противникам, ни потенциальным союзникам. Он, вероятно, полагал, что так безопаснее для страны, и, как оказалось, не ошибся.

Однако вернемся на театр военных действий. После успешных операций, проведенных группой армий «Юг», вновь начинается подготовка наступления на Москву: фон Боку возвращаются танковая армия Гудериана и другие соединения. «С большой неохотой, уступая настояниям Браухича, Гальдера и Бока, Гитлер согласился возобновить наступление на Москву. Увы, слишком поздно!» – восклицает У.Ширер, почему-то принявший задним числом сторону генералов в их споре с Гитлером, возникшем еще в середине августа 1941 года, когда фюрер приостановил наступление на русскую столицу.

А давайте взглянем на карту той поры. На севере Лееб никак не может полностью блокировать Ленинград с суши, не говоря уже о соединении с финнами. На юге Рундштедт не в состоянии взять Одессу, Крым и даже правобережный Киев. Русские удерживают оборону на Днепре. А тем временем Бок, взяв Смоленск, с тяжелыми боями продолжает продвигаться вперед.

Допустим, Гитлер не приостанавливает наступление группы армий «Центр», как это он сделал 21 августа, и войска Бока к концу сентября уже бы вели бои на самых подступах к Москве или даже на ее окраинах.

А тем временем войска русского юго-западного фронта, воспользовавшись все большей растянутостью коммуникаций и естественным ослаблением фланговой защищенности группы армий «Центр», наносят с юга мощный удар на ее правый фланг.

Фантазия? Нет. По немецким данным, пусть они несколько и преувеличены, в сентябрьских боях войска Рундштедта пленили более 600 тысяч человек, однако русский фронт все равно не рухнул. Исходя из этой цифры, можно смело сказать, что к началу немецкого наступления на русском юго-западном фронте находилось не менее двух миллионов человек.

Ведь помимо пленных были еще и убитые, и раненые, и блуждавшие в окружении, и, главное, оставались в строю те, кто продолжал удерживать фронт, а с отбытием из группы армий «Юг» подкреплений, перешел в наступление под Ростовом.

Одновременно войска Волховского и Северо-западного фронтов наносят (пусть и не такой мощный) удар в левый фланг группе армий «Центр», основные силы которой уже втянулись бы в уличные бои в Москве. К слову сказать, тогда немецкая армия еще не имела опыта ведения уличных боев в большом городе, такой опыт она обретет позже. В Сталинграде.

Мне представляется, что в тот период при отсутствии опыта ведения крупных наступательных операций у наших генералов (они должны еще были пережить и осмыслить весеннюю неудачу 1942 года при попытке силами Волховского и Ленинградского фронтов прорвать «блокаду» Ленинграда и летнюю харьковскую неудачу того же года), фельдмаршал Бок, вероятно, сумел бы вывести свои войска из «мешка» и закрепиться где-нибудь в районе Смоленска, но потери оказались бы таковы, что его группа армий перестала бы считаться сильнейшей.

Нетрудно понять Бока или Гудериана, им не терпелось овладеть русской столицей и вписать золотыми буквами свои имена в немецкую и мировую историю. Соревнование между действующими на фронтах генералами естественно.

Но неужели Браухич и Гальдер, отвечающие за всю кампанию, не понимали, что без выравнивания линии фронта продолжающая наступать группа армий «Центр» подвергается страшному риску? Или они абсолютно не были осведомлены о реальных силах противника и потому упрямо продолжали напирать на русскую действительность то ли «польскую» модель, то ли «французскую». Но это уже непростительная тупость.

А в «августовском» споре Гитлер оказался совершенно прав, и роковой его ошибкой стала не «августовская» директива, а «сентябрьское» решение о возобновлении наступления на Москву, когда он не устоял перед напором генералов.

Гитлер, как известно, не кончал академий, но то ли здравый смысл, то ли интуиция, а скорее всего и то, и другое подсказывали ему, что не следует искушать судьбу: если не удался «Блицкриг», то и сам план «Барбаросса» перестает быть действующей основой проводимых операций. Как выяснилось, Вермахт изначально не мог с одинаковым успехом проводить операции одновременно на всех трех направлениях, как то предусматривал план «Барбаросса» — не хватало военной мощи. Поочередность же наступления то на одном, то на другом направлении не могла обеспечить выполнения общей стратегической задачи: выход на линию «Волга — Архангельск». Гитлер это понял еще в конце лета и в его «августовской» директиве обозначены более скромные цели, которых следовало добиться до наступления зимы: группа Лееба соединяется с финнами, группа Рундштедта овладевает Северным Кавказом, группа Бока закрепляется на рубежах где-то между Смоленском и Вязьмой. Ни о Москве, ни о Волге, ни об Архангельске ничего уже не говорилось.

Осуществив Вермахт этот план к осени сорок первого и его положение к весне сорок второго было бы куда лучше, нежели то, в каком он оказался в результате повторного наступления на Москву.

2 октября наступление началось. Начала свое наступление и осень: все реже выдавались ясные дни и они становились все короче и короче — эффективность авиации падала; зачастили дожди, дороги превращались в месиво («Даже тракторы продвигались с огромным трудом. Большая часть нашей тяжелой артиллерии намертво застряла в грязи», — вспоминал

потом генерал Блюментрит»). Но главное – усилилось сопротивление русских.

В начале ноября немецкая армия с севера и с запада уже достигает предместий Москвы, но на южном направлении она никак не может овладеть Тулой. 7 ноября на Красной площади Москвы проводится военный парад. Гитлер впадает в истерику. С каждым днем крепчают морозы, полураздетая немецкая армия обретает теперь новый вид потерь: обмороженные. Немецкие генералы, которые еще недавно рвались в наступление, начинают просить у Ставки разрешения на частичный отвод войск, но Гитлер неумолим, он требует только наступления.

«Ледяной холод, укрытий нет, нехватка теплой одежды, тяжелые потери среди личного состава и боевой техники, из рук вон плохое снабжение горючим – все это превращает обязанности командира в жалкие хлопоты, и чем дольше продолжается такое положение, тем сильнее давит неимоверная ответственность, которую на меня возложили».

Так будет оценивать сложившуюся ситуацию мужественный Гудериан, еще недавно рвавшийся в наступление, а уже после войны Типпельскирх засвидетельствует: «Ни один приказ не мог уже двинуть вперед эти войска, которые ценою нечеловеческих усилий сделали все возможное и вынесли невыразимо тяжелые испытания. После того как все просьбы командующих не переутомлять войска ни к чему не привели, упрямая натура Гитлера была, наконец, сломлена, и 6 декабря был дан приказ прекратить наступление».

И в тот же день советские войска тоже получили приказ: начать контрнаступление. Немецкий Генштаб опять оказался не осведомлен не только о намерениях, но и о готовности противника осуществить широкомасштабные наступательные операции по всему «подмосковному» фронту, общая протяженность которого достигла 600 километров.

Успехи советских войск повергли гитлеровское руководство и самого Гитлера в шоковое состояние: начнут искать виноватых. 19 декабря уйдет в отставку главком сухопутных войск фельдмаршал Браухич (его пост займет сам Гитлер), оставят свои посты все три командующих группами армий, из ведущей пятерки генералов пока сохранит свой пост лишь начальник Генштаба Гальдер. В той или иной степени в немилость попадут около двадцати генералов. В германском генералитете воцарится паника.

Обстановка на советско-германском фронте стабилизировалась лишь в начале весны. На конец февраля, по словам Гальдера, общие потери немцев (не считая потерь их союзников) составили миллион человек, то есть 31 процент всей численности войск Восточного фронта. Эти потери окажутся столь ощутимы, что группа армий «Север» и группа армий «Центр» уйдут в глухую оборону и уже больше никогда не предпримут никаких серьезных наступательных операций. Таким образом, ни одна из групп не добилась стратегической цели, более того, Россию не удалось отрезать ни от одного из ее морей. По-прежнему продолжал сражаться Севастополь.

Потом станут писать, что под Москвой русские развеяли миф о непобедимости немецкой армии. Нет, русские развеяли не миф, они под Москвой разгромили самую сильную и действительно непобедимую группу армий «Центр», на успехах которой, по сути дела, держался весь фронт немцев. И битва под Москвой это не одно из крупнейших сражений Великой Отечественной войны, это была г л а в н а я битва всей Второй мировой войны, которая и предопределила ее общий исторический исход. Москва еще раз сыграла всемирно историческую роль, положив начало концу очередной претензии на мировое господство.

Летом 1942 года Гитлер, произведя тотальную мобилизацию всех материальных и людских ресурсов,

вспомнит самый первоначальный план нападения на Советский Союз, сработанный еще в июле 1940 года начальником штаба 18-й резервной армии генералом Марксом, и предпримет на южном участке фронта мощное наступление в направлении Сталинграда. И повторится прошлогодняя история. 6-я армия фельд-маршала Паулюса выйдет к Волге, захватит почти весь город, а на дворе опять будет стоять ноябрь месяц, морозы и ветры в этих местах покpуче московских, а солдаты по-прежнему будут «щеголять» в пи-лоточках и шинельках.

По плану генерала Маркса, мощный клин, достигший Волги, должен круто поворачивать на север, и русские армии, оборонявшие центральные районы России, получили бы с левого фланга этого клина «перевернутый фронт», то есть там, где у них был тыл, образовался бы фронт. Первую часть этого плана Паулюс выполнил, до Волги он дошел, а вот вместо того, чтобы повернуть на север, он со своей армией угодил в плен.

Интересно и такое совпадение: операцией по разгону и пленению 6-й армии Паулюса руководил маршал Жуков, а летом 1939 года он, будучи тогда командиром, разгромил тоже 6-ю армию, только японскую (под Халхин-Голом). Разгром двух «шестерок» – в этом есть что-то символическое.

Летом 1943 года на «Курской дуге» разыграется самое крупное танковое сражение. И это станет последней попыткой Гитлера переломить ход событий на Восточном фронте. Наступательный потенциал немецких войск здесь будет исчерпан окончательно.

Минуло 50 лет с того дня, когда наши отцы и деды поставили победную точку в Берлине. Сегодня же, после десяти лет «горбачевской» перестройки, не случайно начавшейся лишь тогда, когда последний

солдат Великой Отечественной ушел уже на пенсию, мы вынуждены даже церемонию празднования **нашей Победы** согласовывать не только с нашими бывшими союзниками, но и с нашими бывшими противниками. Как же легко мы промотали Великую Победу, польстившись на пустые посулы и обещания.

Минет еще 50 лет, и честные люди России помянут добрым словом всех тех, кто торил тяжелый и кровавый путь от Москвы до Берлина, но вот что скажут они «про нас после нас» – об этом-то и подумать страшно.

1995 г.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ

Национальное самоотречение, в пользу ли вселенского церковного интереса или же в пользу вселенского идеологического интереса (к примеру, идея мировой революции), — всегда обман или самообман и всегда объективное уклонение от своей национальной ответственности перед другими народами. У великих народов есть только одно преимущество перед другими народами — их историческая ответственность за общую судьбу мира. Только преимущество ли это?

В эпоху демократического безумия историческая наука расщепляется на факты и фактики, которыми порой ловко, порой грубо манипулируют в угоду своим политическим или партийным интересам...

В период гражданской войны дворянство (Белое движение) сумело лишь красиво уйти с исторической сцены, но выиграть сражение оно уже не могло, так как то был уже финал, финал того генерального сражения, которое дворянство проиграло еще в предыдущем столетии.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ

Меж ними все рождало споры
И к размышлению вело:
Племен минувших договоры...

А. Пушкин

Долгие десятилетия молчание у нас отождествлялось с благополучием. Возникали какие-либо проблемы, мы молчали, и вроде бы этих проблем не существовало. Но самое упорное молчание мы хранили по поводу межнациональных отношений. Любое обсуждение национального вопроса, кроме фестивального, считалось неизвинительной крамολой и квалифицировалось как национализм или даже шовинизм, и тут сразу же начинало попахивать уголовным кодексом. Строжайший запрет распространялся даже на наше дореволюционное прошлое, все было сведено к простейшей формуле: «Царская Россия – тюрьма народов» – так до семнадцатого года; «Союз нерушимый республик свободных...» – так потом. И никаких сомнений, никаких рассуждений, никаких дискуссий. Мнимое благополучие порождало вполне реальное благодушие, научная разработка национального вопроса была навсегда ассимилирована пропагандой, которая с непадающим упорством внушала, что нерушимая дружба народов нашей страны столь же неотвратима, как, скажем, вращение Земли вокруг своей оси.

Так или иначе, но слишком затянувшееся наше молчание было нарушено голосом самой жизни. Казах-

стан, Закавказье, Прибалтика... Отточие я здесь ставлю не случайно, как не случайно и название моей статьи, я его позаимствовал у известного русского философа Владимира Соловьева, выпустившего сто лет назад под таким названием книгу, которая, к сожалению, не вызвала особого интереса у тогдашнего широкого читателя. Теперь она читается как некое предсказание, от практического воплощения которого автор «Национального вопроса в России» наверняка пришел бы в ужас.

Я долго ломал голову, ища «проходимое» и в то же время неуклончивое название для своей статьи, затем задал самому себе вопрос: «А выдержит ли, к примеру, наша нынешняя гласность точную формулировку столетней давности и разговор о том, о чем мы давно привыкли молчать?» Решил, что выдержит, хотя, признаюсь, в этом моем решении все-таки было больше надежды, чем уверенности.

Некоторые суждения Владимира Соловьева, касающиеся отдельных концепций отечественной истории, весьма любопытны. К примеру, В. Соловьев утверждал: «Наша история представляет два великие истинно-патриотические подвига: призвание Варягов и реформу Петра Великого. И против этих-то двух великих подвигов народного духа восстают во имя патриотизма, отвергают первый из них, как басню, а второй осуждают, как историческое злодеяние».

Пожалуй, за давностью времени и за отсутствием строго документальных доказательств я не возьмусь опровергать ни одну из научных «басен» по «варяжскому вопросу», но отлучать Петра I от злодеяний против своего народа – значит умышленно притеснять историческую достоверность. Во мнении многих и по сей час «окно в Европу» оправдывает и массовые казни, и пытки, и обращение крестьян в рабов, и лишение русского народа его исторической столицы, и подчинение церкви государственному департаменту (Святейшему

Синоду), и многие мероприятия, унижающие человеческое достоинство.

В. Соловьев не был ни деспотом, ни злодеем, напротив, многие современники отзывались о нем, как о благородном и чистом человеке. Так, наверное, оно и было на самом деле. Не личные качества, а убеждения заставили его вдруг «забыть» многие подробности отечественной истории, и не только относящиеся к эпохе петровских реформ. «Русское государство, зачатое Варягами и оплодотворенное татарами...» Даже кровавые ужасы татаро-монгольского нашествия благородный философ посчитал историческим благом – оплодотворяющим моментом. Только инквизиторская убежденность давала возможность оставаться спокойным, перелистывая самые кровавые страницы истории своего народа, и бесстрастно поучать: «Мы должны помнить, что мы как народ спасены от гибели не национальным эгоизмом и самомнением, а национальным самоотречением».

Конечно, национальный эгоизм и самомнение – вещи не самые предпочтительные, но почему им в качестве альтернативы следует выдвигать национальное самоотречение, которое для любого народа просто пагубно? И во имя чего нужно стремиться к национальному самоотречению русскому народу? На это Владимир Соловьев дает ясный ответ:

«Истинный патриотизм не боится католической пропаганды, как не боялся норманской власти, как не боялся немецкой школы. Настоящая вера не знает страха, и настоящая любовь не терпит бездействия и косности: она требует действительного и определенного выражения. Так, в начале нашей истории любовь к отечеству выразилась в любви к государственному порядку, который был прежде всего нужен для отечества (имеются в виду варяги. – А.Л.); во времена Петра Великого и Ломоносова любовь к отечеству выражалась в любви к просвещению, которое тогда было более всего нужно

для отечества. Ныне степень народного возраста и народные нужды выдвигают на первый план такое дело, которое еще выше и важнее, чем государственный порядок и мирская культура – дело церковного порядка и духовной культуры. И во имя самой России, из любви к ней, т. е. к ее высшему благу, мы должны быть преданы не русским (в тесном эгоистическом смысле) интересам, а вселенскому церковному интересу – он же и глубочайший окончательный интерес России».

В. Соловьев весьма настойчиво высказывался в пользу католической церкви, видя в папстве надгосударственный религиозный институт: «Я же с своей стороны глубоко и твердо убежден, что церковное примирение Востока и Запада есть именно национальная историческая задача России... Для духовного обновления России необходимо отречение от церковной исключительности и замкнутости, необходимо свободное и открытое общение с духовными силами Церковного Запада».

Итак, России необходимо двойное отречение: национальное и религиозное, то есть отречение от христианства в его восточной интерпретации, иначе...

«Мы доселе смотрим, на западную церковь с таким же враждебным недоверием и предубеждением, с каким наши предки смотрели на западную цивилизацию; если бы они не победили в себе этого отвращения и не вступили бы в культурное общение с Европой, Россия теперь не существовала бы как полноправный и важный член исторического человечества; и точно так же если мы теперь не откажемся от своей религиозной исключительности и предубеждения (то есть от православия. – А.Л.), Россия не будет в состоянии явиться как всемирно-религиозная сила для служения вселенскому христианскому делу».

Как видим, В. Соловьев считал, что Россия должна посвятить себя служению в с е л е н с к о м у христианскому делу, и не менее! Он видел предназначение рус-

ского народа в осознании себя действующим лицом в деятельном пересоздании мира-хаоса в Божественный мир-космос, но эта деятельность представлялась ему невозможной без создания единой христианской Церкви. Русский народ, по мысли В. Соловьева, должен был взойти на планетарную Голгофу и во имя вселенского обновления и единения принести, по примеру Христа, искупительную жертву. Однако тому должно предшествовать самоотречение от всего личностного, а личностное для народа – это религиозные и национальные чувства, питающие его самобытную культуру.

Но почему при создании вселенской церкви предпочтение отдается католической, а не православной или, скажем, мусульманству? Думается, целесообразно подключить к нашему разговору и кого-нибудь из современников В. Соловьева. Предоставим слово хотя бы толкователю учения В. Соловьева профессору П. Н. Милюкову.

22 января 1893 года в аудитории Исторического музея П. Н. Милюков прочитал публичную лекцию на тему: «Разложение славянофильства» (позже она была включена в книгу под названием «Из истории русской интеллигенции»), в которой обстоятельно анализировалась эволюция религиозно-философских взглядов В. Соловьева. Опираясь на эту работу П. Милюкова мы вправе еще и потому, что в книге (1902) дается следующая сноска: «Позволю себе прибавить, что статья эта, прежде напечатания ее в «Вопросах Психологии и Философии», была прочитана покойным В. С. Соловьевым и фактическое изложение своего учения он признал совершенно правильным».

«После пришествия Христа, сосредоточившего принцип Богочеловечества в одном своем лице, – говорил П. Милюков, толкуя религиозно-философскую концепцию В. Соловьева, – задачу полного осуществления идеи Богочеловечества берет на себя Церковь. Для того, чтобы выполнить эту задачу полного слияния чело-

вечества с Божеством, церковь должна пропитать мирское общество христианским началом. Но для этого ей необходимо содействие государства. Принцип церкви, стоящей выше государства, Христианство осуществило в папстве: папство и должно поэтому оставаться средоточием всемирной церкви».

В. Соловьев считал, что Византия погибла благодаря омертвлению ее церкви и та же участь ожидает современную православную церковь. В кратком изложении П. Милюкова взгляд В. Соловьева на восточную церковь выглядит так: «Что касается церкви восточной, в ней, напротив, государи старались стать выше церкви... Византийские церковные иерархи из национальных и личных расчетов предпочитали получить не совсем точную формулу веры из рук императора, чем взять истинную формулу из рук пап. Наконец, период ересей кончился; ереси, благодаря настойчивости западной церкви, были осуждены вселенскими соборами. Тогда еретическое понимание церкви, как сферы жизни, обособленной от государства, «вошло внутрь» восточной церкви. Замкнувшись в свою обособленность от мира и общества, она приобрела мертвенный характер и не могла действовать на жизнь, не могла воспитывать общества».

В. Соловьев абсолютно прав, восточные государи старались встать и становились выше церкви, особенно в этом деле преуспел Петр I, с которого и началось резкое падение влияния церкви на общество.

«Россия XVI века, крепкая религиозным чувством, богатая государственным смыслом, нуждалась до крайности и во внешней цивилизации, и в умственном просвещении... С воссоединением Киева и Малороссии в XVII веке Московское царство становится всероссийским.

Но чтобы эта *новая национально-политическая сила* могла вступить на поприще всемирной истории для сознательного и плодотворного служения делу Божию на земле, ей необходимо было всеми средствами деятельности и

путем *постепенного* просвещения дойти до сознания своей вселенской задачи» (выделено мной. — А. Л.).

И тут же В. Соловьев возносит до небес Петра I, который никакой постепенности не признавал и делал все, чтобы разрушить «крепкое религиозное чувство», а церковь, о которой так хлопотал В. Соловьев, по сути дела превратить в государственное учреждение, и именно с Петра I русская православная церковь начала обособляться от остального общества и терять свою самостоятельную роль в его воспитании. Вообще, надо заметить, у В. Соловьева уж слишком часто не сходятся концы с концами.

«Петр Великий действительно любил Россию, т. е. сострадал ее действительным нуждам и бедствиям, происходившим от невежества и дикости», — писал известный философ и честный человек Владимир Сергеевич Соловьев. Так неужели он не знал, что именно Петр I превратил земледельцев в рабов, которых стали продавать и покупать, как скот, на рынке, оптом и в розницу? Знал. И неужели он не знал, что новая столица построена на костях человеческих? Знал. А может, он не знал, сколько было пролито христианской крови при падении Византии или во время татаро-монгольского нашествия? Знал. И не сострадал. За вселенской идеей всегда теряется человек с его болью и страданиями, с его действительными, а не книжными нуждами и надеждами. Но В. Соловьев вразумлял: «Можно и должно дорожить 'различными особенностями народного характера и быта, как украшениями или служебными атрибутами в земном воплощении религиозной истины. Но во всяком случае религиозная и церковная идея должна первенствовать над племенными и народными стремлениями».

«Западная церковь, — продолжает свой анализ религиозно-философских взглядов В. Соловьева П. Миллюков, — постоянно старалась о воспитании общества и о проникновении его христианскими началами. Но у ней

не было тех средств для успеха, которые могло дать только сильное государство: государство, в лице Германской империи, вступило вместо союза в борьбу с западною формой христианства. “Историческое предназначение России состоит, кажется, в том, чтобы дать всемирной церкви политическую власть, необходимую ей для спасения и возрождения Европы и мира”. Только с помощью такого союза между русским царем и римским первосвященником всемирная церковь может выполнить лежащую на ней высшую задачу – осуществить на земле принцип Богочеловечества... Русский народ призван к решению этой задачи, но первым шагом к этому решению должен быть акт национального самоотречения: отречения от узкой формы национальной церкви».

Так в чем же состоит историческое предназначение России и русского народа: в исполнении особой нравственно-религиозной миссии, в повторении подвига Христа или в исполнении военно-политических акций папства, в повторении подвигов крестоносцев, чтобы в новых исторических условиях осуществить на земле принцип Богочеловечества?

И тут у В. Соловьева нет четкой позиции, он постоянно склоняется то в одну сторону, то в другую. Есть во вселенской концепции В. Соловьева еще одна очень серьезная неувязка, на которую нельзя не обратить внимания.

Конечно, мы не вправе требовать от философа практических рекомендаций и объявления конкретных сроков исполнения его исторических предначертаний, однако теоретический вопрос поставить мы вправе. Допустим, что нас убедили в омертвлении и нежизнеспособности восточной христианской церкви, стало быть, мы отвернемся от этой веры, однако где гарантия, что мы обратимся в ту веру, которую нам рекомендуют как истинную? Вера – это не кафтан. Кафтан снял, в исподнем ходить не будешь, наденешь сюртук, если тебе его

предлагают. И во времена В. Соловьева чаще всего случалось так, что человек, отринув какую-либо веру, уже не примыкал ни к какой другой. Практически «акт самоотречения от узкой формы национальной церкви» работал против религиозно-философской концепции В. Соловьева.

Неувязки, фантазии, противоречия... Нет, мы не должны видеть в В. Соловьеве какого-то скрытого врага русского народа, желавшего его растворения, его добровольной ассимиляции в группе народов латинского мира. В заботах о построении целостного мира под эгидой католической церкви он отводил русскому народу довольно почетную роль, пусть и не всегда был здесь последовательным. Так, в «Открытом письме» к И. С. Аксакову В. Соловьев привел такой лестный для русского сердца довод: «Обыкновенно народ, желая похвалить свою национальность, в самой этой похвале выражает свой национальный идеал, то, что для него лучше всего, чего он более всего желает... Что же в подобных случаях говорит русский народ, чем он хвалит Россию? Называет ли он ее прекрасной или старой, говорит ли о русской славе или о русской честности и верности? Вы знаете, что ничего такого он не говорит, и, желая выразить свои лучшие качества к родине, говорит только о «святой Руси». Вот идеал: не консервативный и не либеральный, не политический, не эстетический, даже не формально-этический, а идеал нравственно-религиозный... *Святая Русь требует святого дела*».

Все так, только вот по поводу «святой Руси» мне бы хотелось через столетие поспорить с нашим знаменитым философом.

На исходе столь привычного для нас второго тысячелетия течение времени вдруг получило добавочное ускорение. Сейчас каждый месяц происходит столько судьбоопределяющих событий, на которые прежде история тратила многие и многие годы. Разумеется, одни из них таковыми только кажутся, а другие таковыми

являются на самом деле. И если брать нынешний 1988 год, то к разряду последних я в первую очередь отнес бы празднование тысячелетия Крещения Руси. Возможно, многие со мной и не согласятся, но по данному вопросу никто меня ранее чем через тысячу лет опровергнуть не сможет. Нет, я вовсе не собираюсь хоть как-то умалить значение всех остальных происходящих нынче событий, более того, я хочу поставить многое, что происходит сегодня, в закономерную связь с тем, что произошло десять веков назад.

Вероятно, тогда наши далекие пращуры переживали нечто схожее с тем, что мы переживаем сегодня, то есть они, наши пращуры, стояли перед выбором: быть или не быть, а е с л и б ы т ь, то что для этого нужно делать. Возможно, и перед ними стояли экономические, политические, нравственные, бытовые проблемы, но они искали не сиюминутного разрешения отдельных проблем и вопросов, а универсального и долговременного решения, способного обеспечить в веках развитие молодого народного гения. И они приняли христианство в его восточной интерпретации, чем на тысячелетие и определили свою судьбу. И не только свою. Прими они, к примеру, ислам, и вся история остальной Европы выглядела бы сегодня совсем по-другому.

А государственность к нам занесли не варяги, она имманентно вытекала из самой идеи христианского сообщества, когда защита единой церкви от посягательств «неверных» сплачивала единоверцев в общественный организм, то есть в государство. Разумеется, это лишь самая общая схема, которую весьма трудно различить в переплетающихся противоречиях и многочисленных подробностях постоянно сменяющих друг друга различных исторических эпох. Борьба восточной и западной христианских церквей, раскол православной церкви еще более затемняют исторический смысл принятия Русью христианства.

И другое. Христианство по-своему развивало человека, оно воспитывало в нем инстинкт индивидуального бытия в первую очередь. Пусть взор христианина был постоянно обращен в сторону неба, где ждала его вечная благодать, но его интересы постоянно были прикованы к земле, ибо «пропуск» туда, на небо, он получал здесь, на земле. От земной жизни зависела его вечная будущность, разумный эгоизм толкал его в сторону совершения добродетельных поступков — так выстраивалась историческая нравственная личность. Любя своих детей, любя своих ближних, христианин и в них воспитывал те качества и наклонности, которые вели бы к спасению души, так развивалась общественная духовная жизнь, у которой был общий дом — христианский храм, где и происходило общее единение в вере, то есть единение происходило на высших этажах нравственного бытия. Разумеется, и это лишь самая общая схема, которую так же трудно различить во внешнем потоке живой повседневной действительности.

Сложность зрелых цивилизаций как раз и состоит в том, что они складываются из бесконечного ряда исторических впечатлений народов и содержат в себе, пусть даже в очень трансформированном виде, все уже ранее бытовавшие представления народов об общем смысле человеческого существования

Сложность современного человека состоит в том, что он все равно остается немного просто «естественным» человеком, немного язычником, немного христианином (мусульманином, буддистом, иудеем), немного атеистом или безбожником, немного еще чем-то, что не имеет пока своего названия. Дробность современного человека бросает его из одной крайности в другую в поисках потерянного универсального ответа на проклятый вопрос о смысле человеческого бытия.

И в «святой Руси» мне видится *предание, завет*, а не выношенный в трудной исторической жизни идеал будущего религиозного имперостроительства.

Свою книгу «Из истории русской интеллигенции» П. Милюков издал в 1902 году, уже после смерти В. Соловьева. В коротенькой сноске к статье «Разложение славянофильства» он сделал следующий вывод: «Нечего и говорить, что соловьевская эсхатология последних годов, его учение о близком пришествии антихриста, именно и было возвращением к такому пессимизму отчаяния, после неудавшейся попытки – пропагандировать в обществе свой теократический идеал и создать почву для примирения двух противоположных мнений».

Действительно, в девяностые годы прошлого века и в начале нынешнего не только теократические, но даже и религиозные идеи уже не могли иметь широкого распространения, общественная мысль развивалась совсем в другом направлении, однако это не повод и уж тем более не причина предавать вечному забвению мысли выдающихся людей, – а у нас есть все основания считать Владимира Соловьева именно таким человеком, – если эти мысли и не совпадали с настроением тогдашнего общества.

Порой даже ошибочные прозрения оригинального мыслителя дают нам больше для понимания развития исторического процесса, нежели очевидные истины, которых в то или другое время придерживалось большинство. Еще более причудливыми в ту эпоху оказались отношения общества со своим гениальным современником – Львом Толстым.

* * *

В 1908 году широко отмечалось восьмидесятилетие Толстого, периодическая печать отдала соответствующую дань этому знаменательному событию. С. Франк в статье «Лев Толстой и русская интеллигенция» подметил весьма любопытную деталь.

«Просматривая весьма обширную юбилейную литературу о Толстом,— писал он,— невольно поражаешься одним бросающимся в глаза контрастом — контрастом между восторженным восхвалением его гения и почти всеобщим равнодушным или отрицательным отношением к его идеям. Еще раз приходишь к выводу, что Толстой — *наиболее прославляемый* и, кажется, *наименее признаваемый* писатель современности» (курсив мой.— А.Л.). С. Франк справедливо отвергает объяснение равнодушия интеллигенции к идеям Толстого их излишней рациональностью и простотой, утверждая, что современная интеллигенция как раз более всего соблазняется именно рациональностью и простотой. «Разве, например,— задает он резонный вопрос,— популяризированная (и вульгаризированная) Каутским теория марксизма с ее чудовищно-искажающим упрощением жизненных взаимосвязей менее наивна, чем вера Толстого?»

По мнению С. Франка, причина неприятия идей Толстого коренилась в «*невосприимчивости современной интеллигенции к религиозному чувству, и религиозному отношению к жизни*» (разрядка С. Франка.— А.Л.).

Какие уж тут теократические концепции, если общество отказывалось принимать и даже понимать элементарные идеи Толстого о нравственном самостроительстве, фанатично веруя, что путь к всеобщему исцелению лежит не через личное самоусовершенствование и уж тем более не через создание теократической химеры (вселенская Церковь-государство), а через социальное переустройство мира на идеях политического равенства и социальной справедливости.

«Толстой, — продолжает С. Франк, — не удовлетворяет некоторых из нас, потому что он *односторонний и слабый религиозный мыслитель*; но огромное большинство интеллигенции он не удовлетворяет несомненно потому, что он, все же, *подлинно религиозный мыслитель*... Нет сомнения, истинная религиозность, объемля

весь круг человеческой жизни, включает и решение проблемы общественности; но она подчиняет эту проблему проблеме личности и никогда не забывает о внутренних личных корнях общественности. Напротив, где общественности придается самодовлеющее, исчерпывающее и верховное значение, там мы всегда имеем дело с духовным позитивизмом, как бы он ни называл себя сам и чем бы себя ни обосновывал. И в этом именно – коренной разлад между русской интеллигенцией и Толстым; это есть разногласие между религиозным и позитивно-общественным миропониманием, выражающееся прежде всего *в различном отношении к общественности*» (курсив мой. – А.Л.).

И как тут не вспомнить В. Соловьева с его упреками в адрес восточной церкви, которая, по его мнению, устранилась от воспитания общества, замкнулась «в свою обособленность от мира». «Если неподвижность нашей церкви, – писал В. Соловьев, – есть не смерть, а усыпление, то нужна свобода, чтобы разбудить ее... Только свободное развитие может сохранить за религиозным преданием живую силу и примирить с ним умы, искренно ищущие правды».

Как видим, через полтора десятилетия – стало очевидным, что «наша церковь» впала в такое усыпление, что, с одной стороны, общественность уже не принимала ничего, что было связано с религиозными исканиями, а с другой – сама церковь отторгала от себя всех тех, кто искренне стремился к религиозной правде (отлучение от церкви Толстого). Предсказания В. Соловьева, высказанные им когда-то в виде постановки задач перед русским обществом, стали понемногу сбываться: общество фактически отрекалось от православной церкви, но от этого оно не стало ближе к церкви западной, общество все более и более склонялось к атеизму или впадало в мистику.

С. Франк тонко подмечает: «Общественник» презирает заботы и жизненные нужды, когда они касаются о д-

н о г о человека, и поглощен теми же заботами, если они относятся ко м н о г и м, к «большинству» или «обществу». Он не видит никакого смысла и цели в личной жизни и вместе с тем усматривает абсолютную и непрекаемую ценность в преследовании интересов той же личной жизни, если дело идет о массе или большинстве людей. **Он требует от личности самоотречения** и бескорыстия во имя столь же субъективных, т. е. эгоистических интересов «общества», которое, в конечном счете, есть все же только совокупность людей» (выделено мной. – А.Л.).

Припомним, что в конце минувшего века В. Соловьев призывал к национальному самоотречению, а в начале нынешнего века заговорили уже о самоотречении личности, а если еще учесть, что общество не вдохновлялось никакой положительной национальной идеей, то мы вправе констатировать крушение или появление признаков крушения внутренней структуры всего общественного организма. В таком состоянии страна вступила в губительную для себя Первую мировую войну.

На рубеже двух столетий Д. Мережковский в статье, посвященной столетию со дня рождения Пушкина, имея в виду Петра I из «Медного всадника», открыто и с большим пафосом восклицал:

«Какое дело гиганту до гибели неведомых, бесчисленных? Какое дело чудотворному строителю... до крошечного ветхого домика на взморье, где живет Параша – любовь смиренного коломенского чиновника? Он погибнет? И пусть! Не он первый, не он последний. Воля героя умчит и пожрет его, вместе с его малою любовью, с его малым счастьем, как волны наводнения – слабую щепку. Это – рок. Не для того ли рождаются бесчисленные, равные, лишние, чтобы по костям их великие избранники шли к своим неведомым целям?.. Вся русская литература после Пушкина будет демократическим и галилейским восстанием на того гигантского всадника, который над бездной «Россию вздернул на дыбы».

Вы думаете, тогдашнее общество возмутилось, пришло в негодование, урезонило молодого поэта, вдруг впавшего в откровенное ницшеанство? Ничего подобного. Конечно, некоторые пытались и возражать, однако их голоса тонули в громких восторгах тех, кто с нетерпением ожидал пришествия героя.

«Все навыворот – вот тайный лозунг г. Мережковского, – писал тогда известный критик и публицист – М. Меньшиков. – Увлечшись переоценкой вечных пенностей человеческого духа, в качестве рабского подражания Ницше, г. Мережковский восстает против «галилейской жалости» как против какой-то подлости, думая, что он говорит что-то умное... Я вовсе не отрицаю героизма, но истинные герои шествовали не по костям народов, а умирали на крестах, на кострах или с чашею яда в руке... Не они были истребителями, а их истребляли. После них осталась мысль, которая продолжала героическое служение человечеству, и мысль эта была не за насилие, а против него».

И далее оппонент Д. Мережковского высказывает несколько любопытных мыслей и впадает в одно явное заблуждение, оценить которое помогают нам прошедшие с тех пор десятилетия:

«Мнение одного мудреца более ценно, чем мнение толпы». Бесспорно, – но вопрос идет не о мнениях, а о желаниях толпы, которую нужно покорить. Если бы в каждую минуту в человечестве был всего лишь один «герой», ну, тогда рецепт г. Мережковского о «дрожащей твари» имел бы некоторый, хоть и некрасивый смысл... Но что если «великих» явится несколько и все они одновременно предъявят требования покорности? – как это и бывает в современном обществе».

Действительно, когда разваливаются общественные и государственные структуры и наступают смутные времена, как бы из небытия возникает великое множество «гениев без портфелей», и каждый из них претендует на тот или иной (будь то поэтический или поли-

тический) престол, который в другие времена, более уравновешенные, никому из них даже и не снился. И образуется целая иерархия «гениев» или «героев» и каждый из них стремится подняться все выше и выше, а для этого нужно от чего-то отталкиваться, а это «чего-то» всегда состоит из «кого-то», вот оно и получается — по костям.

Другая мысль М. Меншикова тоже весьма любопытна:

«Психология героев и толпы не так уж хитра, но г. Мережковский понимает ее наизусть. Он полагает, что такие герои, как Наполеон I, Робеспьер и проч., относились с величайшим презрением к черни. Он грубо ошибается. Именно хищные герои ухаживали за чернью и ставили себя в уровень с нею,— иначе им не увлечь бы своих полчищ... Истинные герои, пророки и мудрецы не прибегали к такому подлаживанию к своей среде — и конец их был иной».

Обычно принято считать, что льстят только «высшим», ибо от их воли зависит судьба «нижестоящих», однако в жизни всегда бывает так, что возникает взаимная зависимость, и циркуляция лести происходит и снизу вверх, и в противоположном направлении. У нас, к примеру, многие десятилетия льстили пролетариату, говоря то о его гегемонии, то о его диктатуре, однако почему-то все стремились (если куда-то стремились) в диктатуру, и никто — в пролетариат. А куда стремились из пролетариата? Во всяком случае, в алкоголики стремились куда чаще, чем в диктатуру. С гордостью за свои демократические порядки мы говорили: «Был когда-то простым рабочим, а стал министром». Но мне так ни разу не удалось услышать: «Был простым министром, а стал рабочим, то есть гегемоном». Нет, так и не добились мы полной демократии, когда номенклатурные работники тоже бы имели возможность попадать в класс-гегемон. Даже их дети, словно прежние «лишенцы», не имеют никаких шансов пробиться в этот класс.

И еще одно, теперь уже кажущееся наивным упование М. Меншикова:

«Преклоняясь перед героями вроде Наполеона без всякой критики, возводя их в герои только за внешний успех, закрывая глаза на их чудовищные недостатки, на их низость, г. Мережковский поступает сам как представитель черни. Именно ведь чернь идолизировала генерала Бонапарта и возвела его в герои. Именно толпа подхватила его «на щит» и вывела в полубоги. Но толпе простительно: она невежественна. Для толпы невозможен критический взгляд на «героя», ей неизвестны настоящие замыслы героя, бесчисленные условия, из которых слагается настоящая, нелегendarная жизнь... Но прилично ли писателю становиться на эту точку зрения «черни»?

Как показала жизнь, многие писатели посчитали приличие всего лишь предрассудком и потому освободились от него без каких бы то ни было усилий и колебаний.

Итак, к концу восьмидесятых годов В. Соловьев увидел спасение в католичестве, но не в простом принятии католицизма, а в построении вселенского христианско-католического государства при непременном национальном самоотречении. Пусть концепция В. Соловьева и не пользовалась особой популярностью, но он, как сейсмический прибор, верно зарегистрировал подземные толчки истории и довольно верно определил их последствия.

Еще через десятилетие, в преддверии нового века, Д. Мережковский станет ждать пришествия героя, типа Наполеона или Петра I, который бы прошел по костям и сотворил бы что-нибудь великое, вздержнув Россию на дыбу.

Пройдет еще десятилетие, и С. Франк обнаружит, что общественная жизнь идет как бы мимо самого человека, требуя от него уже не только национального, но и личностного самоотречения во имя какого-то абстракт-

ного общественного благоденствия с прицелом на планетарный масштаб.

III

Если мы приблизимся к нашему времени еще на десятилетие, то попадем в 1918 год, как раз к началу и к разгару гражданской войны. И что же мы увидим?

Во-первых, произошло абсолютное национальное самоотречение: не успели винтовки остыть от огня на германском фронте, как с теми же винтовками брат пошел на брата, сын на отца, жена на мужа и истребляли друг друга с таким ожесточением, какое никогда не пробуждалось в борьбе с иноземными врагами.

Во-вторых, произошло страшное гонение на религию, рушили и грабили храмы, а священнослужители оказались одними из первых, кто стал обживать поселения нового типа – концентрационные лагеря, из которых потом и вырастет архипелаг ГУЛАГ.

В-третьих, хотя теперь ни о каком вселенском христианском государстве никто и не помышлял, **но вселенский замах сохранился**. Идея мировой революции с целью создания вселенского, безрелигиозного, безнационального государства стала считаться единственно ненаказуемой идеей.

В-четвертых, восторжествовала и даже абсолютизировалась система «варяжской» власти. Со временем «варяжизация» достигнет почти тотальной степени и в основу ее ляжет не только национальный признак, но и признак «человека со стороны». Потом даже председателей колхозов и то станут привозить откуда-то – лишь бы не из местных. «Человек со стороны», а проще сказать, «варяг» – явление в нашей жизни громадное и совсем неизученное.

В-пятых, в таком бесструктурном государстве человек замыкается непосредственно на государство, а в практической жизни на его всесильных представителей

(«медных всадников») и теряет не только свои личные права, но даже и желания.

Как мы знаем, за десятилетие до этого, по наблюдению С. Франка, личность уже призывали к самоотречению.

В-шестых и в итоге, «героев» нахлынула тьма-тьмущая, единственным и самым веским аргументом в диалоге стал маузер или что-нибудь в этом роде. Черная кожаная куртка стала олицетворять все, что уже не должно быть связано с жизнью. Сбылись ожидания Д. Мережковского и опасения М. Меншикова. Но первый почему-то не ужился с «медными всадниками» и благоразумно отъехал на Запад, где жизнь была вовсе не героической, но зато по-буржуазному сытой и безопасной. А второго как реакционера без суда и следствия среди бела дня расстреляли в огненном 1918 году. Так закончат свой «диалог» талантливый поэт Д. Мережковский и ныне забытый талантливый критик и публицист М. Меншиков. Еще десятилетие – и мы поспеем к началу коллективизации, к началу гражданской войны в деревне.

Великая многонациональная держава, построенная на идее всеобщего национального самоотречения, пусть даже самоотречения насильственного, когда все народы были лишены своих преданий, своей истории, своей философии, своей культуры и даже своих обычаев, не могла в пределах своего замкнутого развития не воплотить в жизнь идею государственного великодержавного космополитизма. Этой идеей и жило государство нового типа, игнорируя все, начиная от законов экономического развития и кончая личными интересами человека. Общественная жизнь была сведена к нулю, национальное развитие приостановлено, человек стал винтиком в воображаемом планетарном механизме, «земшарность» стала не только идеологией, но и новой религией.

Однако не следует представлять дело так, будто все это натворили властолюбивые и всесильные, словно бо-

ги, «медные всадники». Они прискакали на хорошо подготовленную для их скакания почву, которую несколько десятилетий усердно возделывала многонациональная российская интеллигенция. Но прежде, чем каяться, следует осознать свою беду, ставшую виной. Национальное самоотречение, в пользу ли вселенского церковного интереса или же в пользу вселенского идеологического интереса (к примеру, идея мировой революции), – всегда обман или самообман и всегда объективное уклонение от своей национальной ответственности перед другими народами. У великих народов есть только одно преимущество перед другими народами – их историческая ответственность за общую судьбу мира. Только преимущество ли это?

Если в произведениях Льва Толстого, как в зеркале, отразился характер первой русской революции, то в жизненной драме самого Толстого отразилась историческая драма русского народа той поры, когда стало невозможным согласовывать разноречивые нравственные запросы времени с общим распорядком тогдашней российской жизни. Уход Толстого из Ясной Поляны был не только уходом из родного дома, но и отходом от мира с его безумием ординарных будней. Толстой порвал с мирской жизнью, решив жить согласно своим верованиям, и погиб. Толстой был слишком велик, чтобы отречься от самого себя, в том числе и от своей мирской жизни.

А вслед за Толстым попытался самоотречься от себя и весь русский народ, он взошел на Голгофу гражданской войны, пренебрег на десятилетия мирской жизнью во имя призрачного всечеловеческого, планетарного счастья, в идеологической борьбе чуть не самоистребил себя, и только Великая Отечественная война, напомнила ему о его исторической ответственности, вновь пробудила в нем национальное самосознание. Только под стенами Москвы мы окончательно поняли, что пролетарии всех стран соединяться не торопятся, и за это прозрение мы заплатили большой кровью.

Да, мы верили, что наша «броня крепка и танки наши быстры», но еще больше верили в то, что «весь мир голодных и рабов» при первой же возможности протянет нам руку пролетарской солидарности.

А там, откуда двинулась на нас историческая смерть, планетарные аппетиты будут подогреваться совсем другими «песнями».

«Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию...

Если бы желать новых территорий в Европе, то в общем и целом это могло бы быть достигнуто только за счет России...

Организация русского государственного строя не являлась результатом политических способностей славянства в России, а только лишь примером, созидательной государственной деятельности германского элемента в среде неполноценной расы...

В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения...» — *Гитлер*. «Майн Кампф»

«Некогда Россия была основана викингами; германские элементы запрудили хаос русских степей и втиснули население в рамки государственных форм, дающих возможность развития культуры. Эту роль вымирающей крови викингов позднее переняли представители немецкой Ганзы и вообще западные переселенцы в Россию; со времен Петра Великого ее выполняли немцы Прибалтики, к началу XX века — также сильно онемеченные прибалтийские народы...

В будущем, после отделения западных областей, Украины и Кавказа, он (русский человек.— *А.Л.*) должен будет довольствоваться тем, что его центр будет перенесен в Азию.

Только таким образом он, быть может, обретет внутреннее равновесие. На Западе для него нет места, пусть он обратит свое слово к Востоку, где для него,

быть может, найдется место». – *Р о з е н б е р г*. «Миф XX столетия»

«Россия является естественным дополнением для высокоразвитых индустриальных государств. Россия в качестве поставщика сырья и покупателя германских готовых изделий в будущем займет большое место». – *Ф у н к*.

«Прежде всего надо предусмотреть политику уменьшения числа населения. В самом деле, для великой белой северной расы представляла бы большую опасность огромная плодovitость славянских и восточных народов, которые, как и все народы низшего порядка, заменяют качество количеством. . .» – *Р а у ш н и н г*. «Гитлер мне говорил».

И то были не досужие разговоры, то была «гуманитарная» часть планетарной программы переустройства мира, которая вскоре обернулась активными действиями. Гитлер полагал, что проводимые у нас в жизнь идеи денационализации с общей установкой на мировую революцию выхолостили из славянских народов всякие национальные чувства, но он жестоко просчитался. А наши новые апостолы всевозможных «земшарных» затей, бряцая оружием троцкистского производства, выкованного для защиты идей великодержавного космополитизма, вновь под разными предложениями призывают нас к национальному с а м о о т р е ч е н и ю, к забвению своего исторического прошлого во имя экономической и культурной интеграции. Да, Европа – наш общий дом, но вот с чем и в качестве кого мы туда явимся? В качестве поставщиков сырья и массового потребителя ширпотреба или в качестве равнодостоинных партнеров? Культурная интеграция – хорошо, если она, конечно, не напоминает культурной интервенции.

«В двадцатом веке,– писал Крэмб,– Англия достигла того этапа в своей имперской деятельности, когда ее политика, какой бы она ни была в прошлом, решительно становится политикой мира, а не войны...

Для чего же велись эти войны? Можно ли рассмотреть в них какую-нибудь руководящую идею, управляющую ими от начала до конца? Я отвечаю немедленно: такая идея существует и это идея — **стремление к мировому владычеству**. Все войны Англии в течение прошедших пятисот лет велись за создание империи» (выделено мной.— *А.Л.*).

Книгу «Германия и Англия» составили лекции, прочитанные Крэмбом в феврале и марте 1913 года в Queens Colledge, в Лондоне, где он состоял профессором новейшей истории. Закрывающие книгу слова звучат несколько высокопарно, но, к сожалению, и пророчески: «И мы можем представить себе древнее, могучее Божество тевтонского племени, обитающее над облаками, спокойно взирающее на землю, на столкновение своих любимых детей, англичан и германцев, ринувшихся в смертельную борьбу; Божество, улыбающееся героизму этой борьбы, героизму детей Одина, бога войны!»

Проживи Крэмб подольше (он умер в октябре 1913 года), он, вероятно, несколько снизил бы пафос некоторых своих формулировок, в том числе и той, что заключает книгу, в которой он научно обосновал неизбежность военной катастрофы в Европе, когда цивилизованные и общительные европейцы уже начали поговаривать о создании пан-Европы.

Я вполне допускаю мысль, что нынче бог Один ушел в отставку, и только оставшиеся при исполнении своих служебных обязанностей его бывшие клерки постоянно развлекаются «малыми войнами», так, на всякий случай. Однако Один и в гражданском костюме при галстуке остается Одином, ибо «стремление к мировому господству» пока еще ничем не опровергнуто. Экономическое и политическое соперничество великих держав, по-моему, еще преждевременно отождествлять с дружеским соревнованием во имя вселенского прогресса и общечеловеческого счастья, а символического го-

лубя мира наделять божественным всесилием, перешедшим к нему от состарившегося Одина. К тому же, говоря об «общем европейском доме», куда мы нацеливаемся, мы почему-то упускаем из виду, что большая часть нашего государства находится все же не в Европе, а в Азии. Что это – провинциальное «западническое» высокомерие, историческая забывчивость или просто плохое знание географии? В 1918 году А. Блок в своих «Скифах» писал:

Для вас – века, для нас – единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы.

Полтысячелетия православная Русь сдерживала динамичную и агрессивную Азию от нашествия на Европу, еще полтысячелетия она сдерживала динамичную и агрессивную Европу от нашествия на Азию, целое тысячелетие Россия исполняла свой общечеловеческий долг, сохраняя в своем сердце «галилейскую жалость и любовь». Вся русская литература XIX века прониклась этим чувством (отсюда и ее идеал «святой Руси», о котором говорил В. Соловьев), за что и осудил ее Д. Мережковский. И сегодня, когда мы праздновали тысячелетие Крещения Руси, мы, наверное, каким-то краем своей общественной жизни приблизились тоже к этому чувству. Конечно, нам еще так далеко до «общества любящих», но, может быть, мы все-таки сумеем создать «общество уважающих друг друга» и на этих же основаниях станем строить межнациональные отношения? Хотелось бы, чтобы жизнь на этот вопрос ответила утвердительно. Если мы не укрепим экономически, не возродимся нравственно и не выработаем глубокой объединяющей идеи, то не соблазнится ли Запад мирной технологической и «культурной» агрессией или Восток столь же мирной демографической? О последствиях такого встречного движения не стоит догадывать-

ся вслух. И не эта ли перспектива натолкнула В. Соловьева на мысль о создании единого христианско-католического государства? Ведь не случайно же А. Блок выставил эпиграфом к своим «Скифам» слова именно В. Соловьева:

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.

В. Соловьев прятал свой страх, А. Блок его демонстрировал открыто, даже намеренно:

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы – отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

В отчаянии и тщетно поэт призывал:

В последний раз – опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

Один умный француз когда-то сказал: «Мы победили потому, что стояли на краю гибели».

Основания для такой победы есть и у нас. Дело осталось за немногим – одержать ее.

Короче сказать, надежда у нас, как и прежде, только на самих себя, на собственный здравый смысл, на честный интеллектуальный диалог между собой. Чувство национальной ответственности каждого народа нашего государства должно возобладать над всеми другими чувствами и намерениями. И в этой связи мне представляется уместным привести еще одну звучащую весьма актуально мысль М. Меншикова:

«Великое учение орошает и животворит сердце толпы, пока не сделается аристократическим, пока не попадет в заведывание замкнутой касты, и чем более эти касты... отгораживают истину от толпы, тем более истина мертвеет и превращается в ложь. Напротив, дух истины часто сохранялся в сердцах «черни», или в народной массе, которая при первом же дуновении свободы обнаруживала понимание древней истины в ее первобытной чистоте» (выделено мной.— А.Л.).

Не омертвела ли истина и в национальном вопросе, не превратилась ли она в ложь, будучи долгие годы наглухо отгороженной от народной души? Если мы пришли к выводу, что ни экономические, ни политические вопросы не могут быть положительно решены без всенародного обсуждения и участия, то почему же самый сложный национальный вопрос должен решаться как-то иначе?

В этом году в общей сложности около трех месяцев я провел в Латвии, там обсуждение национального вопроса и проблем межнациональных отношений ведется широко и открыто. Не могу сказать, будто все, что сейчас там говорится и делается, мне в высшей степени симпатично. Нет, кабинетно, кастово национальные проблемы не разрешить, тут нужно верить, что истина пока еще живет в «народной массе». И на «потом» национальный вопрос не отложишь, ибо он самым тесным образом связан со всеми теми вопросами, которые в эпоху гласности стали предметом всеобщего обсуждения. Нужно решиться на открытый и честный диалог и не ограничивать его региональными масштабами.

Говоря аккуратно, издержек нам, разумеется, не избежать, однако меня здесь беспокоят не столько издержки «низов», сколько издержки «верхов», которые обладают большой реальной властью и громадными материальными ресурсами.

Так, 2 ноября 1988 года в газете «Правда» за «круглым столом» встретились члены ЦК КПСС, депутаты

Верховного Совета СССР. Предмет разговора – международные отношения.

Слово берет министр Нефтехимпрома СССР Н.В.Лемаев.

«Я только что с заседания Президиума Верховного Совета СССР, – сообщает он. – Там принималось важное решение для народного хозяйства – о строительстве нового промышленного комплекса. Сегодня без химии мы как без рук. Все с этим согласны. А вот строить комплекс и белорусы, и украинцы отказываются. Хотя на Луне теперь его возводи. Решили вот в тайге. Придется вложить туда около 15 миллиардов...»

Ну, с Луной у министра все равно ничего не получится – мировая общественность не позволит, как не позволили строить у себя этот комплекс белорусы и украинцы, которых министр волевым жестом за строптивость отлучил ото всех (помните его слова: «Все с этим согласны»?). И, видимо, белорусы и украинцы отказались не из каприза, а рассчитали-подсчитали, слава Богу, у них и Академия наук имеется, и ЦК партии, и нашли, что этот гигантский комплекс никак не улучшит экологическую ситуацию в их республиках.

«Решили вот в тайге», – с досадой бросает министр. А что тайга – это какая-нибудь наша заморская колония? До сих пор, по-моему, она входила в Российскую Федеративную Республику. Конечно, по сложившейся традиции с русскими можно и не считаться, их можно даже и не называть, сказал: «тайга» – и всем понятно, где это. Место, обозначено, территория застолблена. Рабсила? Деньги есть – будет и рабсила.

Вот вам типический и, я бы сказал, даже классический образец великодержавного космополитического сознания. Но ведь русские, если не с собой, то с другими народами, населяющими Российскую Республику, просто обязаны считаться – это их первейший международный долг.

Возникают и частные вопросы. «Сегодня без химии мы как без рук». А куда же делась вся наша химия? Неужели уже всю пустили на отравление окружающей среды? А между прочим, министр чуть раньше похвастался: «Предприятия и объединения Миннефтехимпрома работают в условиях хозрасчета. Имеют свои деньги, и что хотят, то и строят. На счетах трудовых коллективов 653 миллиона рублей». Откуда же взялись эти громадные деньги у предприятий Нефтехимпрома, если у нас нет химии, не голубей же они разводили?

Комплекс оценивается в 15 миллиардов рублей – о таком бюджете не каждая республика может мечтать. Вероятно, в эпоху гласности о стройках подобного масштаба и подобного профиля надо широко оповещать в печати, обсуждать всенародно, а не только по старинке – кабинетно.

В заключительном своем слове Н. В. Лемаев сказал: «Будем все лучше трудиться, будем все лучше жить – и меньше будут обостряться национальные вопросы». Я с этим согласен, хотя и не уверен, что мы с министром вкладываем одинаковое содержание в понятия «лучше трудиться» и «лучше жить», особенно когда это касается «всех», ну, никак я не могу поверить в то, что белорусы и украинцы хотят и «хуже трудиться», и «хуже жить». С другой стороны – если мы достойно разрешим национальные проблемы, то мы, наверное, станем и лучше трудиться, и лучше жить. С такой постановкой вопроса тоже спорить не просто.

Но суть не в наших спорах, а в тех проблемах, что встали перед нами со всей своей очевидностью и от которых нам никуда не уйти. Да, иногда под национальные интересы маскируется шовинизм, но еще чаще под интернационализмом маскируется великодержавный космополитизм, однако это вовсе не повод, чтобы устраниваться от решения национального вопроса, предаваясь легкомысленным надеждам, что все разрешится само собою. Само собою уже ничего не разрешится – ни в

экономике, ни в политике, ни в национальной проблеме. Народы, которые долгие годы называли массой (в лучшем случае, населением) и которые уже обрели многие черты этой массы, вновь обретают черты подлинной народности, и нормальные, равнодостоинные отношения возможны лишь между народами, а не между отдельными частями массы, различающимися в дни или декады демонстрации «дружбы народов» и их «неурушимого союза» специально пошитыми для этих мероприятий национальными костюмами.

Когда говоришь о национальном вопросе, то тебя все время бросает из стороны в сторону, то вдруг ударись в политику, то в экономику, то в литературу, то рассуждаешь в буквальном смысле о сегодняшнем дне, то тебя на столетие и дальше отбросит в прошлое. И начал-то я свой разговор с Пушкина, всплыли почему-то строчки из «Евгения Онегина», и я поставил их в эпиграф, да ведь не случайно же? Не случайно, хотя и не умышленно.

Со школьной скамьи мы привыкли считать Онегина, а заодно и Ленского людьми поверхностными, если не сказать пустыми, в общем – «лишние люди». Себя же мы, конечно, считали людьми до крайности *необходимыми*, хотя на каком основании мы так были уверены в себе – не помню. Вероятней всего, тотальное осуждение прошлого невольно порождало в нас «комплекс превосходства» над всем, что было *когда-то...* Этот комплекс гасил любознательность, и если бы не живое детское чувство, то голова наша стала бы прекрасной тарой для всякой интеллектуальной мякины. Чувства наши оказались куда свободнее и правдивее нашего разума.

Интересно, а как мы будем смотреться этак лет через сто и за какими спорами «застанут» нас наши далекие потомки? Во всяком случае, они нас не «застанут» не только за спорами о договорах племен *м и н у в ш и х*, что вели «лишние люди» пушкинской эпохи, но даже за спорами о договорах племен *н е м и н у в ш и х*,

которые не вели мы, считавшие себя людьми *необходимыми*. А может быть, нашим потомкам интереснее всего будет узнать как раз именно то, о чем мы упорнее и дольше всего молчали?

Мы часто повторяем: «Молчание – знак согласия». Возможно-возможно, только лишь при условии, если молчание не вынужденное и даже не привычное, а абсолютно добровольное.

1988 г.

МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ, РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И РУССКАЯ ЛЕНЬ

Кажется, те два первые понятия, что выставлены в заглавие настоящей статьи, никак несопоставимы ни по характеру, ни по масштабу с третьим понятием, поставленным с ними в один ряд. Однако если преодолеть косность научных методик и дробность нашего нынешнего сознания, то связь всех этих трех понятий станет очевидной.

Первое понятие, «Москва – Третий Рим», выявляет религиозно-историческую миссию русского народа и русского государства, которая сформулировалась во времена царствования Василия III монахом Филофеем. Второе понятие, «Российская империя», выявляет государственные планы и намерения Петра I и последующих самодержцев династии Романовых. Третье понятие, «русская лень», выявляет истинную или мнимую доминанту национального русского характера – держателя религиозно-исторической идеи и проводника в жизнь государственных династических планов Российской империи. Что касается идеи «Москва – Третий

Рим», то о ней давным-давно забыли, а если ее и вспоминают, то больше из соображений публицистического форса или ради демонстрации собственной исторической эрудиции. А жаль, хотя вполне и объяснимо. В эпоху демократического безумия историческая наука расщепляется на факты и фактики, которыми порой ловко, порой грубо манипулируют в угоду своим политическим или партийным интересам.

Российская Империя была декларативно провозглашена совместно Сенатом и Синодом 20 октября 1721 года после заключения со Швецией Ништадского мирного договора. Оба учреждения от «имени всего народа российского» просили Петра I принять «**по примеру других**, от них титул: Отца Отечества, императора Всероссийского, Петра Великого» (выделено мной. — А.Л.).

«По примеру других» Россия стала империей, а российский монарх стал именоваться императором, однако эти самые «другие» вовсе не торопились признать новоиспеченного императора и его империю. Лишь только Пруссия, Голландия и Дания признали Петра императором при его жизни.

Как видим, в XVIII веке имперские звания на европейском политическом Олимпе ценились очень высоко. Не изменилась ситуация и в XIX веке. И тут достаточно примера Бонапарта, провозгласившего себя не королем, а императором, да и в начале нынешнего века никто не стеснялся говорить ни об имперских намерениях, ни тем более об имперских амбициях. И только после Первой мировой империалистической войны, когда на европейском континенте не осталось империй, но по-прежнему оставались и имперские намерения, и имперские амбиции, эти понятия стали именовать по-другому.

После Второй мировой войны вдруг все страны стали демократическими, хотя от этого в лучшую сторону мало что изменилось: войны не прекращаются, передел мира продолжается, правда, интервенции и оккупации нынче проводятся исключительно во имя «нового ми-

рового порядка», то ли во имя торжества демократии, то ли ради оказания «гуманитарной помощи».

И потребовалась интеллектуальное мужество И.Солоневича, чтобы во время Второй мировой войны написать: «Нужно, наконец, назвать вещи своими именами: в с я к и й народ есть народ империалистический, ибо всякий хочет построить империю и всякий хочет построить ее на свой образец: немцы на основах расовой дисциплины, англичане – на базе коммерческого расчета, американцы – на своих деловых методах, римляне строили на основах права, мы строим на основах православия. Русскую систему я естественно считаю наилучшей. Если бы я был американцем – я считал бы наилучшей американскую... Во всяком случае, стоя на чисто имперской точке зрения, я о б я з а н признать моральную законность и польского, и шведского, и даже немецкого империализма... Но в данный момент оценивая прошлые и нынешние попытки построения империй, мы о б я з а н ы судить их «без гнева и пристрастия». Без гнева по адресу конкурентов и без пристрастия – по своему собственному, просто: как, когда и почему у д а л о с ь, как, когда и почему не удавалось?»

Сегодня, когда волки рдятся в овечьи шкуры, а диктаторы прикрывают свое лицо демократическими масками, интеллектуальная честность И.Солоневича кажется донкихотством. Действительно, кто нынче станет «без гнева по адресу конкурентов» и «без пристрастия – по своему собственному» говорить о каких-либо политических интересах или признавать моральную законность других?

Советский Союз – империя зла... Телевидение – империя лжи. Имперская тема сегодня небезопасна. Поэтому направим свой разговор в более спокойное русло и потолкуем более обстоятельно о русской лени, тема эта сейчас популярна да и к тому же она уже обозначена в названии настоящей статьи, наряду с двумя другими.

Все мы когда-то «проходили» в школе знаменитую грибоедовскую комедию и, конечно же, помним пылкий монолог юного Чацкого, в котором он бросал вызов всей Москве...

Мундир! один мундир! Он в прежнем их быту
Когда-то укрывал, расшитый и красивый,
Их слабодушие, рассудка нищету;
И нам за ними в путь счастливый!

И в женах, дочерях – **к мундиру** та же страсть!
Я сам к нему давно ль от нежности отрекся?!
Теперь уж в это мне ребячество не впасть;
Но кто б тогда за всеми не повлекся?

Помотавшись по заграницам, то есть отдав дань новой моде, Чацкий основательно поотстал от российской жизни и выглядел человеком только что спрыгнувшим с печки. Предав анафеме мундир, он, даже не подозревая того, решил для себя жесткую жизненную альтернативу: если не мундир (служба), то... **непременный халат** (безделье), в который, между прочим, года за четыре до появления в свет грибоедовской комедии Пушкин совсем не случайно обрядил своего Черномора:

Уж утро хладное сияло
На темени полнощных гор,
Но в дивном замке все молчало.
В досаде скрытой Черномор
Без шапки, в **утреннем халате**,
Зевал сердито на кровати.

Еще большей содержательностью будут наполнены другие пушкинские строки:

Когда и ты, и милый брат,
Перед камином надевая
Демократический халат,
Спасенья чашу наполняли
Бесценной, мерзлой струей...

«Демократический халат» – сказано до боли емко и я бы даже заметил: п р о в и д ч е с к и. А вспомните тот «реестрик», то есть списочек экспроприированного «злодеями» Гриневского имущества, что представил грозному Пугачеву рачительный и одновременно дерзкий Савельич. Что в этом самом списочке стоит на первую месте? **«Два халата, миткалевый и шелковый полосатый, на шесть рублей»**, и только вторым пунктом пойдет: «Мундир из тонкого зеленого сукна на семь рублей». Далее – уже все остальное.

А вот как впервые встречаются Гринев и его теперешний начальник – капитан Миронов:

«Подходя к комендантскому дому, мы увидели на площадке человек двадцать стареньких инвалидов с длинными косами и в треугольных шляпах. Они выстроены были во фронт. Впереди стоял комендант, старик бодрый и высокого роста, в колпаке и в **китайчатом халате**. Увидя нас, он к нам подошел, сказал мне несколько ласковых слов и стал опять командовать».

Иван Кузьмич был честным и храбрых служакой, но и он уже в часы, когда не предстояла какая-нибудь ревизия начальства, даже в служебное время предпочитал облачаться не в официальный мундир, а в **халат**. И сей факт имел место еще во времена матушки Екатерины Великой.

Надо сказать, русский халат нередко выступал под немецким псевдонимом в различных его модификациях: «шляфор», «шляфорк», «шляфрок», «шляфорок», обычно принося какой-то дополнительный оттенок. Даже знаменитый обломовский халат Гончаров предпочел при первом упоминании о нем назвать «шляфроком» и тем самым намекнуть на родословную сей одежды. Пушкинский «шляфор» в «Евгения Онегине» приносит уместную в данном контексте легкую иронию:

Но скоро все перевелось;
Корсет, альбом, княжну Алину,

Стишков чувствительных тетрадь
Она забыла; стала звать
Акулькой прежнюю Селину
И обновила наконец
На вате шлафор и чепец.

Эта метаморфоза произошла с матерью Татьяны Лариной, чьи юные годы остались в XVIII веке, а вместе с ними там остались Ричардсоны, Грандисоны, корсеты и многие иностранные слова, и лишь обновленный «на вате шлафор» сохранил свое прежнее название, но, вероятно, не очень-то надолго.

«Гораздо замечательнее был наряд его: никакими средствами и стараниями нельзя бы докопаться, из чего состряпан был его **халат**: рукава и верхние полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть...»

И тут же Гоголь сообщает, что у Плюшкина «была тысяча с лишним душ, и попробывал бы кто найти у кого другого столько хлеба зерном, мукою и просто в кладях...»

Трудно назвать русского писателя первой половины прошлого века, который не вывел бы на жизненную сцену *русского халата*, точнее *русского человека в халате*. Русский язык так крепко ассимилировал арабское слово «халат», что без него он и выглядит-то уже неполным. А русский человек так сжился в ту пору с халатом, что казалось, будто он перешагнул Византию с ее православием, не говоря уже о собственной истории, и очутился то ли в древней Элладе, то ли в древнем Риме с их хитонами, туниками и тогами, дававших телу волю, удобства, короче сказать, блаженство.

Правда, согласуясь с естественными и климатическими условиями, несколько отличающимися от климатических и прочих условий той же Эллады или того же Рима, на Руси приходилось иногда эти самые шлафоры или халаты подбивать ватой или каким-то другим способом утеплять, но это уже детали. И напрасно умный Грибоедов устами не очень умного Чацкого возвел в

степень идола тогдашней русской жизни мундир; халат в литературе спорил с ним уже на равных, а в жизни даже переспорил его. И тут самое весомое слово, конечно же, принадлежит Ивану Александровичу Гончарову.

«Как шел домашний костюм Обломова к покойным чертам лица его и к изнеженноцу телу! На нем был **халат** из персидской материи, **настоящий восточный халат** без малейшего намека на Европу, без кистей, без бархата, без талии, весьма поместительный, так что Обломов мог дважды завернуться в него. (Ну, какой же это шлафрок?! – *А.Л.*). Рукава, по неизменной азиатской моде, шли от пальцев к плечу все шире и шире. (Ну, не благодать разве? – *А.Л.*). Хотя халат этот и утратил свою первоначальную свежесть и местами заменил свой первобытный, естественный лоск другим, благоприобретенным, но все еще сохранял яркость восточной краски и прочность ткани.

Халат имел в глазах Обломова тьму неоцененных достоинств: он мягок, гибок, тело не чувствует его на себе, он, как послушный раб, покоряется самонаименьшему движению тела».

Это же Ода, Гимн, Поэма (не знаю, к какому жанру и отнести) русскому халату. Подите сыщите что-то равное в адрес мундира, все равно какого: военного или статского. И ведь не даром же старый, но умный Савельич на первое место поставил халаты, а не мундир, хотя последнему и выставил цену (в рублях) более высокую, нежели халатам, потому как, в отличие от юного Чацкого, глядел в самый корень русской жизни.

Ну, а философское обоснование русскому халату дал Александр Иванович Герцен в своем знаменитом мемуаре «Былое и думы».

«Число воспитанников было мало, – писал он, вспоминая далекую юность и далекий Московский университет, – но и те получали не то, чтобы объемистое воспитание, а довольно общее и гуманное: оно очеловечивало учеников всякий раз, когда принималось. А

человека-то именно было не нужно. Приходилось или снова расчеловечиваться – так толпа и делала, – или приостановиться и спросить себя: «Да надобно ли непременно служить?» Для большинства настало время праздного существования в отставке, деревенской лени, халата, странностей, вина. Для других время внутренней работы».

Роман «Обломов» увидел свет в 1859 году, в этом же году Герцен приступил к написанию «Былого и дум», когда дни крепостного права были уже сочтены. Затем пройдет еще десяток лет, и Лев Николаевич Толстой засядет писать роман о пореформенной России, а закончит он его в 1877-м, то есть «Анна Каренина» выйдет в свет через восемнадцать лет после «Обломова».

За это время утекло много воды, русская жизнь изменилась до неузнаваемости, во всяком случае, в своих внешних проявлениях. А как изменился сам русский человек? Что ж, у нас есть что сопоставлять.

Сначала я приведу один эпизод из романа Гончарова, в котором Тарантьев уговаривает Обломова заняться своими насущными хозяйственными делами.

– Ну, брат, Илья Ильич, совсем пропадешь ты. Да я бы на твоём месте давным-давно заложил имение да купил другое или дом здесь, на хорошем месте: это стоит твоей деревни. А там заложил бы и дом да купил бы другой... Дай-ка мне твоё имение, так обо мне бы услышали бы в народе-то.

– Перестань хвастаться, а выдумай, как бы и с квартиры не съезжать, и в деревню не ехать и чтоб дело делалось... – заметил Обломов» (выделено мной. – А.Л.).

Другой эпизод, для сопоставления, я возьму из «Анны Карениной». Казалось бы, что общего между увальнем Ильей Ильичем Обломовым и толстовским Степаном Аркадьевичем Облонским, которого ну, просто невозможно застать на одном месте: то он в Москве, то в Петербурге, то ещё куда метнется неожиданно. А вот он уже на охоте в компании молоденького Васеньки Ве-

словского и Константина Левина... На короткий ночлег охотники устроились в сенном сарае, разумеется, поболтали на разные отвлеченные от их охотничьих забот темы, а затем...

«— Ах, какая ночь, — сказал Весловский... — Да слушайте, это женские голоса поют, и, право, недурно. Это кто поет, хозяин?

— А это дворовые девки, тут рядом.

— Пойдемте погуляем! Ведь не заснем. Облонский, пойдем!

— **Как бы это и лежать и пойти** — потягиваясь, отвечал Облонский. — **Лежать отлично»** (выделено мной. — А.Л.).

Поскольку одновременно «и лежать и пойти» при всем желании не удавалось даже Обломову, то произошло своего рода разделение «труда»: Весловский *пошел*, а Облонский *остался лежать*.

Что нам представил Толстой: ловко закамуфлированную пародию на Обломова или же его самостоятельный выстрел угодил в ту же точку, в которую когда-то попал Гончаров? Ведь и фамилии у героев оказались почему-то сходными: ОБЛОмов — ОБЛОНский... Не лишне вспомнить и почти идентичные подходы обоих героев к намечаемым коммерческим предприятиям (Обломов мечтал продать свое родовое имение, а Облонский готов был продать за полцены свой родовой лес), когда тот и другой пытались все прозаические хлопоты спихнуть на кого-нибудь другого, будь то Михей Тарантьев или Константин Левин — какая разница? А подраздены чуть-чуть всех этих Облонских и под их сюртуками и фраками обнаружится все тот же знаменитый «обломовский халат».

В 80-е годы русское дворянство, уже достаточно перемешавшись с разночинной «образованщиной», которая станет называть себя интеллигенцией, обрядится в нарядный марксистский **халат** и посредством боевитых марксистских фраз прикроет свою духовную и интеллектуальную пустоту и наготу.

Когда после пережитой, но не изжитой трагедии надломленный Вронский (а это будет начало второй половины 70-х годов) отправится добровольцем в Сербию, его мать скажет Кознышеву: «Это Бог нам помог – эта сербская война. Я старый человек, ничего в этом не понимаю, но ему Бог это послал. Разумеется, мне как матери страшно; и главное...» Далее она переходит на французский, что переводилось так: «На это косо смотрят в Петербурге».

Видите, Петербург (считай, высший свет) «косо смотрел» на войну в Сербии, между прочим, и Вронского уговорил туда ехать проигравшийся в пух и прах его приятель Яшвин, который менее всего походил на посланца Бога. А когда началась русско-японская война (1904), то уже вся околomarксистская интеллигенция не только «косо смотрела», но и заняла активные пораженческие позиции. Тридцать пять лет спустя П.Миллюков напишет в своих «Воспоминаниях»: «Деньги, которые были нужны для пораженческих мероприятий, были получены Циллиакусом (финном. – А.Л.), целиком или отчасти, через японского полковника Акаши с определенной целью закупить оружие для поднятия восстаний в Петербурге и на Кавказе». Думается, что германские деньги, полученные Лениным, пахли ничуть не хуже японских, если, конечно, деньги все-таки могут пахнуть.

Размах, а затем и поражение революции 1905 года страшно напугал людей в «марксистских халатах», и они поспешно сменили их на «религиозно-философские», а в 1914-м – на «патриотические». Н.Бердяев в начале революции признавался: «Все время войны я горячо стоял за войну до победного конца. И никакие жертвы не пугали меня».

Последняя фраза звучит не патриотично, а кощунственно: к осени 1916 года в России был мобилизован уже «тринадцатый миллион», народ толком не знал, за что же он все-таки воюет, а Бердяев хладнокровно умству-

ет: «Проблема национализма и проблема империализма очень обострены мировой борьбой народов. В области мысли одним из плодов нынешней войны будут философия национализма и философия империализма». Не слишком ли дорогую цену запросили философы за новые философские плоды?

В статье «О «вечно-бабьем» в русской душе» «мужественный» Бердяев громит книгу В.Розанова «Война 1914 года и русское возрождение», а заодно и ее автора. «И мне кажется, — пишет он, — что Розанов переживает весну от войны, сидя у себя в кабинете. Он пишет о героическом подъеме, хотя героизм чужд ему окончательно, и он отрицает его каждым своим звуком». Не берусь судить, в каких отношениях с героизмом находился сам Бердяев, но ведь и он сочинял свои статьи не под свист пуль на передовой, а в таком же банальном кабинете, как и его оппонент. В кабинете очень легко не пугаться никаких жертв и твердо стоять за войну до победного конца.

У Бердяева, как из рога изобилия, сыплются красивые и банальные фразы, но вот хода его рассуждений уяснить невозможно. Опять-таки в укор Розанову он пишет: «Есть что-то неприятное и мучительное в слишком легком, благодушном, литературно-идеологическом отношении к войне. Мережковский справедливо восстал против «соловьев над кровью», можно видеть глубокий смысл нынешней войны и нельзя не видеть в ней глубокого духовного смысла. Все, что свершается ныне на войне материально и внешне, — лишь знаки того, что свершается в иной, более глубокой, духовной действительности». Мережковский прекрасно сказал: «соловьи над кровью», за этим угадывается его личное, человеческое отношение к конкретной войне, а Бердяев все вколотил в сухую бесстрастную формулу: «лишь знаки того...»

А вот как заканчивается эта главка: «Но война, сама по себе, не творит новой жизни, — она — лишь конец

старого, рефлексия на зло. Обогащение войны так же недопустимо, как недопустимо обогащение революции или государственности».

Итак, война – это рефлексия на зло прежней жизни, стало быть война не является злом, а является всего лишь рефлексией на зло. А чем же тогда является мир: рефлексией на рефлексию? Согласен, обогащать не следует ни войну, ни революцию, ни государственность, обогащать можно только божеское. Но ставить на одну доску государственность с войной и революцией еще более недопустимо, потому что все революции начинаются с проповеди отрицания государственности и еще с обещаний, которые никогда не выполняются.

И вот теперь как раз настало время поговорить о государственности.

О русской «бабьей», «рабьей» душе наговорено столько, что вступать здесь в полемику, значит придавать значение всей той беспардонной хуле или просто человеческой глупости, которые вовсе не заслуживают серьезного внимания. И тут вполне достаточно поставить один вопрос и добросовестно на него ответить:

«Скажите, мог ли ни на что не способный народ, да еще впридачу обремененный «бабьей» и «рабьей» душой отстоять свою независимость в многолетней борьбе с татаро-монголами, вышвырнуть из пределов своей страны поляков с их католицизмом, остановить экспансию Швеции, Турции и крымских татар, разгромить непобедимую армию Наполеона, а в нынешнем веке непобедимую армию Гитлера и тем самым дважды спасти Европу от притязателей на мировое господство, трижды побывать в Берлине и не оставить своим военным «вниманием» многие европейские столицы, в том числе и Париж; создать государство, простиравшееся на три материка: Европу, Азию и Америку, то есть от берегов Балтики до Аляски включительно?»

Добросовестный, без каких-либо интеллектуальных ужимок ответ разом перечеркивает всю русофобствующую хулу на русский народ, а заодно и на его историю.

Что же касается русской лени, то мы уже о ней поговорили, кажется, достаточно, так что теперь нам остается прояснить еще один немаловажный вопрос: **Является ли лень нашей родовой чертой или же это что-то благоприобретенное?**

Русская историография делит нашу историю (дореволюционную) на два периода: допетровский – Московская Русь, и послепетровский – Российская Империя. Правда, Г.Федотов вносит, на мой взгляд, очень верную поправку: «Западнический соблазн Петербурга и азиатский соблазн Москвы – два неизбежных срыва России, преодолеваемых живым национальным духом. В соблазнах крепнет сила. Из немощей родится богатство. Было бы только третье, куда обращается в своих колебаниях стрелка духа. Этим полюсом, неподвижной православной вехой в судьбе России является Киев, то есть идея Киева».

Об этом, конечно, не следует забывать. Киев, действительно, наша общая духовная родина, там мы стали православными, там мы стали и русскими, однако история распорядилась так, что мы оказались то ли эмигрантами, то ли изгнанниками, и Киев живет в наших душах каким-то доисторически дорогим воспоминанием, а национальный наш характер вырабатывался в иных, более северных широтах.

Петр I не только перенес столицу из православной Москвы во вновь отстроенный Петербург и тем самым вытеснил из народного сознания религиозно-государственную идею «Москвы – Третьего Рима», но и полностью перестроил всю государственную структуру. Крепких земле людей, то есть крестьянство, он уравнил с холопами и кабальными людьми, лишил их гражданских прав, частной собственности и всякой экономической инициативы, отдав их навечно в полную собственность

дворянству, которое могло их покупать или продавать точно так же, как и любую другую собственность.

Но совместно с этим правом дворянину вменялась обязанность неперменной службы государству. Вот что писал по этому поводу знаток крепостного права профессор И.Беляев: «Дворянин, по закону, исключительно перед другими классами имел право владеть населенным имением и крепостными людьми, и вследствие этого права мог приобретать таковые имения посредством частных сделок; но само владение непременно было связано с государственной службой дворянина; без службы он не только лишался права на приобретение, но терял и то, что уже приобрел, чем владел по покупке или другой частной сделке».

Итак, частная собственность дворянина не была абсолютной, вернее, она таковой оставалась лишь до тех пор пока дворянин не уклонялся от государственной службы.

Великий преобразователь и свирепый перестройщик, как известно, издал сотни указов и законов, но то ли он возомнил себя уже бессмертным Богом, то ли бежал всякой мысли о собственной смерти, но он так и не отважился сотворить закона о престолонаследии. А в результате в течение ста лет российским престолом распоряжались гвардейские офицеры и те вельможи, которым удавалось склонить гвардию на свою сторону. Так, восприемницей самого Петра, по сути дела, стала кухарка, нареченная на российском престоле Екатериной I. И на то была воля гвардии и тех, кто за ней стоял. Естественно, дворянство повело борьбу за расширение своих прав и за сужение своих обязанностей. Наконец, **18 февраля 1762** года император Петр III подписал Манифест, дарующий дворянству вольность. «Дворяне, — отмечал И.Беляев, — получив свободу служить и не служить, тем самым приобрели право полной собственности над крестьянами, после этого манифеста право дворян владеть крепостными людьми более уже не услов-

ливалось никаким обязательством в отношении к государству». Крестьяне же были освобождены от крепостной зависимости ровно через 99 лет, день в день – 18 февраля 1861 года.

После государственного переворота Екатерина II 3 июля того же года слово в слово повторила Манифест бывшего своего супруга, а 21 апреля 1785 года российскому дворянству была пожалована Грамота, окончательно освобождавшая его от всех обязанностей по отношению к государству. Вот несколько параграфов из этой Грамоты: «§ 17. Подтверждаем на вечные времена в потомственные роды Российскому благородному дворянству вольность и свободу. § 18. Подтверждаем благородным, находящимся в службе, дозволение службу продолжать и от службы просить увольнения по сделанным на то правилам. § 19. Подтверждаем благородным дозволение поступать в службу прочих Европейских нам союзных держав, и выезжать в чужие края. § 33. Благородный самолично изъемлется от личных податей».

Разумеется, в 1762 году не все дворяне разом бросили службу и разбежались по своим имениям: одним неплохо служилось, у других были слишком скудные имения, но главное – это психологический барьер, который следовало преодолеть. Комедия Фонвизина «Недоросль» вовсе не случайно появилась в начале 80-х годов (1782), то есть именно тогда, когда начало подрастать поколение дворян, рожденных уже после манифеста 1762 года. Этому и последующим поколениям не нужно было преодолевать никакого психологического барьера, они с пеленок были убеждены, что воля и рабы им обеспечены навечно, а Грамота 1785 года развеяла на этот счет все сомнения.

Государственно же мыслящие люди думали на этот счет по-разному: одни из них радели о том, как бы вернуться к петровским временам, к петровской государственной структуре, когда крестьянин служил помещику,

а помещик (дворянин) служил государству. Другие мыслили более радикально, и более логично: если дали полную волю дворянам, то почему бы не дать гражданские права и крестьянам...

Не случайно, что после екатерининской Грамоты Радищев приступает к работе над своими «Путешествиями из Петербурга в Москву», которые в мае 1790 года попали на книжный прилавок... Но вскоре же спохватились, нераспроданные книги были уничтожены, а автор сослан в Сибирь.

5 апреля 1797 года новый император Павел I издал закон, которым запрещал помещикам принуждать крестьян к работе по праздникам, а в будние дни использовать их на работах более трех раз в неделю. Он также несколько ограничил права дворянства на поездки в другие страны и принял закон о престолонаследии. Когда же Павел I заключил союз с Наполеоном и вознамерился послать казачий корпус в Индию, он был убит. Французский журнал «Монитор» писал по этому поводу: «Павел I умер в ночь с 24 на 23 марта. Английская эскадра прошла Зунд 31-го. История узнает связь, которая могла существовать между этими двумя событиями».

Вступив на престол Александр I отменил поход на Индию, когда казаки уже прошли 1564 версты. Александр занял престол по закону, но при этом на него легло темное пятно причастности к убийству отца.

14 декабря Николай I подавил восстание декабристов, в котором деятельное участие принимала гвардия, и стал первым российским императором взошедшим на престол, согласно закону и даже в какой-то мере вопреки собственному желанию. Он отвел гвардии куда более скромное место, нежели то, которое она занимала ровно сто лет, начиная от смерти Петра I (1725) до подавления выступления декабристов (1825).

В России, в отличие, скажем, от Англии, дворянство не стало торговым или промышленным классом, оно, начиная от Манифеста 1762 года, постепенно дегради-

ровало и накануне Великих реформ фактически уже обанкротилось как землевладельческий класс. Достаточно сказать, что согласно X ревизии в 1859 году 65,45% ревизских душ мужского пола (это около семи миллионов человек) было заложено, и общая задолженность дворянства государству составляла свыше 400 миллионов рублей. И как справедливо писал известный исследователь В.Семевский: «Уплата процентов по этим долгам лежала тяжелым бременем на помещичьих хозяйствах и наводила многих дворян на мысль, что было бы не дурно разделаться с этими долгами, хотя бы посредством освобождения крестьян». И этот мотив никак не назовешь альтруистическим, конечно, здесь речь не может идти о каких-то точных датах, но у нас есть все основания утверждать, что Манифест 1762 года и Грамота 1785 года постепенно превращали дворянство, то есть служилый, г о с п о д с т в у ю щ и й класс в паразитическое сословие, обреченное на саморазложение, очевидными признаками которого являлись лень и безделье, а их символом — х а л а т.

И только приходится удивляться, что в это «уютное» для себя время, какая-то часть дворянства сумела преодолеть соблазн халата и самоотверженно служила отечеству, но если мы припомним Отечественную войну 1812 года, то увидим, что и Кутузов, и Ермолов, и Багратион, и Раевский, и Милорадович перешагнули в эту эпоху из XVIII века, когда деградация только еще начинала подтачивать здоровую основу господствующего класса. И тут мне хотелось бы поспорить с И.Солоневичем, а точнее, с его взглядом на русскую литературу XIX века, который он изложил, правда мимоходом, в своей замечательной книге «Народная монархия».

«Мимо настоящей русской жизни, — писал Солоневич, — русская литература прошла совсем стороной. Ни нашего государственного строительства, ни нашей военной мощи, ни наших организационных талантов, ни наших беспримерных в истории человечества воли, на-

стойчивости и упорства – ничего этого наша литература не заметила вовсе».

Что ж, с этим, пожалуй, можно, в принципе, и согласиться. «Онегины, Маниловы, Обломовы, Безуховы и прочие птенцы дворянских гнезд, говоря чисто социологически, – были бездельниками и больше ничем. И, – говоря чисто прозаически, – бесились с жиру. Онегин от безделья ухлопал своего друга, Рудин от того же безделья готов был ухлопать полмира. Безухов и Манилов мечтали о всяких хороших вещах. Их внуки – Базаров и Верховенский – о менее хороших вещах».

Вот тут кое-что вызывает уже возражение, однако, чтобы возразить, необходимо еще раз процитировать Солоневича.

«Грибоедов писал свое «Горе от ума» сейчас же после 1812 года. Миру и России он показал полковника Скалозуба, который «слова умного не выговорил сроду» – других типов из русской армии Грибоедов не нашел. А ведь он был почти современником Суворовых, Румянцевых и Потемкиных и совсем уж современником Кутузовых, Раевских и Ермоловых. Но со всех театральных подмостков России скалит свои зубы грибоедовский полковник – «золотой мешок и метит в генераль». А где же русская армия? Что – Скалозубы ликвидировали Наполеона и завоевали Кавказ?»

Во-первых, свою комедию Грибоедов начал писать не «сейчас же после 1812 года», а ровно через десять лет, что весьма существенно. Во-вторых, и это главное, в последнем пассаже Скалозуб почему-то называется «почти современником» Суворовых, Румянцевых и Потемкиных и «современником» Кутузовых, Раевских и Ермоловых, а в предыдущем пассаже Базаров производится во внуки Манилова в то время, как Манилов в лучшем случае мог быть теоретически лишь его отцом. В первом случае дистанция между поколениями сводится почти к нулю, а во втором неоправданно увеличивается.

Между прочим, Румянцев родился в год смерти Петра, Суворов – пять лет спустя; первому было уже 37 лет, второму – 32, а Кутузову стукнуло 17, когда дворянство получило «вольность». Скалозуб же родился не только после Манифеста 1762 года, но и после Грамоты 1785 года, поэтому как-то трудно считать его современником всех упомянутых великих деятелей России. Ведь не приходит же нам в голову считать Брежнева современником Толстого лишь потому, что наш генсек начальным краем своей жизни соприкоснулся с конечным краем жизни великого писателя.

«Русская социально-философская медицина, – писал далее Солоневич, – ошиблась во всем: в анамнезе, в диагнозе и в прогнозе. Последнее абсолютно бесспорно. Но если ошибка в прогнозе бесспорна абсолютно, то логически ясно и диагноз был глуп».

При верном диагнозе вполне возможен неверный прогноз. Так бывает нередко. К примеру, известный в свое время историк Иван Дмитриевич Беляев (1810-1873) в своей замечательной книге «Крестьяне на Руси» дал блестящий анамнез и поставил совершенно точный диагноз. «Таким образом, – подводил он общий итог, – **болезнь русского общества**, известная под именем **крепостного права**, начавшая развиваться с конца XVI века, достигла к концу XVIII века крайних пределов своего развития, и со времени Императора Павла Петровича начался перелом болезни к выздоровлению, перелом продолжающийся и в настоящее время, со всеми надеждами к близкому и совершенному выздоровлению русского общества от **отвратительного недуга**».

Как видим, историк дал блестящий анамнез (в этой оценке я исхожу из всего текста книги) и поставил совершенно точный диагноз, но вот в прогнозе он ошибся. А точный прогноз дал Гончаров, отправив на тот свет Обломова (дворянство), а его дворового Захара обрек просить милостыню. Прогнозы же Достоевского – это настоящие пророчества.

Если все сведения не выстраивать в точном хронологическом порядке и не устанавливать между ними причинно-следственную связь, а сваливать все в кучу, то это будет вовсе не анамнез, а просто куча фактологического хлама и не более того.

Лет десять тому назад я пришел к печальному для себя выводу, а сформулировался он примерно так: «Русская литература XIX века – это история болезни русско-общественного сознания».

Конечно, речь здесь у нас шла о дворянской литературе, о дворянском общественном сознании, хотя дворянство было всего лишь численно малозначительной частью всего русского народа, однако оно являлось господствующим классом и занимало в государстве все господствующие высоты.

Вывав у Петра III и Екатерины II «вольность», то есть освободив себя от службы государству, дворянство вступило на путь, ведущий к неизбежному историческому самоубийству. В халате и строить, и защищать империю не очень-то сподручно.

«Тут я еще больше наслушался о войне, чем от Веры Артамоновны, – вспоминал Герцен. – Я очень любил рассказы графа Милорадовича, он говорил с чрезвычайной живостью, с резкой мимикой, с громким смехом, и я не раз засыпал под них на диване за его спиной.

Разумеется, что при такой обстановке я был отчаянный патриот и собирался в полк...»

Собирался в полк, а ударился в... революционную крамолу. И пошла-поехала эстафета: Бакунин – Герцен – Кропоткин – Плеханов и так далее. Да, никто из них не погрузился в убаюкивающий халат, все они бросились в кипучую деятельность, но эта деятельность, при любых намерениях, оказывалась разрушительной, то есть антигосударственной.

Одни ушли в халат, другие – в революцию, третьи – в созерцание, четвертые судорожно пытались что-то

удержать, а тем временем разночинцы всех мастей штурмовали университеты, занимали кафедры, суды и адвокатские конторы, заполняли государственные учреждения и так далее. Дворянство, хотя номинально и продолжало считаться господствующим классом, теряло одну командную высоту за другой... И чеховский «Вишневый сад» прозвучал похоронным маршем этому некогда служилому сословию. Итак, мы вправе сказать, что **л е н ь** не являлась **родовой чертой русского дворянства**, она стала поражать как общий недуг это сословие с утратой им **своих государственных обязанностей**, когда оно получило «вольность» и при том навечно сохраняло материальную обеспеченность (крепостных). Правда, история внесла свою поправочку: «навечно» оказалось иллюзией.

В период гражданской войны дворянство (Белое движение) сумело лишь красиво уйти с исторической сцены, но выиграть сражение оно не смогло, так как то был уже финал, финал того генерального сражения, которое дворянство начисто проиграло еще в предыдущем столетии.

«М-р Буллит пишет: “Русский народ является исключительно сильным народом с физической, умственной и эмоциональной точки зрения”. То же говорю и я. Решительно то же говорят и самые голые факты русской истории: слабый народ не м о г построить великой империи. Но со страниц великой русской литературы на вас смотрят лики бездельников».

Мистер Буллит был когда-то американским послом в нашей стране, так что Россию он знал не только по книжкам. С его характеристикой русского народа И.Солоневич полностью соглашается, а я соглашаюсь и с мистером Буллитом и с Солоневичем, так что создается уже не только общая, но даже как бы международная точка зрения и не считаться с ней, по-мо-

ему, нельзя. И все-таки я позволю себе несколько усомниться в полной универсальности этой точки зрения.

Ну, о тех бездельниках, что смотрят на нас «со страниц великой русской литературы» мы уже поговорили, кажется, достаточно; теперь настал черед поговорить о другой части русского народа, чьи лики не так богато представлены в этой литературе, то есть о крестьянстве. Поставим аналогичный вопрос: **являлась ли лень родовой чертой русского крестьянства или эта черта благоприобретенная?**

Наличие подобной черты у крестьянства подтверждается не столько даже литературой, сколько народными поговорками и некоторыми обычаями, однако я здесь не стану утомлять читателя различными примерами, а обращусь непосредственно к «голым фактам русской истории».

Надо сказать, что еще до Петра I в России было немало иностранцев, возможно, их находилось в ней больше, чем нужно. Но не в этом дело. После польского нашествия в начале XVII века к России стали очень приглядываться, а экономический шпионаж стоял даже на очень большой высоте, отсюда и осталось немало свидетельств о допетровской «отсталой» Руси. Так, член шведского посольства в Москве докладывал в 1674 году:

«1) есть ли другая какая земля, которую Бог поставил бы, как русское царство, между всех морей света? 2) Есть ли где другая земля, которую Бог наделил бы таким множеством прекрасных рек и источников? 3) Есть ли другой народ, который так покойно и с меньшей опасностью и издержками мог бы торговать из первых рук с столь многими народами вселенной, как то делают русские? 4) Руссия имеет у себя много хороших товаров, — и в 5) она имеет то преимущество, что все ее жители, начиная от знатнейших до последних, л ю б я т т о р г о в л ю.

К этому примолвить надобно и то, что русские купцы по большей части от природы склонны к обманам, и

так в этом искусны, что и опытейшие иностранные купцы попадаются от них в дураки. — Здесь есть пословица: на то щука в море, чтобы караси не дремали» (Иог. Ф. Кильбургер).

Обращу внимание на три обстоятельства: на древность этой пословицы, на множество лавок в Москве и на то, что все любят торговать.

А вот что доносил австрийский дипломатический агент Оттон Плейер в 1710 году:

«Налоги... все становятся тяжелее, съестные припасы с каждым годом поднимаются в цене, хлеба не так много, возовые лошади, которых должно употреблять для разной перевозки припасов, становятся реже... торговля в стране приходит в дурное положение...»

Конечно, в это время шли войны, строился Петербург, однако и по окончании войн положение мало менялось к лучшему да и не могло измениться к нему. Причина лежала в петровских реформах. Мы уже говорили о том, что крепостной крестьянин стал фактически рабом. Петр I уничтожил еще и сословие «гулящих людей», то есть людей, которые не были приписаны ни к какому сословию: одних (молодых и здоровых) забрали в солдаты, остальных сделали крепостными. Таким образом как бы самоуничтожился рынок рабочих рук. Теперь ни купец, ни ремесленник, не будучи благородными, не имели права иметь крепостных, а по вольному найму брать было просто некого.

А вот в какое положение попал крепостной крестьянин: «Здесь свобода крестьянина доведена до такого стеснения, — писал И.Беляев, — что крестьянин помимо помещика ничего не мог ни продать, ни купить, ни даже в свободное время идти в работники на сторону или заниматься какими-либо отхожими промыслами. Мало того, помещик строит ему дом по своему образцу и признает его только жильцом в этом доме, а не хозяином, и даже вмешивается в его семейные дела... помещик морит его трехдневным голодом за то, что он ос-

мелится продать лишние и ненужные ему курицу или поросенка, помещик требует, чтобы у крестьянина на дворе было столько-то коров, лошадей, овец, оловянных ложек...»

Скажите, станет крестьянин проявлять какую-либо хозяйственную инициативу, к примеру, разводить тех же кур или овец, если он не имеет права их продать? Ну, предположим, рискнет, потрудится, а помещик их отберет – не положено. Попросится крестьянин в свободное время где-нибудь на стороне подработать, а помещик не разрешит, плюнет на все бедолага, ляжет на печку или, в зависимости от времени года, засядет на завалянку и примется семечки лузгать – все какое-никакое занятие.

А предположим, что крестьянин чуток грамотен. Станет он себя утруждать хотя бы элементарным обучением детей? А зачем, если и детей у него могут отобрать в дворовые, а то и на продажу? Так и внедрилась в деревню сплошная безграмотность.

Забор повалился – можно чем-либо подпереть, крыша начала протекать – можно как-то залатать. А вот подумать о том, как дом покраще сотворить – такая мысль в голову и не залетит, дом-то он опять не твой. И Кижская деревянная архитектура возникла в Олонецкой губернии, а не в Курской вовсе не потому, что в Курской дров было меньше, а потому, что в северных провинциях не было крепостного права.

Но более всего развращающе на крепостного, точнее, на его сознание действовала барщина. Пусть Павел I и ограничил ее тремя днями в неделю. Почти полтора века действовало петровское крепостное право, когда из поколения в поколение передавалась **двойная трудовая мораль**. У себя на поле крестьянин надрывается, а на барском старается любым путем схалтурить, то есть все его мысли направлены не на то, как лучше сработать, а на то, чтобы никто не заметил его умышленных упущений. Конечно, и тут тоже нужна бы-

ла своя изобретательность, но подобного рода изобретательность уже негативного свойства.

Полтора столетия, которые были потрачены на преодоление петровских реформ, сбросили нас на обочину европейского экономического развития, поскольку практически был убит внутренний рынок: ведь крестьянин не только ничего не продавал, но он также ничего и не покупал. Лапти, валенки, домотканая одежда, лучина, овчина – ведь это же признаки какой-то нелепой робинзонады, что в переводе на экономический язык означает замкнутое в себе самом натуральное хозяйство, в котором барахталось примерно процентов восемьдесят населения. Застой чудовищный, но в то же время потенциал имелся огромный.

Г.Федотов в статье «Революция идет» отмечал: «Но за ней (За эпохой первоначального накопления. – *А.Л.*) идет в 80-х годах волна промышленного расцвета, капиталы приливают в текстильную индустрию, создавая мощный центрально-промышленный район. И здесь коренное московское старообрядчество сохраняет гегемонию, как и на Волге, Каме, Урале».

Между прочим, в то время Россию не случайно называли «ситцевой империей». Но я сейчас хочу сказать о другом. Спрос на текстиль фабричной выделки существовал у нас и в начале XIX века, но он в основном удовлетворялся английским импортом. В 1807 году Александр I и Наполеон заключили знаменитый Тильзитский мир, и Россия присоединилась к континентальной блокаде, направленной против Англии. В 1812 году Франция объявляет войну России, и за пять лет, воспользовавшись «блокадой», русские предприниматели так расширили свое производство, что после отмены ее уже не потребовался английский импорт.

В России в ту пору, и даже в более отдаленную были и деньги, и предприимчивые люди, но слишком медленно развивался внутренний рынок, а частично его уже захватили иностранцы.

Но если крепостные оказались задавленными и искалеченными барщиной или дворовой службой, то почему же после Реформы 1861 года в России так быстро начал развиваться капитализм? Причин тут много, останавлиюсь лишь на нескольких.

Во-первых, в Сибири и на русском Севере крепостного права не существовало, и не случайно Ломоносов явился из Архангельска, а не из Рязанской губернии.

Во-вторых, чуть менее половины всех крестьян были не помещичьими, а государственными, которые пользовались все-таки определенной экономической свободой.

В-третьих, к счастью, не вся Россия оказалась черноземным краем. На скудных землях многие крестьяне переводились на оброк (целиком или частично), что тоже давало какой-то простор для самостоятельной экономической деятельности.

В-четвертых, преследуемое старообрядчество, многое сохранившее из того, чем жила допетровская Русь, выдвинуло не одного коммерческого Ломоносова. С петровских времен старообрядцев обложили двойным налогом, вот они и крутились. А когда после Реформы 1861 года их уравнили в правах со всеми, тогда-то они и выскочили в лидеры.

Нет, я не случайно процитировал Г.Федотова. Я и без него мог бы сказать, что в 60-х годах накатила «волна промышленного расцвета», это общеизвестно. Тут важно другое, он точно указал главный район расцвета: Москва, Волга, Кама, Урал. Если же мы присовокупим сюда еще Архангельск, то обнаружим, что это и есть тот самый обширный регион, который в московской Руси являлся основой торгово-промышленного развития страны. Правда, он не назвал Архангельска. И правильно сделал, так как к 80-м годам этот город-порт фактически зачах.

Мне могут сказать, что Петр построил порт в Петербурге, и Архангельск не выдержал конкуренции.

Формально это так, однако в действительности не совсем так, вернее, совсем не так. Дело в том, что Петр попросту убил Архангельск экономически: он взял да и повысил таможенный сбор в Архангельском порту на 25 процентов, вот и утекла почти вся архангельская клиентура в Петербургский порт. А в результате замедлилось развитие и Урала, и Сибири, и Камы, так как для них удобнее и дешевле было возить свои товары к Белому морю, а не к Финскому заливу.

Экономически можно придушить не только отдельного человека или отдельное сословие, но даже целые города и регионы, а заодно с ними и всю страну. Если раньше для нас все это являлось научными отвлеченностями, то сегодня мы убеждаемся в том на каждом шагу.

В своих «Воспоминаниях» С.Витте констатировал: «У нас народ так же трудится, как и пьет. Он мало пьет, но больше, чем другие народы, напивается. Он мало работает, но иногда надрывается работой».

К сожалению, наш знаменитый финансист в своих размышлениях дальше констатации факта не пошел. Действительно, в те времена в России пили меньше, нежели во Франции или Германии, о чем свидетельствует статистика, но напивались, надо думать, «больше, чем другие народы», и чаще всего по причине невозможности реализовать себя. А вот что касается работы, то мы уже говорили о той «двойной трудовой морали», которая на протяжении полутора столетий, передаваясь из поколения в поколение, разрушала внутреннюю дисциплину человека, когда работа отнюдь далеко не всегда являлась источником жизни. И «напивались» не только потому, что приходилось «надрываться», чаще, наверное, наоборот, по причине того, что порой работали кое-как.

Итак, если говорить о синдроме «русской лени», то его нельзя ни отрицать, ни возводить в одну из доминант русского характера; болезнь эта благоприобретенная главными сословиями (дворянством и крестьян-

ством) на определенном историческом этапе, когда во-зобладали волюнтаризм верховной власти и похоть к праздному образу жизни господствующего класса, забывшими истинное свое предназначение, а потому и потерявшими инстинкт собственного самосохранения.

Нет, мы совсем не случайно возразили Н.Бердяеву, поставившему в один ряд революцию, войну и государственность. Вне государства или помимо государства человек теряет всякую опору в жизни, крестьянству нужны земля и свободный на ней труд, торгово-промышленному сословию необходима разумная правительственная покровительная система, дворянству нужен мундир, а не халат, то есть неременная государственная служба, интеллигенция обязана ощущать себя интеллектуальной лейб-гвардией, а не сокрушительницей всех государственных устоев и нравственных начал, духовенство должно быть духовным пастырем, перед которым все равны, как перед Богом или как перед смертью.

Что касается русского дворянства, то оно окончательно себя исчерпало в 1917 году. Без монарха дворянство превращается в историческую ненужность, обремененную памятью и лишенную перспективы, Что же касается самой монархии как самой высокой формы государственного устройства, то ее еще нужно заслужить. Пока мы ее не заслужили. А ту, что у нас была, безжалостно сокрушили.

1995 г.

ДАР СУДЬБЫ

Заемное знание, если оно у с в о е н о, но не о с в о е н о, то есть если оно не легло в собственную мировоззренческую систему, невольно ведет к агрессивному интеллектуальному невежеству, от которого избавиться

куда труднее, нежели приобрести недостающие знания при желании служить научной истине. Подавляющее же большинство людей современного научного мира лишь манипулирует научными сведениями или в угоду казенным установкам агитпропа, или в угоду так называемому общественному мнению. А чаще всего это большинство столь ловко обслуживает одновременно и агитпроп и общественное мнение, что те даже не подозревают о „двойной» службе их интеллектуальной обслуги. Впрочем, и сами эти „господа», как правило, находятся на содержании у единого исторического субъекта. В век, когда гражданской нормой стало, скажем, „двойное» политическое гражданство (своего рода политическая полигамия), вряд ли следует удивляться столь энергичной интеграции морали публичного дома в различные сферы современной жизни.

Пушкин, как всегда заглядывая вперед, как-то по неосторожности выпалил: „Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». И вот многочисленные самозванные „потомки» великого поэта не стали торговать вдохновением по причине его отсутствия, но зато по причине рыночного спроса стали вовсе торговать „рукописями». И тут нет ничего удивительного, если интеллектуальная собственность приравнивается к любой другой собственности, а посему может отчуждаться по желанию собственника в чью угодно пользу. Тотальная победа рыночных отношений привела к тому, что на исходе нынешнего века самостоятельно мыслящих писателей и ученых гуманитарного профиля почти не осталось, и на резкую убыль они пошли с начала Первой мировой войны, когда мир христианского происхождения, вроде бы уже преодолевший пред-рассудок государственных границ, вдруг раскололся, и началось невиданное самоистребление европейских народов.

У нас в силу уже укоренившегося недоразумения полагают, будто мыслил *оппозиционно* — значит мыслить

правильно и *самостоятельно*. Пушкин в последние годы своей жизни мыслил *правильно* и *самостоятельно*, но не *оппозиционно*. Славянофилы и западники мыслили *оппозиционно*, но если первые мыслили *самостоятельно* и по большей части *правильно*, то вторые мыслили и *не-самостоятельно*, и *неправильно*. Толстой в последние годы своей жизни мыслил и *оппозиционно*, и *самостоятельно*, но не во всех случаях *правильно*. Тут могут возникнуть самые различные комбинации, когда одно во все еще не обуславливает непременно другое.

В ходе Февральского и Октябрьского переворотов, а затем гражданской войны и первых мирных лет почти вся мыслящая русская интеллигенция оказалась «на другом берегу». Естественно, что она была настроена откровенно оппозиционно и к большевикам, и к ее вождям, и к Октябрю, хотя слово «оппозиционно» здесь, вероятно, даже недостаточно. Много искренних, горьких и даже *правильных*, но запоздалых слов сказала первая русская эмиграция, однако *самостоятельных* слов сказано было до обидного мало. Партийные, групповые, сословные и прочие предрассудки не позволяли подняться выше корпоративных интересов или сугубо личных переживаний и счетов и увидеть трагедию России, трагедию русского народа во всей ее исторической протяженности. Для наглядности дадим только один пример.

Высокообразованный ученый-историк, видный политический деятель, лидер кадетской партии П. Милюков написал множество работ по русской истории и, надо признаться, весьма интересных работ. Столь же интересны и его «Воспоминания», написанные в последние годы своей жизни. Однако при всем изобилии исторических фактов и политических сведений, при всей изящности логических умозаключений и превосходном стилистическом изложении в работах П. Милюкова отсутствует главное – судьба России, хотя все его научные и политические интересы всегда были подчинены на-

стоящему и будущему именно России. Вспоминая собственную молодость, П. Милюков признавался: «Я вообще был склонен к схематизму и к стройности построений». Надо сказать, эту склонность П. Милюков сохранил до конца своей жизни. Современный историк Н. Думова справедливо замечает: «Человек холодного, четкого ума, он нередко оказывался в плену логических схем, абстрагировался от бурного, многослойного, не укладывающегося в умозрительные рамки потока живой жизни». А близко знавший П. Милюкова П. Струве выразился более образно: «Если бы политика была шахматной игрой и люди были деревянными фигурками, то П. Н. Милюков был бы гениальным политиком».

И не будет преувеличением, если мы скажем, что П. Милюков дал в свое время самые яркие образцы *партийной* литературы, сориентированной на общественное мнение и одновременно его формирующей. Что же касается главного политического и философского принципа, которого придерживался и сам Милюков и его кадетская партия, то он был сформулирован еще до того, как Милюков вступил на путь политической борьбы. «Славянофилы, — писал он, — стояли на принципе русской самобытности, западники — на принципе заимствования западной культуры. Мой тезис был, что европеизация России не есть продукт заимствования, а неизбежный результат внутренней эволюции, одинаковый в принципе у России с Европой, но лишь задержанной условиями среды».

Эта позиция гарантировала П. Милюкову популярность как в самой беспокойной и активной студенческой среде, так и в вечно оппозиционном русском интеллигентском обществе, что было в те времена уже более надежным, чем, скажем, даже авторитетная, но неустойчивая монаршая милость. Так, в 1895 году Милюкова подвергли административной высылке из Москвы в Рязань. «Со всех сторон я получал выражения сочувствия и — больше того — предложения поддержки в кри-

тическую минуту. «Русские ведомости» предложили постоянное сотрудничество и фиксировали ежемесячный оклад. Из Петербурга пришло предложение напечатать мои лекции по истории культуры в «Мире Божьем». Гольцев устроил банкет...» Павлу Николаевичу тогда шел всего лишь тридцать седьмой год. Через много лет, когда Милюков станет известным и влиятельным политиком, та же позиция обеспечит ему, говоря современным языком, поддержку Запада.

Однако столь подробно мы говорили о П. Милюкове вовсе не затем, чтобы еще раз засвидетельствовать свое почтение к столь замечательной исторической личности эпохи революций и переворотов, а из настоящей необходимости дать достаточный общественно-исторический контекст, без которого невозможно понять ни значения труда «Народная монархия», ни подлинного масштаба личности автора этого труда – Ивана Лукьяновича Солоневича. Есть и еще одно обстоятельство, возможно, даже несколько мистического плана, побудившее свести в одном разговоре две разнополюсные фигуры русского зарубежья «первой волны».

П. Милюков в начале своей научной карьеры сумел найти основное звено в русской истории – реформы Петра I – и затем уже выгащил остальную цепь. И. Солоневич в своих исторических изысканиях схватился за то же звено и создал стройную концепцию русской народной монархии.

П. Милюков во многом обязан своей ранней популярностью в научной и студенческой среде продолжительной полемике со своим учителем – знаменитым историком Ключевским. И. Солоневич в своей главной работе, хотя и полемизирует с Ключевским, но в то же время постоянно опирается на его научные труды.

После Октября П. Милюков примыкает к белому движению и входит в состав Донского гражданского совета. И. Солоневич тоже оказывается на юге и примыкает к белому движению.

В 1918 году П. Милюков поддерживает немцев, оккупировавших Украину, в надежде убедить их «занять Москву и Петербург... и помочь образованию «всероссийской национальной власти». И. Солоневич в 1938 году после закрытия болгарскими властями его газеты «Голос России» уезжает в Германию и открывает там новое периодическое издание – «Нашу газету» и тоже в надежде, что немцы помогут «спасти нашу Россию от коммунистов». В 1941 году «Нашу газету» закрывают, И. Солоневич два месяца проводит в берлинской тюрьме, а затем до самого окончания войны живет под присмотром гестапо в провинции.

П. Милюков в молодые годы был выслан из Москвы в Рязань, и хотя эта высылка во всех отношениях оказалась достаточно комфортабельной, однако любое ограничение свободы в качестве репрессивной меры все равно остается ограничением свободы. И. Солоневич, его младший брат Борис и юный сын пытаются перейти государственную границу, их задерживают, но уже на другой год они не только совершают побег из советского лагеря, но на сей раз благополучно переходят советско-финскую границу.

На П. Милюкова в Берлине, а на И. Солоневича в Софии совершаются покушения, но оба остаются живыми и даже невредимыми. Однако пулю, предназначенную П. Милюкову, принял добровольно на себя его товарищ В. Набоков (отец писателя В. Набокова) и погиб. Взрыв в квартире И. Солоневича унес жизни его жены Тамары Владимировны и секретаря редакции Николая Петровича Михайлова. Так что в обоих случаях покушения оказались отнюдь не опереточными. На П. Милюкова покушались правые монархисты (Таборицкий и Шабельский-Брок), а на Солоневича – то ли агенты ОГПУ, то ли кто-то из «своих». Выяснить истину, конечно, не удалось, преступление так и осталось не раскрытым.

А в 1935 году судьба сводит в Париже сорокачетырехлетнего И. Солоневича с семидесятишестилетним

П. Милюковым – признанным лидером русской эмиграции во Франции. П. Милюков публикует в своей очень популярной газете «Последние новости» сокращенный вариант книги И. Солоневича «Россия в концлагере» и рассказ «Деревня».

«Эти публикации, – пишет современный исследователь О. Алексеев, – вызвали большой интерес в эмигрантской среде. В отзывах читателей, помещенных в «Последних новостях», отмечалось, что И. Солоневич, «обладал публицистическим талантом, дал яркую картину жизни в сталинской России». Так как французские власти не давали разрешения на постоянное проживание всех Солоневичей, а в Финляндию Иван возвращаться не хотел, считая, что «возможностей развернуться там мало», Милюков и Гучков помогли семье получить вид на жительство в Софии».

Казалось бы, два эти человека – Милюков и Солоневич – должны были сойтись, сблизиться, сплотиться и с новой силой повести *общее дело*, когда первый подкреплял бы второго своим авторитетом, опытом политической борьбы, наконец, своими материальными возможностями, а второй подкреплял бы первого своим ярким литературным талантом, нерастроченной молодой энергией, решительностью, силой и мужеством. Но этого, увы, не произошло – *общее дело* в действительности оказалось отнюдь не общим.

«Буквально через месяц-другой, – продолжает О. Алексеев, – Милюков, Гучков, другие влиятельные деятели эмиграции, вероятно, сожалели о той поддержке, которую они оказали И. Солоневичу. Расчет был на приобретение в его лице верного и послушного человека в Софии, где кроме капитана Фосса и все больше отходившего от эмигрантских дел генерала Абрамова, не было людей, способных вести активную организаторскую и пропагандистскую работу. И. Л. Солоневич обладал необходимыми качествами для этого, но он оказался идейным противником Милюкова и других лиде-

ров эмиграции. Еще задолго до побега он пришел к убеждению, что «во всех бедах России виноваты представители старых правящих классов и либеральной интеллигенции. Они с середины XIX века начали расшатывать государственный строй, нравственно разлагать народ...»

Разумеется, П. Милюков и его довольно обширная паства никак не могли солидаризироваться с человеком, исповедующим подобного рода взгляды – это теоретически, а практически – все, что в русской эмиграции не могло солидаризироваться, вступало между собой в конфликт, и начиналась борьба. Однако в данном случае к десяткам уже возникших в эмиграции конфликтов не просто приплюсовался еще один конфликт, здесь обозначился главный водораздел между теми, *кто* по существу и создал ситуацию семнадцатого года и от кого по иронии судьбы так быстро и так просто ускользнула верховная власть, и *кто*...

Отточие это возникло не случайно. Как-то не совсем ловко проводить водораздел между многими тысячами (первые «кто») и единицами (вторые «кто»), хотя в исторической перспективе водораздел пролег именно здесь, благополучно дожив до наших дней, и имеет основательную тенденцию перекочевать в третье тысячелетие.

Первые «кто» прекрасно знали, чего конкретно они хотят, – реванша. Допустим, им удастся у большевиков вырвать потерянную в Октябре власть. Но дальше-то что? Естественно, погуще пострелять большевичков, образовать по западным образцам парламент, возможно, даже выбрать президента... И снова встает тот же вопрос: «Дальше-то что?» Дальше догонять передовые страны...

А это уже чрезмерно расплывчато. Правда, примерно через четыре десятилетия Никита Сергеевич конкретизирует данную программу, ограничив «догон» лишь молоком и мясом. Что из этого получилось, всем хорошо известно.

Вторые же «кто» думали не о власти, они думали о России, хотя и для них борьба с большевизмом оставалась задачей номер один.

И на долю Ивана Лукьяновича Солоневича выпала тяжелейшая миссия: с одной стороны он должен был заниматься повседневной «организаторской и пропагандистской работой» (только работал он не на Милюкова и Гучкова); а с другой – ему предстояло разработать новую концепцию русской истории, опираясь уже на трагические события семнадцатого года и последовавшие за ними геополитические изменения.

И позже он скажет: «История русского народа еще не написана. Есть «богословская схоластика», есть «философская схоластика». Обе подогнаны под заранее данную цель и обе базируются на сознательном искажении исторических фактов. Схема русской истории, лишенная по крайней мере сознательного искажения, будет в одинаковой степени неприемлема ни для правых, ни для левых читателей. Однако, она может дать ответ на два вопроса. Первый: как это все случилось, и, второй, как сделать так, чтобы всего этого больше не случилось».

И. Солоневичу не была присуща и малая доля писаревского нигилизма. Он вовсе не отвергает трудов самых разных историков прошлого и настоящего. Но ведь наличие историков и даже наличие серьезных исторических работ никак еще не свидетельствует, что и история данного народа уже написана.

И дело тут не в агитпропе, цензуре или каких-либо других внешних условиях (хотя, конечно, и они играют не последнюю роль). Для написания истории необходим «пятый акт», то есть завершение какого-то исторически крупного действия. Вы можете прочитать полкниги, три четверти книги и судить о прочитанном, но цельный и законченный разговор может состояться лишь по прочтении всей книги, то есть опять-таки нужен «пятый акт», ибо необходимо не только знать развязку, но и пережить целостное состояние катарсиса.

Родись Лев Толстой на десять лет раньше, он не написал бы «Войну и мир» тоже на десять лет раньше, она могла быть написана лишь после «пятого акта», то есть после Реформы 1861 года, когда дворянство как правящий класс начало сходить с исторической сцены. «Война и мир» – это реквием русскому дворянству.

В конце прошлого века отечественные художники создали величественный реквием – неповторимый по своей религиозной наполненности пейзаж родной природы, одновременно с человеком шагнувшей к бездне. Последнюю и попытались выразить в своих безумных творениях русские абстракционисты.

Книга «Народная монархия» писалась уже после «пятого акта», когда Российская Империя рухнула и когда всякая предположительность уступила свое место жестким и суровым фактам свершившегося. И сегодня мы видим, как бегут от нее прочь народы, которые она столь долго укрывала от гибели, бегут навсегда. Нет, никакое возрождение Российской империи уже невозможно и незачем себя тешить ненужными и даже вредными иллюзиями, ибо имперский потенциал Европы, кажется, иссяк навсегда. Канули в историю Германская Империя, Австрийская Империя, Французская Империя, Британская Империя, нынче на наших глазах рушится воспреемник Российской Империи Советский Союз с его извращенной имперской идеей великодержавного космополитизма.

Когда читаешь работы П. Милюкова, невольно вспоминаешь прекрасно знающих медицинскую науку современных врачей, стремящихся правильно *угадать* и правильно назвать болезнь, а затем обрушить на нее весь арсенал пригодных для ее лечения фармацевтических средств. Когда же читаешь работы И. Солоневича, то перед тобой встает образ врача, стремящегося отыскать причину возникновения *болезни* и лечить не болезнь, а неповторимую физиологическую личность с ее индивидуальной психической системой. В первом

случае господствует передовая на данный период медицинская методология, то есть схема, во втором – личный опыт, личная интуиция, личные знания, наконец, личное сострадание врача.

И. Солоневич сразу же приглашает читателя к активному разговору. Первый абзац – и сразу четкая методологическая установка:

«Всякая разумная программа, предлагаемая дан н о м у народу, должна иметь в виду д а н н ы й народ, а не абстрактного homo sapiens, наделяемого теми свойствами, которыми угодно будет наделить его авторам данной программы. Так все социалистические программы наделяют всех людей теми свойствами, которые отсутствуют у почти всех людей, – может быть, и к сожалению. Чувства семьи, собственности, нации по практической проверке историей оказались реально существующими. Отсюда распад всех «интернационалов», начавшийся с Первой же мировой войны. Отсюда же террористический режим социализма – всякого социализма в действии, не встретившего предполагавшихся коллективистических инстинктов человечества».

Приведенный ранее пассаж И. Солоневича об интеллигенции, будучи вырванным из контекста, звучит несколько грубовато и бездоказательно, поэтому есть необходимость представить его в развернутой авторской формулировке.

«Русская интеллигенция, традиционно «оторванная от народа», предлагает этому народу программы, совершенно оторванные от всякой русской действительности – и прошлой и настоящей. Эта же интеллигенция дала нам картину и прошлого и настоящего России, совершенно оторванную от всякой реальности русской жизни и оптимистической и пессимистической реальности. Именно поэтому русская общественная мысль шатается из стороны в сторону так, как не шатается никакая иная общественная мысль в мире: от утопических идей второго крепостного права до столь же утопичес-

ких пережитков первого. Коммунистическая революция в России является логическим результатом оторванности интеллигенции от народа, неумения интеллигенции найти с **ним общий язык и общие интересы**, нежелание интеллигенции рассматривать самое себя как **слой, подчиненный** основным линиям развития русской истории, а не как кооператив изобретателей, наперебой предлагающих русскому народу украденные у нерусской философии патенты полного переустройства и перевоспитания тысячелетней государственности».

Сегодняшняя наша действительность подтверждает слова И. Солоневича на все сто процентов и даже перехлестывает этот показатель. Если прежде российская интеллигенция, а затем советско-российская еще как-то рядилась в одежды государственной самостоятельности, то нынче она пустилась в бесшабашный стриптиз, демонстрируя свою полную интеллектуальную несостоятельность. Выступают в парламентах академики, доктора, государственные люди, а теперь почти все государственные люди или академики или доктора, с различными прожеками или «моделями», чаще всего заимствованными у западных соседей, ближних и дальних, и с гордостью признаются, что их прожеки уже одобрены и завизированы иностранными научными центрами или фирмами, так что эксперимент можно начинать. Добро бы, если речь шла о каких-то чисто научных проблемах, где мы действительно отстали, но ведь тут-то речь идет о тех проблемах, которые во всех, даже самых маленьких странах везде и всюду всегда решались без чужого вмешательства, даже в колониях.

Никогда еще и нигде не наблюдалось такого, чтобы государственные люди признавались в собственной полной некомпетентности в сфере государственного строительства и государственного управления и считали бы это достаточным основанием для претензии на верховную власть в стране. И между прочим, ни одна наша бывшая Союзная республика, ныне объявившая о

своим суверенитете, не последовала этому сногшибательному примеру бывшего «старшего брата». У всех достаёт элементарного благоразумия.

Когда читаешь книгу И. Солоневича, то как-то не верится, что писалась она полвека назад – все необычайно знакомо или узнаваемо; даже стилем он не столько напоминает своих современников, сколько современников наших, пусть даже не существующих, а лишь воображаемых. Слова И. Солоневича как-будто летят не из прошлого, а рождаются вот здесь и сейчас, возникают из нескончаемой русской беседы, плодотворной и бессмысленной одновременно. Вот он бросает:

«Было бы откровенно глупо: убеждать цыган в преимуществе «функциональной собственности» и евреев в желательности стройки Еврейской Империи. Однако: почему-то не считаются откровенной глупостью попытки навязать России политические порядки, выросшие из западно-европейского феодализма. Почему, в самом деле, мы должны копировать французов, а не цыган? Или немцев, а не Израиль? Или Великобританию, а не Бечуанленд?»

И тут уже у нас самих возникает целая череда самостоятельных вопросов. Действительно, а почему мы должны копировать кого-то *вообще*: неважно – французов или цыган? И почему только *мы* должны копировать? Почему французы могут оставаться французами, цыгане – цыганами, Израиль – Израилем, а мы непременно должны стать кем-то или хотя бы походить на кого-то, будто в своем облики нам уже и места-то нет на земле? Хотя места у нас больше, чем у других... Впрочем, должно быть тут-то и зарыта собака. Недаром ведь говорится, что народы гибнут от избытка слов и богатств. Слов мы наговорили, и по преимуществу ненужных, великое множество...

И началось все это даже не с невинного на первый взгляд милюковского тезиса о неизбежности внутренней эволюции России в сторону западноевропейского

политического и экономического развития и даже не с призывов В. Соловьева к русскому народу отречься от православия, а заодно и от своей национальности – корни этих тенденций лежат намного глубже. Автор труда «Народная монархия» четко формулирует свою историко-философскую точку зрения на развитие России:

«Народно-Монархическое Движение исходит из той аксиомы, что Россия имеет с в о и пути, выработала с в о и методы, идет к с в о и м целям и что поэтому н и к а к и е политические заимствования извне ни к чему, кроме катастрофы, привести не могут». Вот более общий принцип:

«Народно-Монархическое Движение есть единственное в эмиграции политическое движение, которое базируется на исключительно русской почве, *не имеет никаких мировых претензий и отрицает всякие мировые рецепты*» (курсив мой. – А.Л.).

А теперь совершенно конкретно:

«Для Народно-Монархического Движения эпоха Петра и его «реформ» является исходной идейной точкой отталкивания: именно в эту эпоху было начерно оформлено идейное завоевание России Западом».

Мы уже говорили о том, что И. Солоневич писал «Народную Монархию» уже после «пятого акта», то есть в тот период, когда Российская Империя закончила свое историческое существование. Однако у нее подвернулся весьма расторопный восприемник-узурпатор – быстро «организовавшийся» Советский Союз, который просуществовал всего лишь семь десятилетий. И если в эпоху Петра I было только «начерно оформлено идейное завоевание России Западом», то теперь это идейное завоевание (а заодно и экономическое) оформляется уже набело, о чем говорят откровенные попытки поменять суверенный статус России на колониальный.

И тут мы снова обратимся к «милюковской» теме, чтобы ее окончательно завершить.

В адрес П. Милюкова в разное время выдвигалось немало справедливых обвинений, но немало выдвигалось и обвинений, которые никак нельзя считать справедливыми. И главное из них – обвинение в предательстве России, чуть ли ни в заговоре против нее. П. Струве был, вероятно, прав, когда говорил, что П. Милюков смотрел на людей, как на шахматные фигуры. Однако у П. Милюкова была и «своя» Россия, которую он любил – это профессорско-парламентская Россия с ее университетскими кафедрами и парламентскими трибунами, с интеллектуальной политической борьбой и успехами у публики. Другой России он как бы и не знал, что вовсе не означает, будто для него она не существовала. Как политик, стоящий во втором ряду среди фигур, он хорошо понимал значение пешек, хотя они и были для него все на одно лицо. Позже, уже в эмиграции, он постепенно начнет признавать, что во всех минувших событиях решающую роль для него играли все-таки пешки.

В апреле 1916 года П. Милюков в составе думской делегации прибыл в Англию. В неофициальной личной беседе с лордом Эдвардом Грэм он затронул многие вопросы, связанные с территориальными и прочими интересами России, и защищал эти интересы очень тонко и достаточно настойчиво. А вот в разговоре с министром снабжения Ренсименом П. Милюков счел необходимым сказать об «опасности, грозящей династии и старому порядку».

Итак, уже в самом начале 1916 года кадетская партия была готова в ближайшем будущем к свержению монархии и к разрушению «старых порядков», и П. Милюков в апреле того же года начал готовить к тому «общественное мнение» в союзных странах.

Пройдет около четырех лет, исход гражданской войны будет уже предрешен, и П. Милюков, находясь уже в эмиграции, сделает для себя печальное открытие. «Грустные мысли, – пишет Н. Думова, – возникли у Милюкова по поводу отношения к его родине союзников. В

письме к руководителям Национального центра он сообщал о настроениях в лондонских высших сферах: «Теперь выдвигается в более грубой и откровенной форме идея эксплуатации России **как колонии** ради ее богатств и необходимости для Европы сырых материалов». Письмо это сохранилось в архиве. Слова «как колония» подчеркнуто автором жирной чертой»

Видимо, когда в апреле 1916 года П. Милюков вел неофициальные переговоры с лордом Эдвардом Грэем, он упивался собственным умом и собственным тонким красноречием, чувствуя себя первым патриотом России, а заодно восторгался великодушием и благородством верного союзника России лорда Эдварда Грэя, не подозревая, что столь приятную атмосферу их беседе обеспечили русские армии и русские пушки на далеком от Лондона русском фронте. Об истинных намерениях верных союзников узнал попозже, когда Россия оказалась обескровленной. **К о л о н и я** – вот удел бывшего союзника. И трудно найти причины, в силу которых западные страны вдруг бы отказались от своих вековых намерений и желаний сегодня.

В 1929 году П. Милюкову исполнилось 70 лет, во время чествования он сказал: «Связать прошлое и настоящее – такова была задача всей моей политической деятельности. Историк во мне всегда влиял на политика». К сожалению, так было на самом деле. Приняв еще в молодые годы западническую догму – европеизация России есть неизбежный результат внутренней ее эволюции, – как политик П. Милюков одержал много мелких побед и потерпел несколько сокрушительных поражений.

Иван Солоневич родился в 1891 году в селе Рудники Пружанского уезда Гродненской губернии, учился в гимназии, в 1916 году окончил юридический факультет Петроградского университета, работал в «Новом времени», служил в белой армии. Тиф помешал ему эмигрировать с остатками белой армии, и он на многие го-

ды застрял в Советской России. Затем, как мы уже говорили, сталинские лагеря, побег, эмиграция. И если П. Милюкову во «втором ряду» мешал «король», а к «пешкам» он относился индифферентно, то для И. Солоневича важны были как раз «король» и «пешки», к остальным же фигурам «второго ряда» он относился, мягко говоря, сдержанно. Если же говорить откровенно, то дворянство И. Солоневич явно недолголюбивал и поэтому не всегда был по отношению к нему справедлив. Но здесь в нем говорило не «классовое чутье», тут он выдвигал исторические претензии к правящему классу, который свои привилегии, а заодно и монархию, по сути дела, проиграл в карты на зеленом сукне и спохватился о монархии лишь в эмиграции. Таких эмигрантов-монархистов он не жаловал, а они его еще больше, поэтому И. Солоневич оказался зажатым между двух сил: с одной стороны правые – обобранные «материально» Октябрем монархисты-бытовики, с другой стороны левые – ограбленные «политически» Октябрем либералы-западники. В результате же после Второй мировой войны он был отжат в далекий Буэнос-Айрес, где и умер в 1953 году.

А несправедлив И. Солоневич был к дворянству в том смысле, что порой предъявлял свои претензии дворянству тех эпох, когда оно еще не помышляло ни о каких картах в силу своей занятости на полях брани. Хотя с другой стороны пустился защищать Скалозуба, вернее, обвинять Грибоедова за то, что он вывел таким Скалозуба, участника войны с Бонапартом. Вероятно, здесь следует говорить не о несправедливости И. Солоневича, а о некоторой его противоречивости в этом вопросе и в том, что связано с этим непростым вопросом.

Так, на наш взгляд, говоря о русской дворянской литературе, И. Солоневич зачастую слишком перетягивает свою мысль, и создается ситуация, когда его трудно опровергнуть, но в то же время невозможно с ним и согласиться, несмотря на всю убедительность его дово-

дов. Так, к примеру, он опровергает пушкинскую мысль о бессмысленности пугачевского бунта. Но ведь сам по себе пугачевский бунт, действительно, положительного смысла не имел. Положительный смысл имел не бунт, а его подавление, точнее, последствия его подавления, когда призрак Пугачева стал витать не только по разбросанным обширным просторам Руси и, по сути дела, в беззащитных усадьбах, но и в надежно охраняемых дворцовых покоях. «Призрак пугачевщины, – писал известный исследователь крестьянского вопроса В. И. Семеvский, – вечно стоял в глазах нашего дворянства и, как грозное *memento mori*, напоминал о необходимости покончить с крепостным правом в интересах самих помещиков».

Успех же пугачевского бунта чреват был новым Лжедмитрием и новой смутой... Но это уже смысл отрицательный и слава Богу, что этот смысл не реализовался. Думается, И. Солоневич спорить с этим не стал бы.

Поскольку мы уже начали некоторую полемику с И. Солоневичем, то и закончим ее здесь, как говорится, не растягивая удовольствие. И для убедительности приведем еще один пример.

«Великим патриотом считал Петра уже Чернышевский – духовный отец и теоретический изобретатель сегодняшних колхозов». Сказано весомо, но не очень веско.

Во-первых, Чернышевский всегда настойчиво отстаивал принцип: «землевладельцем может быть только земледелец». И он отстаивал не колхозы, а общину, что совсем не одно и то же. Если бы в 1861 году порушили общину, то крестьянин, оставшись один на один с капиталистом (это тебе не бывший барин), погиб бы самым натуральным образом. Вот не объединились ни в какую общину дворяне, и все их «вишневые сады» пошли под топор. К тому же надо учитывать, что одно дело община в эпоху Столыпина – и совсем другое дело община в канун отмены крепостного права.

Во-вторых, действительно, в период подготовки Реформы Чернышевский сравнивал Александра II с «самим» Петром I, полагая, будто этим он воздаёт Александру. А, в общем-то, получилось очень глупо, потому как у него на одной доске разом уместились и царь, закрепостивший крестьян, и царь, их освободивший. Лет же через пятнадцать, находясь в ссылке, Чернышевский по прочтении «Капитала» отправился на берег, вырывал странички из книги, делал кораблики и пускал их по Вилую.

Незадолго до смерти Чернышевский писал своему двоюродному брату Александру Пыпину: «Русским времен Петра была нужна только свобода учиться... Приобрели ль они от Петра хоть маленькую свободу учиться? – Нет... Свободы учиться он не допускал... Палка за всякое движение, не предписанное регламентом, была одна и та же в ученом кабинете и на плац-параде... Он не в силах был искоренить влечения учиться; оно было уже привычно, хотя и слабо».

А вот уже прямо «на мельницу» самого И. Солоневича: «Россия была бедна; Петр разорил ее (это засвидетельствовано его помощниками, собравшимися на совещание о делах по его смерти)».

И совсем в духе И. Солоневича Чернышевский сетовал на то, что все эти его соображения не устроят ни власти (правых), ни общественное мнение (левых). Роману Гулю принадлежит замечательная фраза: «камышек, упавший в колодец, никогда оттуда не выпадет». Общественное мнение и агитпроп постоянно и без устали бросают в наши «колодцы» «камешки», которые сами по себе оттуда «не выпадают». Чтобы самостоятельно мыслить, чтобы быть духовно свободным человеком, нужно столь же постоянно и без устали чистить свой колодец, иначе всю жизнь будешь петь не своим голосом и не свои песни. И в этом смысле И. Солоневич, пожалуй, был наиболее свободным человеком в русской эмиграции ее «первой волнь». А теперь о главном, то есть о последней главе книги «Народная монархия».

Петру I в истории очень повезло. На протяжении почти трех столетий на страже его исторического авторитета неусыпно стояли общественное мнение и власть, от императоров и до генсеков, стояли навытяжку и неумолимо, словно дружная пара часовых у ленинского Мавзолея. При Екатерине II в Петербурге воздвигли в честь «преобразователя» знаменитого «Медного Всадника» — при Сталине о нем создали двухсерийный фильм и занимательный псевдоисторический роман для просвещения яростных строителей коммунизма. На Петра I смотрели, как на предтечу, возвестившего: «Разрушители всех времен, соединяйтесь!» И соединялись. И разрушали. Кто больше.

Первыми исторический счет «преобразователю» предъявили наши славянофилы и были жестоко биты, как справа, так и слева. Потом уже если кто и отваживался сказать о Петре честное слово, то голос его тонул в согласованном мощном хоре общественного мнения и власти...

О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

П. Милюков размышлял о реформах Петра в уютном кабинете и видел, как неприлично искажаются исторические факты, и он вносил кое-какие коррективы...

И. Солоневич сам завис над бездной и в отчаянии хотел понять: «Как это все случилось?» И для него Россия была не конем, поднятым «на дыбы», а матерью, поднятой «на дыбу». И он упорно пробивался к исторической истине...

Собственно говоря, все было просто. Следовало выяснить...

Действительно ли, что Петр I пробил «окно в Европу» и тем самым установил торговые и культурные связи с Европой?

Оказалось, что нет. Достаточно было ознакомиться хотя бы с таможенными тарифами, действовавшими при царе Алексее Михайловиче, чтобы удостовериться, что Россия и до Петра I вела с Европой регулярную цивилизованную торговлю, так сказать, на взаимовыгодных условиях. Не чуралась Россия и иностранных специалистов, о чем свидетельствуют в различных документах иностранные фамилии. Короче говоря, Петр I пробил «окно в Европу», когда была уже отворена дверь, правда она не была круглосуточно открыта настежь.

Действительно ли, что Петр I дал толчок к развитию русской промышленности и русской торговли?

Оказалось, что тоже нет. Петр I организовал потешное войско, которое потом кое-как переросло в регулярное. Точно так же он создал потешную промышленность, которая ни во что не переросла и перерасти не могла, а купцов загнал в узкокорпоративные гильдии.

Петр I заставил все дворянство служить. С крестьян же была снята фискальная обязанность и перенесена на помещика. Одновременно помещику вручались все права крестьянина как члена общества, и, таким образом, личность крестьянина как члена общества полностью поглощалась властью помещика.

Этим самым был почти уничтожен внутренний рынок, подавляющее большинство российских жителей перешло в режим натурального хозяйства, подорваны были даже промыслы, потешная промышленность осталась потешной, потому что с одной стороны не было свободных рабочих рук, а с другой – слишком ничтожен был спрос на промышленную продукцию. Захламо национальное зодчество. И не случайно, что Кижские острова родились и родились в зоне, где не было крепостного права.

В купеческих гильдиях варились в собственном соку, не было притока свежих энергичных сил. Купечество в ту пору требовало неординарных качеств: смело-

сти, силы, сообразительности и так далее, здесь всегда происходила конкуренция характеров, а петровские реформы закапсьюлировали купеческое сословие.

Действительно ли, что Петр I дал простор наукам и образованию?

И на этот вопрос приходится отвечать отрицательно. Разумеется, крестьян, которых начали продавать на рынках, как скот или как негров в Америке, никто учить не собирался. Отсюда-то и ведет свою историю безграмотная русская деревня. Что касается наук, то мы уже привели чуть ранее очень верное на этот счет суждение Чернышевского.

И на все эти вопросы подробно и убедительно отвечает в своей книге И. Солоневич, и для того ему не потребовались ни архивные изыскания, ни какие-то секретные источники, ему вполне хватило одной добросовестности и желания пробиться к истине. Последнее более всего и восстанавливает против него так называемых профессиональных ученых. Сегодня публикуют кого угодно, ну, хоть Деникина, хоть Колчака, Солоневич же по-прежнему замалчивается, потому как его работу не опровергнешь, тут полемика может состояться лишь на уровне концепций. В книге И.Солоневича можно что-то уточнять, что мы и проделали чуть раньше, что-то даже поправлять, однако этим никак не поколеблешь самой концепции. Его концепция не просто несет новое знание или открывает научную истину, она создает целостное мировоззрение, дает высшее знание — знание судьбы России. И это знание, когда Россия уже над самой черной бездной, когда, того и гляди, лопнет порядком перержавевшая железная узда, становится твоей судьбой, от которой ни спрятаться, ни убежать.

Перевернута последняя страница книги и перед тобой встает роковой вопрос: «Кто же и когда снимет Россию с трехсотлетней дыбы, чтобы она смогла спокойно исторгнуть свой последний стон и с облегчением испустить свой последний вздох?»

России уже не суждено возродиться, снятые с креста или с дыбы не возрождаются.

Они или в о с к р е с а ю т. Или н ъ в о с к р е с а ю т.

Сегодня выстраданная в изгнании книга Ивана Лукьяновича Солоневича «Народная Монархия» – щедрый духовный и интеллектуальный дар судьбы. И только время покажет – достойны ли мы его.

1991 г.

ЛЕНИН – ДЕНЬГИ – МИЛЮКОВ

ЛЕНИН. В последние годы немало было написано о «пломбированном» вагоне, в котором Ленин и его окружение проехали через воюющую с Россией Германию, и о полученных им деньгах от германского Генштаба. Впрочем, и в прежние времена этого полностью не отрицали, ибо, как говорится, шила в мешке не утаишь. Правда, шилом здесь были не деньги, а «пломбированный» вагон, который въехал навсегда не только в нашу, но и в мировую историю. Что же касается германских денег, то наш агитпроп до последнего времени отрицал сей факт, дескать, это придумало Временное правительство, чтобы арестовать Ленина и его некоторых соратников и тем самым обезглавить партию большевиков.

Но если бы не было никаких денег, то и в этом случае Ленин обязан был дать показания и ответить на вопрос: почему воюющая с Россией страна провезла по своей территории вагон российских эмигрантов? Ленин решил скрыться и прятался в своем знаменитом шалаше. Когда-то он дал довольно точное определение революционной ситуации, заметно отличающейся от лозунга «Вчера было рано, а завтра будет поздно». От этого

лозунга веет не революционной ситуацией, а какой-то уголовщиной.

Впрочем, как известно, победителей не судят, по крайней мере до тех пор, пока они значатся в победителях. А если и судят, то те, кто находится на расстоянии, недостижимом для победителей.

ДЕНЬГИ. Ну, это какое-то дьявольское изобретение. Скажем, замок или землю нельзя просто украсть, их можно только отнять, то есть завоевать, а вот деньги обладают дьявольским свойством невидимо появляться и невидимо исчезать, и еще говорят, что они даже не пахнут. У нас недавно много шумели о деньгах КПСС, упрятанных в зарубежных банках, обещали их найти и вернуть Народу. Что народу ничего не вернули – это точно. А вот нашли или не нашли, сказать трудно. Может быть, и впрямь не нашли – так чего же было раньше времени шуметь? А может, все-таки нашли и сочли за благо их перепрятать? Разберись теперь.

Ленин, он ведь тоже не дурак, чтобы везти с собой деньги в мешке, а потом раздавать их в шалаше своим функционерам на дело государственного переворота. Деньги пройдут через подставных лиц через несколько банков, получают их тоже подставные лица, и, как говорится, ищи ветра в поле... Поэтому мы не станем утруждать себя столь бесполезным делом, а попробуем сосредоточить свое внимание на тех «предметах», что обладают свойством шила, то есть на исторических фактах, среди которых «пломбированный» вагон занимает свое достойное, но все-таки второстепенное место.

МИЛЮКОВ. Итак, в апреле 1917 года Ленин вошел в внутривнутриполитическую жизнь России, а годом раньше, в апреле 1916-го, Милюков в составе парла-

ментской делегации отправляется в Англию. Там делегацию принимают король Георг V и королева, затем последовали другие встречи. Самый душевный разговор получился со статс-секретарем по иностранным делам Эдуардом Грэм.

«Грэй, – вспоминал потом Милюков, – предупредил меня, начав прямо с перечня, взаимных уступок, которые он считал бесспорными. Мы обязаны честью перед Бельгией. Затем мы желаем дорогу из Египта в Индию. На европейском континенте у нас нет желаний... Для Франции первое необходимое условие – Эльзас и Лотарингия. Для вас – Константинополь и проливы...»

Милюков знал, что год тому назад был подписан тайный договор между союзниками и Россией, согласно которому последней будут переданы Константинополь и проливы, которые с екатерининских времен были яблоком раздора между двумя могущественными империями. Англия ну никак не хотела пускать Россию в Средиземное море, считая его своим внутренним водным бассейном. И вот теперь, в Лондоне, официальный представитель министерства иностранных дел Великобритании чуть ли не уговаривает взять эти проливы и Константинополь. В столь же доброжелательном тоне обсуждались и другие вопросы, связанные с послевоенной перекройкой политической карты мира.

Не менее замечательной оказалась и встреча с влиятельным министром торговли лордом У. Ренсименом. «Затем, – писал в своих «Воспоминаниях» Милюков, – Ренсимен расспрашивал меня о положении дел в России, и я не скрывал от него опасности, грозящей династии и старому порядку».

От кого же исходила угроза династии и всему старому порядку? От эсдеков, от эсеров, от военных? Нет. Угроза исходила от так называемого «прогрессивного блока», лидером которого и был милейший собеседник короля Георга, министра финансов Ллойд-Джорджа, статс-секретаря Грэя, министра торговли Ренсимена и других.

Так перед самым отъездом в Лондон был составлен уже второй список (первый составлялся еще в августе 1915 года) правительства «доверия», в котором Милюков, как и в первом списке, значился министром иностранных дел. Этот пост он займет и во Временном правительстве. А пока Милюков зондировал почву, налаживал контакты с правительством союзных стран. «Мне лично, – писал он, – представлялась возможность подкрепить удельный вес русских прогрессивных течений публичным европейским признанием и открыть таким образом нашему влиянию новую дверь...»

Затем парламентская делегация отправляется во Францию и Италию, а в июне возвращается в Россию, Милюков же вскоре вновь отправляется в зарубежный вояж. В Норвегии он встречается с Королем Гааконом VII. «Я нарисовал ему в мрачных красках картину внутреннего расстройств России, грозящего опасностью для государственного строя. Я особенно подчеркнул, что самое существование династии находится в опасности...» – И далее не без самодовольства Милюков заключает: – «Ушел от короля с сознанием достигнутого положительного результата».

Далее Милюков посетит Швейцарию, снова Англию и только в сентябре вернется в Россию. С осени начнется оголтелая травля Николая II, его супруги и его правительства, а Милюков уже приступит к обсуждению, в частности с мадам Е. Кусковой, отдельных подробностей грядущей «буржуазной революции». А Россия в то время проливали кровь на фронтах совершенно ненужной ей войны, ничего не подозревая о сговоре между «союзниками» и лидерами «прогрессивных» партий.

По возвращении осенью Милюкова в Россию его личными друзьями становятся французский посол Морис Палеолог и его английский коллега Джордж Бьюкенен. И потом Павел Николаевич будет не без гордости вспоминать: «Как бы то ни было, мрачные перспективы, разделившиеся осведомленными людьми, не могли, конечно, из-

менить самого дружеского отношения союзников к новому русскому правительству. Тут не обошлось даже без некоторого соперничества. Посол Соединенных Штатов, милейший Фрэнсис (но никакой не дипломат) непременно хотел, чтобы Америка признала первую русский переворот. И я охотно вошел с ним в маленькую конспирацию. 9 марта Фрэнсис был принят правительством в торжественной аудиенции. Через день, 11 марта, мы выслушали заявления признания нас главными союзниками, Францией, Англией и Италией; в третьей очереди приосединились к ним Бельгия, Сербия, Румыния, Япония и Португалия».

Став министром Временного правительства, Миллюков принимает похвальное участие в судьбе отрекшегося императора и его семьи: английский посол Бьюкенен вскоре подтверждает, что король Георг согласен принять находящихся под арестом бывших царских особ. Но с одним очень странным условием: Николай II непременно останется в Англии до окончания войны. Почему возникло такое условие? Об этом чуть позже. А через несколько дней... «Бьюкенен сообщил мне в ответ на мое напоминание о крейсере, который ожидался, что его правительство «больше не настаивает» на своем приглашении». Итак, сначала английские государственные деятели, так любящие поговорить о чести, демократизме и бескорыстии, вошли в преступный сговор с российскими государственными изменниками и помогли им в военное время совершить государственный переворот, затем они бросили своего верного союзника Николая II и его семью на произвол судьбы, угадать которую было не так уж и трудно.

Павел Николаевич, конечно же, искренне огорчился, однако вскоре ему придется огорчиться еще больше.

«СОЮЗНИКИ». Апрель 1917 года был очень насыщен судьбоносными для России событиями. В апреле возвращается из эмиграции Ленин со своими соратниками, в апреле США вступают в войну против Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария), в апреле приезжает в Россию министр вооружения Франции Аль-

бер Тома, в апреле переживает политический кризис Временное правительство, Милюков, а затем и Гучков покидают кабинет министров, в апреле сорвалось наступление русской армии, и позже генерал Людендорф скажет: «Только русская революция спасла нас в апреле 1917 года от тяжелого положения».

Однако вернемся к судьбе Милюкова. Во Временное правительство в качестве министра юстиции вошел адвокат Александр Керенский, у которого возникает принципиальный конфликт с Милюковым. Приехавший из Франции А. Тома соблазняется воинственными речами Керенского и вместе с английским послом Д. Бьюкененом оказывает давление на председателя Совета министров князя Г. Львова, вынуждая последнего сместить с поста министра иностранных дел Милюкова, а военным и морским министром вместо А. Гучкова становится сам Керенский, мнящий себя российским Наполеоном, а оказавшийся всего лишь политическим мыльным прузырем.

Октябрьский переворот сметет и Керенского, и его правительство. Большевики вступят в долгие переговоры с немцами. И вот, когда возникнет катастрофическая ситуация, 22 февраля 1918 года на заседании ЦК РСДРП Троцкий доложит о предложении французов и англичан содействовать в войне с немцами и огласит ноту французской военной миссии.

Свердлов предложит отклонить ноту без прений, но члены ЦК отклонят не французскую ноту, а предложение Свердлова. Прения были недолгими, но оживленными. Из стенограммы заседания:

«Б у х а р и н полагает, что со стороны «союзников» здесь имеется план превращения России в их колонии. Доказывает, что недопустимо пользоваться поддержкой какого бы то ни было империализма...

Т р о ц к и й доказывает, что доводы Бухарина не выдерживают критики... Если мы ведем революционную войну, то мы должны пользоваться поддержкой Франции и Англии».

Мнения разделились, и в результате голосования шестью голосами против пяти было принято предложение Троцкого. Отсутствовавший на заседании Ленин пишет короткое заявление: «В ЦК РСДРП. Прошу присоединить мой голос за взятие поддержки и оружия у разбойников англо-французского империализма. Ленин».

Б у х а р и н: «В ЦК РСДРП. Уважаемые товарищи! Сим заявляю, что выхожу из состава ЦК и слагаю с себя звание редактора «Правды». Н. Бухарин».

Заседание ЦК происходило в предверии VII партсъезда, и Ленин не был уверен, что ему удастся убедить своих соратников пойти на подписание «похабного» Брестского мира, поэтому он и подстраховывался на случай революционной войны с Германией. Однако Ленину удалось заключить мир с Германией, и поэтому альянс между большевиками и «разбойниками англо-французского империализма» не состоялся.

ЛЕНИН. Вероятно, все знают, хотя бы в общих чертах, какую чудовищную работу провел Ленин на VII съезде РКП(б) – теперь так стала называться ленинская партия, – чтобы заключить с немцами, по его же собственному определению, похабный мир, а затем его ратифицировать на съезде Советов. Но действительно ли Ленин не верил в успех революционной войны, да еще при поддержке Франции и Англии? Верил, но вот революционной войны Ленин боялся больше, чем немцев, так как стремился совсем к другой войне – к гражданской; к диктатуре своей партии и к своей личной диктатуре. Революционная же война невольно бы сплотила разные слои населения и потребовался бы хоть какой-то классовый мир. А вот это как раз и не входило в стратегические планы вождя мировой революции.

Мы уже сказали, что после заседания ЦК 22 февраля 1918 года Ленин на всякий случай подал свой голос за некий альянс с «разбойниками» империализма. Стало быть,

верил и в успех революционной войны с Германией. Более того, чуть раньше, а именно 18 февраля, Ленин на заседании ЦК вдруг проболтался, выпалив: «Если бы немцы сказали, что требуют свержения большевистской власти, тогда, конечно, надо воевать».

А кем воевать и чем воевать, если предложение о поддержке пришло от французской военной миссии только через два дня на третий? Бухарин и другие оппоненты Ленина так горячо с ним спорили на съезде, что забыли напомнить своему вождю о сказанном им несколько дней назад.

МИЛЮКОВ. Брестский мир был подписан Советской Россией, а чуть раньше мир с Германией подписала и Украинская Рада, согласно которому немецкие войска оккупировали Украину. В апреле (опять апрель) на Хлеборобском I конгрессе был избран гетман (генерал П. Скоропадский) и образовано, вместо Центральной Рады, правительство Украинской Державы.

Миллюков после Октябрьского переворота едет на Дон, а в конце мая 1918 года он уже в Киеве, где вступает в тесный контакт с немецкими оккупационными властями. Приехавший тогда в Киев бывший член Госдумы Н. Савич, встречавшийся с Миллюковым, позже вспоминал: «Он считал необходимым договориться с немцами, достигнуть с ними какого-то соглашения, хотя бы ценою временного подчинения нашей политики их видам, лишь бы отстоять целость Русской Державы».

Что это – ирония судьбы или закономерность политиканства? Ленин во время войны проехал через всю Германию и еще получил от немцев деньги, чтобы свергнуть Временное правительство и заключить с немцами сепаратный мир, а менее чем через год чуть не заключил альянс с «разбойниками» из Антанты. А Миллюков в 1916 году ездил к этим самым «разбойникам», но не за деньгами, а за признанием и поддержкой, намереваясь свергнуть само-

державие. Прошло два года, и Милюков уже ищет поддержки у немцев, чтобы свергнуть большевиков. Ленин как бы начинал с немцев, а Милюков заканчивал ими свою политическую карьеру.

Вынужденное германофильство дорого обойдется Милюкову: ему придется сложить с себя полномочия председателя кадетской партии. Когда несколько позже в составе делегации он приедет во Францию, премьер-министр Клемансо, припомнив германофильство Милюкова, выдворит всю делегацию из страны. В 1920 году Милюков эмигрирует в Англию и переехать во Францию отважится только в конце года.

«СОЮЗНИКИ». При встрече Милюкова и Гурко с Ллойд-Джорджем в 1916 году был затронут вопрос о предстоящем генеральном наступлении союзников. Английский министр согласился с мнением Милюкова, сказав, «что с наступлением надо подождать – и даже не до осени... а до весны следующего года». Ллойд-Джордж понимал, что до осени «кардинальных изменений» в России не произойдет, но они должны произойти непременно до начала генерального наступления, то есть до весны 1917 года. Тут уже вырисовывался строгий график развития внутривнутриполитических событий в России. Поэтому совершенно не случайно, что государственный переворот произошел в феврале, то есть до начала планируемого наступления.

Английское правительство сначала обещает дать убежище Николаю и его семье, а затем отказывается от своего обещания.

Милюков лично входил в сговор с «союзниками» и потом поддерживал постоянную связь с послами Англии и Франции в России, то есть был самым близким человеком для «союзников», но почему-то именно он под давлением «союзников» был первым удален из кабинета министров Временного правительства.

Все эти загадки легко разгадываются, если вспомнить весну 1915 года, когда «союзники» пообещали России проливы и Константинополь. Сначала «союзники» дружно ухватились за мысль о свержении самодержавия. Если не будет Николая II, то каким-то образом можно будет проливы и отстоять. Николая II свергают точно по графику, в конце зимы; «союзники» на радостях обещают ему убежище, но со странным на первый взгляд условием: бывший император до конца войны непременно остается в Англии. Потом соображают, что и в таком качестве он сможет играть какую-то роль, хотя бы моральную, чего будет достаточно, чтобы расстроить их грабительские планы. Ведь как в свое время Александр I пригласил аппетиты своих союзников после победы над Наполеоном. В апреле уже стало ясно, что революция в России разгорается и, скорее всего, пойдет по хорошо известному сценарию Великой французской... Прекрасно.

Но как-то не совсем ловко получается: Милюкову и в Лондоне, и в Петербурге не раз, говорили о законности притязаний России на проливы и Константинополь, теперь он стал министром иностранных дел, стало быть, все дальнейшие переговоры придется вести через него. И вот Милюков уже не министр. Та же печальная участь вскоре постигнет и премьера кн. Львова. Керенский – вот подходящая фигура, и эта фигура становится главой революционной России. Керенскому не до проливов и Константинополя, он раскочегаривает революцию: выпускает из тюрьмы Троцкого и его соратников, запрещает разоружать большевиков... И тут происходит осечка – большевики сбрасывают Керенского.

Что ж, пусть большевики, пусть Ленин – он же не император. Он за самоопределение, и Россия дружно разваливается на куски. Проливы и Константинополь спасены. У большевиков осложняются отношения с немцами... Прекрасно. Предложим им оружие, пусть повоюют. Ленин заключает с немцами мир. Да, война теперь затянется – это

еще миллионы убитых и искалеченных. Не важно. Во имя демократии можно принести любые жертвы.

Летом 1918 года большевики зверски убивают бывшего русского императора и членов его семьи – тоже недурно. Теперь окончательно решилась судьба императоров Германии и Австро-Венгрии... Нет, разумеется, не в таком кровавом варианте...

* * *

История пишется чернилами, а делается кровью. «Союзники» добились всего, чего хотели: на европейском континенте не стало ни империй, ни императоров, однако история вместо последних подкинула им Ленина, Сталина, Гитлера. Историю нельзя спланировать, ибо она развивается не по законам, принятым в парламентах большинством – или даже единогласно, и не по решениям, принятым в тиши политических кабинетов. История развивается по законам высшей справедливости, исходящим из неумолимого принципа: **«МНЕ ОТМЩЕНИЕ И АЗ ВОЗДАМ»**.

Но Европа забыла не только этот принцип, но и самого Бога, посвятив целый век самоистреблению, в чем, надо признаться, весьма преуспела, однако даже на излете самого кровавого для себя столетия так и не поняла: **к т о в и н о в а т**.

1994 г.

СОДЕРЖАНИЕ

БУДЕТ ЛИ СУЩЕСТВОВАТЬ РОССИЯ? (Вместо предисловия)	3
---	---

ТЕХНОЛОГИЯ ВЫЖИВАНИЯ ИЛИ ТЕХНОЛОГИЯ ЖИЗНИ?.....	15
--	----

Технология жизни	17
Перед кончиной тысячелетия.....	34
Русские гамбийцы	49
«Рейхсвер» для России	56
Генерал и его бурка.....	67
Камикадзе из Нижнего	73
О чем безмолвствует народ?.....	88
Апостолы и жертвы сиюминутного	95

50 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ	121
-----------------------------	-----

1939-й год	123
От Версаля до Нюрнберга.....	147
Москва – Берлин	174

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ	203
------------------------------------	-----

Национальный вопрос в России.....	205
Москва – Третий Рим, Российская империя и русская лень	235
Дар судьбы	262
Ленин – Деньги – Милюков	284

Анатолий Петрович ЛАНЩИКОВ
ЧЕРЕДА ОКАЯННЫХ ДНЕЙ

М.: ФОРУМ, 1998. – 296 с
Лицензия ЛР № 065499
от 17.11.1997 г.

Формат 84 x 108 / 32. Объем 9,25 печ. л.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Облиздат»,
г. Калуга, ул. Старый торг, д.5
Тираж 3000 Заказ 117.

